

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

СУДЖУ Али Эмре

**ОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЫЯВЛЕНИЕ БАЛАНСА СОТРУДНИЧЕСТВА
И СОПЕРНИЧЕСТВА**

Специальность 23.00.04 — Политические проблемы
международных отношений, глобального и регионального развития

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
к.полит.н., доцент
Сафранчук И.А.

Москва — 2022 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	23
1.1 Сотрудничество и соперничество государств через призму ТМО	23
1.2. Иерархия международных отношений и акторы	28
1.2.1. Великие державы	28
1.2.2. Средние державы	30
1.2.3. Малые державы	32
1.2.4. Акторность и иерархия международной системы	33
1.3. Основные параметры и тренды современной мировой политики	38
1.3.1. Глобализация и регионализация	38
1.3.2 Кризис гегемонии и возвышение средних держав	43
1.3.3. Многополярность и современный мировой порядок	50
Выводы к главе	56
ГЛАВА 2. РОССИЯ, ТУРЦИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	59
2.1. Российско-турецкие отношения как отношения великой и средней держав	59
2.1.1. Россия в международной системе: великая держава	59
2.1.2. Турция в международной системе: средняя держава	65
2.1.3. Основные параметры развития российско-турецких отношений	70
2.2. Центральная Азия в мировой политике: малые державы и основные мировые тренды	91
2.2.1. Центральная Азия в международной системе: проблемы акторности	91
2.2.2. Политические процессы в Центральной Азии	96
2.2.3. Роль Центральной Азии в глобальных процессах	103
Выводы к главе	108
ГЛАВА 3. ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	111
3.1. Политика России в Центральной Азии	111
3.1.1. Формирование российской политики в Центральной Азии	114
3.1.2. Основные направления внешней политики России в Центральной Азии в 2000-е годы	122
3.1.3. Роль Турции в российской политике в Центральной Азии	139
3.2. Политика Турецкой Республики в Центральной Азии	142
3.2.1. Формирование внешней политики Турции в Центральной Азии	145
3.2.2. Основные направления внешней политики Турции в Центральной Азии в 2000-е годы	153
3.2.3. Роль России в турецкой политике в Центральной Азии	164
3.3. Соперничество и сотрудничество в отношениях России и Турции	167

3.3.1. Причины сохранения баланса между сотрудничеством и соперничеством	169
3.3.2. Перспективы динамики отношений России и Турции	173
Выводы к главе	176
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	183

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Регион Центральной Азии, расположенный в центре Евразии, на протяжении столетий находился в центре геополитической конкуренции. После окончания холодной войны и распада СССР в нем сформировались пять независимых государств: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

На современном этапе происходит трансформация в системе международных отношений. Эта трансформация напрямую влияет на формирование миропорядка. Благодаря своему географическому положению, запасам энергоресурсов и из-за угроз региональной и глобальной безопасности регион Центральной Азии оказывается приоритетным направлением внешней политики региональных и глобальных игроков. Центральная Азия является важным регионом мировой политики с точки зрения региональной и глобальной безопасности, а также энергетической политики, что в свою очередь приводит к соперничеству между великими державами. В то же время на фоне формирования национальных идентичностей в странах Центральной Азии внешние страны активизируют в них культурно-образовательную политику.

Региону Центральной Азии отводится важное место во внешнеполитических доктринах как Российской Федерации, так и Турецкой Республики. Политика каждой из этих стран в данном регионе достаточно хорошо изучена. Обычно выделяются исторические и социокультурные факторы, мотивирующие две страны проводить активную политику в регионе, а также широкий геополитический контекст их политических курсов. Однако пока недостаточно изучены особенности соотношения политики России и Турции в Центральной Азии, что и является предметом настоящего исследования. Лучшее понимание того, как в политике этих двух стран сочетаются элементы соперничества и сотрудничества, актуально как для региональных исследований по Центральной Азии, так и для исследований по двусторонним российско-турецким отношениям, а также для практической работы в регионе. Кроме того, это важно и для понимания особенностей взаимодействия глобальных и региональных акторов по региональным вопросам в современном мире.

Степень научной разработанности темы исследования. Изучению российско-турецких отношений в России и Турции посвящено достаточно много научных работ. На эту тему исследования были опубликованы и в европейских странах, и в США. Однако пока остаются недостаточно изученными взаимодействия российской и турецкой политики в отдельных регионах, в том числе в Центральной Азии. Исходя из необходимости раскрыть этот аспект, автор выделяет следующие основные группы источников и литературы российских, турецких и авторов из других стран по данной проблеме:

1) монографии и научные статьи, в которых исследуются параметры и тенденции современной мировой политики;

2) научная литература, посвященная российско-турецким отношениям и международным отношениям в Центральной Азии;

3) монографии, книги и научные статьи, исследующие российскую политику и турецкую политику в регионе Центральной Азии по отдельности.

К первой группе относятся монографии и статьи Барановского В.Г.¹, Богатурова А.Д.², Байкова А.А., Истомина И.А.³, Вершининой В.В.⁴, Дегтерева Д.А.⁵, Караганова С.А.⁶,

¹ Барановский В.Г. Трансформация мировой системы в 2000-х годах // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 22. С. 4-13.

² Богатуров А.Д. Современная мировая политика: Прикладной анализ. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2010; Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России: Научное издание. М.: Аспект Пресс, 2017. 480 с.

³ Байков А.А., Истомин И.А. Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 34-48.

⁴ Вершинина В.В. «Державы Среднего Уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов // Сравнительная Политика. Т. 11. № 3. С. 25-40.

⁵ Дегтерев Д.А. Многополярность или «новая биполярность»? // Российский совет по международным делам (РСМД). 16.01.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/> (дата обращения: 12.02.2020).

⁶ Караганов С.А. Холодная война: прогноз на завтра // Российская газета. 22.10.2017. URL: <https://rg.ru/2017/10/20/karaganov-my-perezhivaem-hudshiu-holodnuu-voynu-chem-predydushchaia.html> (дата обращения: 10.03.2020); Караганов С.А. Новой миссией России может стать защита всего мира // ВЗГЛЯД. 03.10.2019. URL: <https://m.vz.ru/politics/2019/10/3/1001036.html> (дата обращения: 20.02.2020); Караганов С.А. Российская внешняя политика: новый этап? // Российская газета. 25.05.2016. URL: <http://rg.ru/2016/05/25/specialisty-predstavili-svoe-videnie-prioritetov-vneshnej-politiki-rf.html> (дата обращения: 12.02.2020).

Кортунова А.В.⁷, Кортунова С.В.⁸, Лебедевой М.М.⁹, Лукьянова Ф.А.¹⁰, Никитиной Ю.А.¹¹, Сафранчука И.А.¹², Тренина Д.В.¹³, Цыганкова А.П.¹⁴, Цыганкова П.А.¹⁵

Особую значимость для теоретической части исследования представляет работа П.А. Цыганкова «Теория международных отношений»¹⁶, освещающая методологические проблемы и проблемы закономерности теории международных отношений в контексте глобальных трансформаций в международной системе. В книге утверждается, что все вопросы о трансформациях в международной системе представляют собой новый вызов теории международных отношений. В конечном счете государство пока остается основной формой политической организации общества, главным (хотя ни в коем случае не единственным и все более теснимым другими акторами) игроком на международной арене.

⁷ Kortunov A. The World Order Crises and the Future of Globalisation // RIAC Reports. 01.10.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/en/activity/publications/the-world-order-crisis-and-the-future-of-globalization/> (дата обращения: 12.10.2020).

⁸ Кортунов С.В. Современная внешняя политика России: стратегия избирательной вовлеченности. М.: ГУ ВШЭ, 2009. 603 с.

⁹ Современные глобальные проблемы мировой политики: Учеб. пособие для студентов вузов. Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2009. 256 с.; Мировая политика: учебник. М. М. Лебедева. М.: КНОРУС, 2011. 256 с.; Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке: Учеб. пособие для студентов вузов. Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект, 2019. 400 с.

¹⁰ Лукьянов Ф.А. Многополярная война // Газета.ру. 16.08.2007. URL: <https://www.gazeta.ru/column/lukyanov/2046452.shtml> (дата обращения: 22.02.2020); Лукьянов Ф.А. Многополярный вектор // Российская газета. 11.06.2009. URL: <https://www.gazeta.ru/column/lukyanov/3209398.shtml> (дата обращения: 22.02.2020); Лукьянов Ф.А. Нынешний «идеальный шторм» — замена большой войне // Российская газета. 17.03.2020. URL: <https://rg.ru/2020/03/17/lukianov-sereznyj-analiz-krizisa-i-ego-dolgosrochnyh-posledstvij-vperedi.html> (дата обращения: 05.05.2020); Лукьянов Ф.А. Как установка на реванш мешает российской внешней политике // Ведомости. 30.01.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/01/30/675313-v-teni-sovetskogo> (дата обращения: 12.10.2020); Лукьянов Ф.А. Внешняя политика России в 2018 году: проблем больше, чем успехов // Профиль. 26.12.2018. URL: <https://profile.ru/politics/vneshnyaya-politika-rossii-v-2018-godu-problem-bolshe-chem-uspexov-61587/> (дата обращения: 11.03.2020).

¹¹ Никитина Ю.А. Международные отношения и мировая политика: Введение в специальность. М.: Аспект Пресс., 2014. 156 с.

¹² Safranchuk I. Globalisation and the Decline of Universalism: New Realities for Hegemony // Hegemony and World Order. Reimagining Power in Global Politics. Ed. by Piotr Dutkiewicz, Tom Casier, Jan Aart Scholte. Routledge, 2020. P. 65-77.

¹³ Тренин Д.В. 20 лет Владимира Путина: трансформация внешней политики // Ведомости. 14.08.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/08/14/808755-20-let-putina> (дата обращения: 16.08.2020); Trenin D. Integrating Russia's Post-Imperium // Project Syndicate. 02.11.2011. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/integrating-russia-s-post-imperium?barrier=accesspaylog> (дата обращения: 16.06.2020); Trenin D. Russia's Great Power Problem // National Interest. 28.10.2014. URL: <https://nationalinterest.org/feature/russias-great-power-problem-11553> (дата обращения: 13.03.2020); Trenin D. Russia: From Empire to Great Power // Carnegie. 29.07.2011. URL: <https://carnegie.ru/2011/06/29/russia-from-empire-to-great-power-pub-44896> (дата обращения: 12.05.2020).

¹⁴ Tsygankov A. G — Great Powerness // Russia in Global Affairs. 26.03.2020. № 1. P. 85-91. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/g-great-powerness/> (дата обращения: 02.11.2021); Tsygankov A. Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity. Fourth Edition. Rowman and Littlefield, 2016. 336 p.; Tsygankov A. Russia's Power and Alliances in the 21st Century // Politics. 2010. Vol. 30. P. 43-51; Tsygankov A. The Revisionist Moment: Russia, Trump, and Global Transition // Problems of Post-Communism. 2020; Цыганков А.П. Внешняя политика России от Горбачева до Путина. Формирование национального интереса. М.: Научная книга, 2008. 272 с.

¹⁵ Цыганков П.А. Политическая динамика современного мира: теория и практика. М.: Издательство Московского университета, 2014. 576 с.

¹⁶ Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. 590 с.

Известный российский специалист-международник Т.А. Шаклеина в статье «Великие державы и региональные подсистемы»¹⁷ анализирует роль региональных центров власти, которые обладают потенциалом регионального лидерства, но не имеют достаточных ресурсов для участия в глобальных процессах. Она утверждает, что при трансформации современного миропорядка государство остается ведущим актором в международной системе. В статье «Современный миропорядок, его кризис и перспективы»¹⁸ известный российский ученый-международник А. И. Никитин называет кризис в современной мировой политике «процессом реорганизации». Он предполагает, что в целом необходимо развивать структуру международной системы в направлении устойчивой многополярности, которая основана не на гегемонии и конфронтации, и тем более не на «гарантированном взаимном уничтожении», а на системе международного сотрудничества, позитивных стимулах, взаимозависимости и балансе интересов. Другие российские авторы считают, что несправедливо обозначать современное состояние мировых дел как переходное. Например, Ф.А. Лукьянов и И.А. Сафранчук полагают, что «структурные реалии современного мира характеризуются одновременным существованием материальной глобальности и идейной неуниверсальности, неоднородности», эти структурные реалии «достаточно устойчивы, так как в мире наблюдается сопротивление и идейной универсализации (скорее, можно ожидать дальнейшей деуниверсализации), и материальной деглобализации. В таких условиях формируется новая стабильная, т.е. воспроизводящаяся, модель взаимоотношений значимых мировых игроков»¹⁹. Доклад российского политолога и общественного деятеля А.В. Картунова «Почему мир не становится многополярным»²⁰ анализирует задачу поляризации и концепцию «многополярности» с точки зрения российской внешней политики и исторического развития такого термина. Сравнивая суждение многополярности в XVIII и XIX веках в мировой системе, автор предлагает называть будущее миропорядка не «многополярностью», а «многосторонностью». Согласно такому подходу, исходя из исторического опыта, если наступает переходный период к многополярности, то современная эпоха — скорее, небезопасная «серая зона». Таким образом, концепция «многосторонности» является более гибкой и открывает больше возможностей для малых и средних государств, чем в многополярной системе.

¹⁷ Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 2. С. 29-39; Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США. 1991-2002. М.: Институт США и Канады РАН, 2002. 445 с.; Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике: Научное издание. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2017. 336 с.

¹⁸ Никитин А.И. Современный миропорядок, его кризис и перспективы // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 32-47. <https://doi.org/10.17976/pis/2018.06.03>.

¹⁹ Лукьянов Ф.А., Сафранчук И.А. Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 70-71.

²⁰ Картунов А.В. Почему мир не становится многополярным? // Россия в глобальной политике. 26.06.2018. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym/> (дата обращения: 12.02.2020).

В первую группу также можно отнести работы зарубежных авторов: Андерсона П.²¹, Ачарья А.²², Брукса С. и Уолфорта У.²³, Бузана Б.²⁴, Гилпина Р.²⁵, Дуткевича П.²⁶, Икенберри Дж.²⁷, Джордаана Э.²⁸, Карра А.²⁹, Каценштейна П.³⁰, Кеохейна Р.³¹, Кларка И.³², Кофмана М.³³, Кокса Р.³⁴, Кили Р.³⁵, Купера А.³⁶, Лейка Д.³⁷, Миршаймера Дж.³⁸, Миллера Б.³⁹, Ная Дж.⁴⁰, Реншона Дж.Б.⁴¹, Уолта С.⁴², Уолтца К.⁴³, Фукуямы Ф.⁴⁴, Хантингтона С.⁴⁵, Холбрада К.⁴⁶, Чапника А.⁴⁷

²¹ Андерсон П. Перипетии гегемонии / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. В. Софронова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 296 с.

²² Acharya A. The End of American World Order. Cambridge: Polity. 2018. 224 p.

²³ Brooks S., Wohlforth W. The Rise and Fall of Great Powers in the Twenty-first Century // *International Security*. Winter 2015/16. Vol. 40. № 3. P. 7-53.

²⁴ Buzan B. People, States and Fear: the National Security Problem in International Relations. Wheatsheaf, 1983. 262 p.

²⁵ Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 272 p.

²⁶ Eurasia on the Edge: Managing Complexity. Ed. by P. Dutkiewicz, R. Sakwa, F. Lukyanov, R. Burchill, T. Bordachev. New York, London: Lexington Books. 2018. 311 p.; Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics. Ed. by P. Dutkiewicz, T. Casier, Jan A. Scholte. London: Routledge 2020. 276 p.

²⁷ Ikenberry J.G. The End of Liberal International Order? // *International Affairs*. 2018. Vol. 94. № 1. P. 7-23; Ikenberry J.G. Why the Liberal World Order Will Survive // *Ethics & International Affairs*. 2018. Vol. 32. № 1. P. 17-29; Power, Order, and Change in World Politics. Ed. by G. John Ikenberry. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 272 p.; Deudney D., Ikenberry J. The Nature and Sources of Liberal International Order // *Review of International Studies*. 1999. Vol. 25. № 2. P. 179-196.

²⁸ Jordaan E. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing between Emerging and Traditional Middle Powers // *South African Journal of Political Studies*. 2003. Vol. 30. № 1. P. 165-181. <https://doi.org/10.1080/0258934032000147282>; Jordaan E. The Emerging Middle Power Concept: Time to Say Goodbye? // *South African Journal of International Affairs*. 2017. Vol. 24. № 3. P. 395-412. <https://doi.org/10.1080/10220461.2017.1394218>.

²⁹ Carr A. Is Australia a Middle Power? A Systemic Impact Approach // *Australian Journal of International Affairs*. 2014. Vol. 68. № 1. P. 70-84.

³⁰ Anti-Americanisms in World Politics. Ed. by Peter J. Katzenstein, Robert O. Keohane. Ithaca, London: Cornell University Press, 2007. 351 p.

³¹ Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence. New York: Longman, 2012. 330 p.; Keohane R. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // *International Organization*, 1969. № 23. P. 291-310.

³² Clark I. Hegemony in International Society. New York: Oxford University Press. 2011. 277 p.

³³ Kofman M. Great Power Competition in 21st Century // *Valdai Papers*. 2018. URL: <https://valdaiclub.com/files/18724/> (дата обращения: 12.03.2020).

³⁴ Cox R. Middlepowermanship, Japan, and Future World Order // *International Journal*. 1989. Vol. 44. No. 4. P. 823-862.

³⁵ Kiely R. The Rise and Fall of Emerging Powers: Globalisation, US Power and the Global North-South Divide. London: Palgrave Macmillan. 2016. 111 p.

³⁶ Niche Diplomacy: Middle Powers after Cold War. Ed. by Andrew F. Cooper. London: Macmillan Press LTD, 1997. 221 p.

³⁷ Lake D.A. Hierarchy in International Relations. London: Cornell University Press. 2009. 232 p.; Lake D. Leadership, Hegemony, and the International Economy: Naked Emperor or Tattered Monarch with Potential? // *International Studies Quarterly*. 1993. Vol. 37. № 4. P. 459-489.

³⁸ Mearsheimer J.J. Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order // *International Security*. 2019. Vol. 43. № 4. P. 7-50.; Mearsheimer J.J. The False Promise of International Institutions // *International Security*. 1994. Vol. 19. № 3. P. 5-49; Mearsheimer J.J. Benign Hegemony // *International Studies Review*. 2016. Vol. 18. № 1. P. 147-149.

³⁹ Miller B. States, Nations, and the Great Powers: The Sources of Regional War and Peace. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 500 p.

⁴⁰ Nye J. The Rise and Fall of American Hegemony from Wilson to Trump // *International Affairs*. 2019. Vol. 95. № 1. P. 63-80; Nye J. The Velvet Hegemon // *Foreign Policy*. 2003. № 136. P. 74-75; Nye J. What New World Order? // *Foreign Affairs*. 1992. Vol. 71. № 2. P. 83-96.

⁴¹ Renshon J.B. Fighting for Status: Hierarchy and Conflict in World Politics. Princeton: Princeton University Press, 2017. 304 p.

Из этой группы необходимо выделить монографию американского политолога К. Уолтца «Человек, государство и война»⁴⁸, посвященную системному анализу мировой политики. В книге применяется три уровня анализа системы международных отношений. Автор рассматривает политику «баланса сил» и анархическую структуру системы как особенности международных отношений. Автор объясняет, что баланс между акторами возникает не из-за недоброжелательности государств, а из-за условий, в которых существуют все государства. Несмотря на то, что на книгу К. Уолтца оказала влияние эпоха холодной войны, ее идеи остаются актуальными благодаря акценту на тех факторах, которые определяют великие державы. Американский политолог Дж. Миршаймер в своей книге «Трагедия политики великих держав»⁴⁹ проанализировал теорию «наступательного реализма» для того, чтобы подчеркнуть бесконечный конфликт интересов великих держав в международной системе. Автор утверждает, что главная цель каждого государства — максимизировать свою долю мировой власти, то есть получить власть за счет других акторов. Однако великие державы не просто стремятся быть сильнейшими, конечная цель любой великой державы — стать гегемоном, то есть единственной великой державой в системе. Таким образом, соперничество между великими державами выступает основным формирующим элементом мировой политики. Американский политолог Р. Кеохейн в своей работе «После гегемонии»⁵⁰ анализирует значимость создания международных институтов для смены роли гегемона в системе. Исходя из создания таких институтов, сотрудничество государств будет способствовать прочному миру и стабильности в международной системе. Другой известный американский политолог, Дж. Най, в книге «Американский век закончился?»⁵¹ рассматривает вопросы восстановления «американского века» и ослабления гегемонии США в международной системе. В отличие от подходов, рассматривающих современную международную систему через такие категории, как переходный период, многополярность, многосторонность или конкуренция великих держав, ученый предполагает, что американский век еще не закончился — если под этим подразумевается

⁴² Walt S. The Origins of Alliances. Ithaca and London: Cornell University Press, 1987. 321 p.; Walt S.M. Taming American. Power // Foreign Affairs. 2005. Vol. 84. № 5. P. 105-120.

⁴³ Waltz K.N. Globalization and Governance // Political Science and Politics. 1999. Vol. 32. No. 4. P. 693-700; Waltz K.N. Theory of International Politics. Addison-Wesley Publishing Company, 1979; Waltz K.N. Globalisation and Governance // Political Science and Politics. 1999. Vol. 32. № 4. P. 693-700.

⁴⁴ Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. 1989. № 16. P. 3-18.

⁴⁵ Huntington S. Democracy's Third Wave // Journal of Democracy. 1991. Vol. 2. № 2. P. 12-34; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ МОСКВА, 2006. 571 с.

⁴⁶ Holbraad C. Middle Powers in International Politics. London: Macmillan Press, 1984. 234 p.

⁴⁷ Chapnick A. The Middle Power // Canadian Foreign Policy Journal. 1999. Vol. 7. № 2. P. 73-82.

⁴⁸ Waltz K.N. Man, The State and War: A Theoretical Analysis. New York: Columbia University Press. 1959.

⁴⁹ Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics. W. W. Nanon & Company, 2001. 555 p.

⁵⁰ Keohane R.O. After Hegemony: Cooperation and Discord in World Political Economy. Princeton University Press, 1984. 320 p.

⁵¹ Nye J.S. Is the American Century Over? Cambridge: Polity Press. 2015. 201 p.

экстраординарный период американского превосходства в военных, экономических ресурсах и ресурсах «мягкой силы». Подчеркивается, что в мире еще не наступил постамериканский период, поскольку США никогда не обладали полным контролем над системой международных отношений.

Ко второй группе исследований российско-турецких отношений, а также международных отношений в Центральной Азии, можно отнести труды следующих российских, турецких и других ученых: Дружиловский С.Б.⁵², Аватков В.А.⁵³, Айдын М.⁵⁴, Баба Г. и Онсой М.⁵⁵, Балта Э.⁵⁶, Боришполец К.П., Чернявский С.И.⁵⁷, Вартазарова Л.С.⁵⁸, Давутоглу А.⁵⁹, Дал Э.П.⁶⁰, Иманбейли В.⁶¹, Кавальский Э.⁶², Касапоглу С.⁶³, Кобринская И.Я.⁶⁴, Кузьмина Е.М.⁶⁵, Малышева Д.Б.⁶⁶, Маркедонов С.М.⁶⁷, Мозлов А.Т.⁶⁸, Надеин-

⁵² Аватков В.А., Дружиловский С.Б. Российско-турецкие отношения: 2002-2012 годы / Под ред. Аваткова В.А., Дружиловского С.Б., Федорченко А.В. М.: МГИМО Университет. 2013. 150 с.

⁵³ Международная научная студенческая конференция «Турция. Тюркские государства. Тюркоязычные народы России». Сборник статей / Под ред. В.А. Аваткова, Т.В. Кашириной. М., 2018. 195 с.; Российско-турецкие экономические отношения на новом этапе / В.А. Аватков, В.Л. Лихачев, Р.Ш. Мамедов, Н.Р. Масумова, И.И. Стародубцев. гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). Доклад № 28. М.: НП РСМД, 2016. 39 с.

⁵⁴ Aydın M. Küresel Politikada Orta Asya (Avrasya Üçlemesi 1). Ankara: Nobel, 2006. 345 p.

⁵⁵ Baba G., Önsoy M. Between Capability and Foreign Policy: Comparing Turkey's Small Power and Middle Power Status // Uluslararası İlişkiler. 2016. Vol. 13. № 51. P. 3-20.

⁵⁶ Kuşku ile Komşuluk / ed. by E. Balta, G. Özcan, B. Beşgül. İstanbul: İletişim Yayınları, 2017. 358 p.; Balta E. From Geopolitical Competition to Strategic Partnership: Turkey and Russia After the Cold War // Uluslararası İlişkiler. 2019. Vol. 16. № 63. P. 69-86.

⁵⁷ Боришполец К.П., Чернявский С.И. Содружество Независимых Государств и задачи евразийской интеграции // Международная аналитика. 2015. № 3. С. 14-33.

⁵⁸ Современная Турция: тренды развития и значение для России / Под ред. Л.С. Вартазаровой, И.Я. Кобринской, С.В. Уткина. М.: ИМЭМО РАН, 2019. 54 с.

⁵⁹ Давутоглу А. Внешняя политика Турции и Россия: региональный подход к глобальному миру // Россия в глобальной политике. 2010. Т. 8. № 1. С. 60-70.

⁶⁰ Dal E.P., Erşen E. Reassessing the "Turkish Model" in the Post-Cold War Era: A Role Theory Perspective // Turkish Studies. 2014. Vol. 5. № 2. P. 258-282; Middle Powers in Global Governance: The Rise of Turkey. Ed. by Emel Parlar Dal. Palgrave Macmillan, 2018. 275 p.

⁶¹ İmanbeyli V. 'Uçak Krizi' ve Türkiye-Rusya İlişkileri // SETA Perspektif. Aralık 2015. URL: http://file.setav.org/Files/Pdf/20151231165033_ucak-krizi-ve-turkiye-rusya-iliskileri-pdf.pdf (дата обращения: 01.11.2021).

⁶² Kavalski E. Coming to Terms with the Complexity of External Agency in Central Asia // Journal of Eurasian Studies. 2011. Vol. 2. № 1. P. 21-29.

⁶³ Kasapoğlu C. Türk-Rus Savunma İş Birliği: Siyasi-Askeri Kapsam, Beklentiler ve Limitler // EDAM. 13.05.019. URL: <https://edam.org.tr/turk-rus-savunma-isbirligi-siyasi-askeri-kapsam-beklentiler-ve-limitler/> (дата обращения: 05.11.2021).

⁶⁴ Современная Турция: тренды развития и значение для России / Под ред. Л.С. Вартазаровой, И.Я. Кобринской, С.В. Уткина. М.: ИМЭМО РАН, 2019. 54 с.

⁶⁵ Кузьмина Е.М. Новый виток Большой игры? // Россия и мусульманский мир. 2011. № 7. С. 86-97; Кузьмина Е.М. Новые тенденции в экономическом сотрудничестве в ШОС // РСМ. 2017. № 4 (97). С. 163-177; Кузьмина Е.М. Особенности внутривосточной и международной ситуации в Центральной Азии и их влияние на интеграционные процессы // ПОЛИТЭКС. 2009. № 3. С. 92-106.

⁶⁶ Малышева Д.Б. Центральноазиатский узел мировой политики М.: ИМЭМО РАН, 2010. 100 с.

⁶⁷ Маркедонов С.М. Российско-турецкие отношения и проблемы безопасности кавказского региона // Валдайские записки. 2016-апрель. № 45. С. 1-15. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-45/> (дата обращения: 10.05.2020).

⁶⁸ Мозлов А.Т. Россия-Турция: к вопросу об обострении отношений // Человеческий капитал. РОССИЯ. 2016. № 2. С. 21-23.

Раевский В.А.⁶⁹, Наумкин В.В.⁷⁰, Сафранчук И.А.⁷¹, Байков А.А., Болгова И.В.⁷², Сучков М.⁷³, Теллал Т.⁷⁴, Ульченко Н.Ю.⁷⁵, Челикпала М.⁷⁶, Шлыков П.В.⁷⁷, Энис З. и Кутлай М.⁷⁸, Эршен Э.⁷⁹

Особо значима для изучения российско-турецких отношений статья турецкого исследователя Ш. Актюрка «Реалистическая оценка турецко-российских отношений»⁸⁰. Ее автор предполагает, что увеличение материальных ресурсов двух стран вызывает конфликт интересов. С точки зрения подходов неореализма утверждается, что определяющую роль в двусторонних отношениях играют элементы соперничества. Турецкий профессор М. Челикпала в работе «Турецко-российские отношения: между конкуренцией и сотрудничеством»⁸¹, анализирует отношения России и Турции с окончания холодной войны в разных регионах, расположенных в их периферии. Автор утверждает, что, хотя с исторической точки зрения соперничество между двумя этими государствами было определяющим элементом двусторонних отношений, начиная с 2000-х годов они все больше проявляют намерение найти общую площадку для взаимодействия. В работе подчеркивается, что есть надежды на дальнейшее развитие двусторонних отношений. Другой турецкий

⁶⁹ Надеин-Раевский В.А. Внешняя политика Турции: ветры перемен // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 2. С. 84-92; Надеин-Раевский В.А. Идеиная борьба и «новая Турция» // Вестник МГИМО-Университета. 2016. Т. 2. № 47. С. 22-31.

⁷⁰ Наумкин В.В. Турецкая дилемма России // Российский совет по международным делам (РСМД). 04.06.2014. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/turetskaya-dilemma-rossii/> (дата обращения: 03.11.2021).

⁷¹ Safranchuk I. Central Asian Regimes: Stability and Reform // Eurasia on the Edge: Managing Complexity. Ed. By Richard Sakwa, Piotr Dutkiewicz, Fyodor Lukyanov. Lexington Books, 2018. P. 181-196.

⁷² Байков А.А., Болгова И.В. Центральная Азия и перспективы СНГ // Центральная Азия: актуальные акценты международного сотрудничества. Сер. «Книги и брошюры ИМИ». Под редакцией А.И. Подберезкина, А.А. Орлова, В.М. Сергеева. Москва: МГИМО Университет. 2010. С. 131-140.

⁷³ Сучков М. Хрупкие или пластичные. Почему Россия и Турция так легко ссорятся и мирятся // Московский центр Карнеги. 16.03.2020. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81291> (дата обращения: 30.04.2020).

⁷⁴ Tellal E. Türk Dış Politikası'nda Avrasya Seçeneği // Uluslararası İlişkiler. 2005. Vol. 2. № 5. P. 49-70.

⁷⁵ Ульченко Н. Торгово-экономические связи России и Турции в постсоветский период // Мармара. Журнал турецких исследований. 2016. № 3 (2). С. 121-138.

⁷⁶ Çelikpala M. Bugüne Tarih Olarak Bakmak: Türkiye-Rusya İlişkilerinin Serencamı ve Geleceği // Dış Politika ve Güvenlik. 2019. URL: <https://edam.org.tr/wp-content/uploads/2019/05/MITAT-BUGUNE-TARİH-OLARAK-BAKMAK.pdf> (дата обращения: 12.05.2020); Ruma İ., Çelikpala M. Russian and Turkish Foreign Policy Activism in the Syrian Theater // Uluslararası İlişkiler. 2019. Vol. 16. № 62. P. 65-84; Çelikpala M. 1990'lardan Günümüze Türk-Rus İlişkileri // Avrasya Dosyası. 2007. Vol. 13. № 1. P. 267-298.

⁷⁷ Шлыков П.В. Российско-турецкая «холодная война»: цена кризиса в отношениях Москвы и Анкары // Московский центр Карнеги. 23.12.2015. URL: https://carnegieendowment.org/files/Shlykov_event2015.pdf (дата обращения: 12.04.2020).

⁷⁸ Kutlay M., Öniş Z. Rising Powers in a Changing Global Order: the Political Economy of Turkey in the Age of BRICS // Third World Quarterly. 2013. P. 34-38; Öniş Z., Kutlay M. The Dynamics of Emerging Middle Power Influence in Regional and Global Governance: The Paradoxical Case of Turkey // Australian Journal of International Affairs. 2016. P. 164-183.

⁷⁹ Turkey's Pivot to Eurasia Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order. London, New York: Routledge. 2019. 212 p.; Erşen E. Türk Dış Politikasında Avrasya Yönelimi ve Şangay İşbirliği Örgütü // Ortadoğu Analiz. 2013. Vol. 5. № 52. P. 15-23.

⁸⁰ Aktürk Ş. Türk-Rus İlişkilerinin Realist Bir Değerlendirmesi, 2002-2012: Zirveden Dibe mi? // Hazar Raporu. 2013. P. 55-70.

⁸¹ Çelikpala M. Rekabet ve İş birliği İkileminde Yönünü Arayan Türk-Rus İlişkileri // Bilig. Kış. 2015. № 72. P. 117-144.

исследователь Б. Арас в своей статье «Турция и Россия: асимметричное партнерство?»⁸² относится скептически к развитию российско-турецких отношений в последние годы. Автор предполагает, что между двумя странами возникло «ассиметричное партнерство», причиной которого стал рост зависимости Турции от России, особенно в области экономики и военно-технического сотрудничества и в процессе урегулирования кризиса в Сирии. Статья старшего научного сотрудника ИМЭМО РАН В.А. Надеин-Раевского «Идеологическая борьба в Турции и российско-турецкие отношения»⁸³ связывает изменения внутривнутриполитической ситуации в Турции с ее отношениями с Россией. Автор называет внутривнутриполитическую переориентацию Турецкой Республики «идеологической перестройкой» для объединения между исламской и пантюркской идеологией. Таким образом, дальнейшее развитие российско-турецких отношений будет зависеть от этой перестройки. Профессор кафедры востоковедения МГИМО С.Б. Дружиловский обращает внимание на политическую и экономическую зависимости России и Турции друг от друга⁸⁴. Автор подчеркивает, что с исторической точки зрения третьи страны всегда были намерены ослабить эти две крупные страны.

Что касается международных отношений в Центральной Азии в целом, то значительную помощь в исследовании оказала работа российских ученых «Международные отношения в Центральной Азии», вышедшая под редакцией А.Д. Богатурова⁸⁵. Данный научный труд освещает современные тенденции развития международных отношений в центральноазиатском регионе после распада Советского Союза. Авторы дают комплексную версию истории формирования международных отношений в Центральной Азии. Главный научный сотрудник ИМИ МГИМО А.А. Казанцев в книге «Большая игра с неизвестными правилами»⁸⁶ анализирует особенности международных отношений в Центрально-Азиатском регионе в контексте непредсказуемости и неопределенности и характеризует их как «новую большую игру», уделяя внимание проблемам региона и конкуренции между разными внешнеполитическими векторами. Ученый группирует эти векторы следующим образом: Россия, западные, исламские и азиатские страны. Такой подход не только позволяет изучить международные отношения в регионе, но и помогает разобраться в проблемах регионализации Центральной Азии. В работах ведущего научного сотрудника Центра

⁸² Aras B. Turkey and Russia: Asymmetrical Partnership? // LobeLog. 10.09.2020. URL: <https://lobelog.com/turkey-and-russia-an-asymmetrical-partnership/> (дата обращения: 12.11.2021).

⁸³ Надеин-Раевский В.А. Идеологическая борьба в Турции и Российско-турецкое отношения // Человеческий капитал. 2016. № 2. С. 47-49.

⁸⁴ Дружиловский С.Б. О перспективах восстановления российско-турецких отношений // Человеческий капитал. 2016. Т. 2. № 86. С. 88-89.

⁸⁵ Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: учеб. пособие для студентов вузов / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.Г. Коргун и др.; отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2011. 560 с.

⁸⁶ Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: Мировая политика и Центральная Азия. М.: МГИМО МИД РФ. 2008. 382 с

евразийских исследований ИМИ МГИМО И.А. Сафранчука «Варианты глобализации и регионализации для Центральной Азии» и «Центральноазиатские режимы: стабильность и реформы»⁸⁷ особое внимание уделяется вопросам глобализации и регионализации стран Центральной Азии. Автор подчеркивает, что режимы в Центральной Азии стремятся поддерживать геополитический нейтралитет, чтобы способствовать экономической росту и социальной стабильности, однако соперничество великих держав создает политические и экономические дилеммы для стран региона, а их способность самостоятельно с ними справиться ограничена.

К третьей группе исследований о политике Российской Федерации и Турецкой Республики в Центральной Азии относятся труды следующих исследователей: Айдына М.⁸⁸, Араса Б.⁸⁹, Боришполец К.П.⁹⁰, Бордачева Т.В.⁹¹, Дынкина А.А. и Барановского В.Г.⁹², Грозина А.В.⁹³, Лаумуллина М.Т.⁹⁴, Наумкина В.В.⁹⁵, Казанцева А.А. с соавторами⁹⁶, Малашенко А.В.⁹⁷, Сафранчука И.А.⁹⁸, Чернявского С.И.⁹⁹, Чечевишникова А.Л.¹⁰⁰, Чуфрина

⁸⁷ Сафранчук И.А. Варианты глобализации и регионализации для Центральной Азии: Россия и Центральная Азия: новые перспективы: материалы междунар. науч. конф., посвященной 25-летию установления дипломатич. отношений между Рос. Федерацией и государствами Центральной Азии (Москва, 14 июня 2017 г.) / Отв. ред. А.Л. Чечевишников; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Ин-т междунар. исследований. М.: МГИМО-Университет. 2018. 251 с.; Safranchuk I. Central Asian Regimes: Stability and Reform: Eurasia on the Edge: Managing Complexity. Ed. by Piotr Dutkiewicz, Richard Sakwa, and Fyodor Lukyanov with Richard Burchill and Timofei Bordachev. New York, London: Lexington Books, 2018. 311 p.

⁸⁸ Aydın M. Geopolitics of Central Asia and Caucasus: Continuity and Change since the End of the Cold War // The Turkish Yearbook. 2001. Vol. 32. P. 167-217; Aydın M. New Geopolitics of Central Asia and the Caucasus: Causes of Instability and Predicament. Strategic Research Center. 2000.

⁸⁹ Aras B. Turkish Policy toward Central Asia // SETA. 01.04.2008. URL: <https://www.setav.org/en/turkish-policy-toward-central-asia/> (дата обращения: 12.09.2021).

⁹⁰ Боришполец К.П. Русский язык в центрально-азиатском регионе // Вестник МГИМО-Университета. 2014. Т. 2. № 35. С. 63-70. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-63-70>.

⁹¹ Бордачев Т.В. Проблемы углубления экономического сотрудничества в рамках ШОС. Ежегодник ИМИ — 2015 / Гл. ред. А.А. Орлов, ред. выпуска А.Д. Дикарев, А.В. Лукин. М.: МГИМО-Университет, 2015. Вып. 2 (12). 112 с.

⁹² Россия и мир: 2013. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. Рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН. 2012. 140 с.; Россия и мир: 2014. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. Рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН; Россия и мир: 2019. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. Рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН. 2018. 170 с.; Россия и мир: 2020. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. Рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2019. 172 с.

⁹³ Грозин А.В. Постсоветская Центральная Азия: новые геополитические тенденции и российские интересы // Россия и мусульманский мир. 2008. № 5. С. 82-100.

⁹⁴ Лаумуллин М.Т. Турция и Центральная Азия // Московский центр Карнеги. 22.10.2012 URL: <https://carnegieendowment.org/2012/10/22/ru-pub-49758> (дата обращения: 13.11.2021).

⁹⁵ Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители / В. В. Наумкин (рук.) и др.; гл. ред. И.С. Иванов. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013. 64 с.

⁹⁶ Звягельская И.Д., Казанцев А.А., Кузьмина Е.М., Лузянин С.Г. Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. 2016. Рабочая тетрадь РСМД. № 28. М.: РСМД, 2016. 52 с.; Казанцев А.А., Гусев Л.О. Продвижение «Мягкой силы» России в Центральной Азии как инструмент развития евразийской экономической интеграции // Управленческое консультирование. 2015. № 11 (83). С. 80-91.

⁹⁷ Малашенко А.В. Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 118 с.

⁹⁸ Safranchuk I. Afghanistan's Political Future and Its Role in Eurasian Cooperation // India Quarterly. 2019. Vol. 75. № 1. P. 15-28.

Г.И.¹⁰¹, Кара А.¹⁰², Кёстема С. и Э. Эршена¹⁰³, Ларюэль М. и Картунова А.В.¹⁰⁴, Орана Б.¹⁰⁵, Сандера О.¹⁰⁶, Огузлу Т.¹⁰⁷, Уилера Т.¹⁰⁸

В рамках третьей группы трудов значимую роль в исследовании сыграла работа И.А. Сафранчука «Российская политика в Центральной Азии. Стратегический контекст»¹⁰⁹, в которой проанализированы стратегические дилеммы российской политики. Статья профессора С.И. Чернявского «Российские приоритеты в Центральной Азии»¹¹⁰ посвящена анализу приоритетов Российской Федерации в регионе с точки зрения экономической и интеграционной политики и сферы безопасности. Автор рассматривает ЦА как регион конкуренции между великими державами и предполагает, что для достижения системных эффектов России необходимы дополнительные затраты, поскольку ей приходится конкурировать с другими игроками, обладающими значительными средствами (в первую очередь США, странами Европейского союза и Китаем). В своей книге «Турция и Центральная Азия» турецкий профессор К. Карпат¹¹¹ анализирует значение Центральной Азии для турецкой политики после распада Советского Союза. Автор уделяет особое внимание историческим факторам, которые формируют внешнеполитические приоритеты Турции. Регион Центральной Азии в книге рассматривается не через конкретную концепцию современных международных отношений, а представлен как регион, где есть общие

⁹⁹ Чернявский С.И. Евразийский экономический союз — реалии текущей ситуации // Международная аналитика. 2017. № 1. С. 7-13.

¹⁰⁰ Россия и Центральная Азия: новые перспективы: материалы междунар. науч. конф., посвященной 25-летию установления дипломатич. отношений между Рос. Федерацией и государствами Центральной Азии (Москва, 14 июня 2017 г.) / Отв. ред. А. Л. Чечевишников; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Ин-т междунар. исследований. М.: МГИМО-Университет, 2018. 251 с.

¹⁰¹ Чуфрин Г.И. Россия в Центральной Азии: монография. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2010. 220 с.

¹⁰² Kara A. Turgut Özal ve Türk Dünyası: Türkiye-Türk Cumhuriyetleri İlişkileri 1983-1993. İstanbul: IQ Kültür Sanat. 2012. 270 p.

¹⁰³ Köstem S. The Power of the Quiet? Turkey's Central Asian Strategy. 2019. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/power-quiet-turkeys-central-asia-strategy-24069> (дата обращения: 12.06.2020); Turkey's Pivot to Eurasia Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order / Ed. by E. Erşen, S. Köstem. London, New York: Routledge. 2019. 212 p.

¹⁰⁴ Россия и США в Центральной Азии: ограничения и возможности сотрудничества / А.В. Картунов, М. Ларюэль. Российский совет по международным делам (РСМД). Доклад № 49. М.: РСМД, 2019. 40 с.

¹⁰⁵ Türk Dış Politikası: Kurtuluş Savaşı'ndan Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar: 1919-1980 / Ed. by Baskın Oran. İstanbul: İletişim, 2002. 900 p.; Türk Dış Politikası: Kurtuluş Savaşı'ndan Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar: 1980-2001, İletişim Yayınları / Ed. by Baskın Oran. İstanbul: İletişim, 2001. 637 p.; Türk Dış Politikası: Kurtuluş Savaşı'ndan Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar: 2001-2012 / Ed. by Baskın Oran. İstanbul: İletişim, 2013. 885 p.

¹⁰⁶ Sander O. Turkey and the Turkic World // Central Asian Survey. 2004. Vol. 13. № 1. P. 37-44.

¹⁰⁷ Oğuzlu T. Soft Power in Turkish Foreign Policy // Australian Journal of International Affairs. 2007. P. 81-97.

¹⁰⁸ Wheeler T. Turkey's Role and Interest in Central Asia // Saferworld. 2013. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/172943/turkeys-role-and-interests-in-central-asia.pdf> (дата обращения: 12.02.2020).

¹⁰⁹ Сафранчук И.А. Российская политика в Центральной Азии. Стратегический контекст // Записка Аналитического центра Обсерво. 2014. № 8. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/d8b/d8be9a2679338e37315ca64bfdd064ad.pdf> (дата обращения: 12.02.2019).

¹¹⁰ Чернявский С. Российские приоритеты в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2010. № 8. С. 59-68.

¹¹¹ Karpat K. H. Türkiye ve Orta Asya. İstanbul: Timaş. 2014. 304 p.

исторические, культурные и религиозные элементы для турецкой политики. Турецкий исследователь-международник М. Айдын в статье «Маятник Фуко: Турция в Центральной Азии и на Кавказе»¹¹² исследует вопросы создания Турецкой Республикой новых сетей взаимозависимости с государствами этих регионов. Автор подчеркивает, что Турция стала одним из важных региональных акторов. Несмотря на то, что экономические и политические условия в регионе вряд ли будут способствовать стабилизации в ближайшей перспективе, ожидается, что Анкара и далее будет продолжать свою политику по расширению и углублению взаимодействия с региональными участниками. Согласно автору, в 1990-х годах Турция извлекла важный урок и учла риски эскалации напряженности и прямой конфронтации с Россией и государствами региона, оценила перспективы сотрудничества в противовес конкуренции. Статья еще одного турецкого исследователя-международника С. Кёстема¹¹³ посвящена анализу внешней политики Турецкой Республики в отношении «постсоветской тюркской Евразии» через идеологический фактор — идею «тюркского мира». Автор предполагает, что, несмотря на возможное ослабление геополитического значения региона для Турции и приход к власти политической партии с исламистскими корнями, эта идея приобрела «особый» статус во внешнеполитических интересах страны и обеспечила турецким властям прагматичный курс во внешней политике.

Исследовательский вопрос и научная гипотеза. Данная работа стремится ответить на следующий исследовательский вопрос: каким образом в отношениях России и Турции в регионе Центральной Азии сочетаются элементы сотрудничества и соперничества? Диссертант выдвигает следующую научную гипотезу: Россия и Турция в регионе Центральной Азии не являются ни соперниками, ни партнерами из-за различия в их статусе в системе международных отношений и разграничения сфер влияния. Иными словами, на политику России и Турции в Центральной Азии влияет их статус в системе международных отношений, а сами они продвигают свое влияние в Центральной Азии в различных областях. Россия является главным игроком в области региональной безопасности, военно-технического сотрудничества и в энергетической сфере, а конкуренция между Турцией и Россией в основном заключается в соперничестве непрямого воздействия с помощью мягкой силы на общества и элиты государств Центральной Азии.

Объект исследования. Внешняя политика Российской Федерации и Турецкой Республики.

¹¹² Aydın M. Foucault's Pendulum: Turkey in Central Asia and the Caucasus // Turkish Studies. 2004. Vol. 5. № 2. P. 1-22.

¹¹³ Köstem S. When Can Idea Entrepreneurs Influence Foreign Policy? Explaining the Rise of the "Turkic World" in Turkish Foreign Policy // Foreign Policy Analysis. 2016. P. 1-19.

Предмет исследования. Отношения Российской Федерации и Турецкой Республики в Центральной Азии.

Область исследования. Область исследования, в соответствии с паспортом специальности ВАК «23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» соответствует пунктам:

№ 1. Международные отношения: сущность, история становления, основные сферы, динамика развития. Сущность и содержание внешнеполитической деятельности субъектов международных отношений. Внешнеполитические доктрины и внешнеполитическая стратегия субъектов международных отношений.

№ 2. Природа, сущность и типы международных систем, факторы, влияющие на их формирование, способ их функционирования. Типы и структуры международных систем. Глобальные и региональные системы. Международная сфера как пространство реализации и защиты национальных интересов.

№ 4. Международная сфера как пространство реализации и защиты национальных интересов. Проблема гармонизации национальных интересов в международном сообществе в меняющемся мире. Поиск «баланса интересов» в мировом сообществе.

№ 5. Глобализация и регионализация как мировая тенденция. Региональные аспекты современной глобалистики. Глобализация и глобальные вызовы человеческой цивилизации, мировая политика. Участие России в процессах глобализации. Геополитика и геополитические факторы мирового развития.

№ 14. Теоретическое обоснование роли и места Российской Федерации в системе международных отношений, ее внешнеполитических интересов, принципов и направлений внешнеполитической стратегии России.

Хронологические рамки исследования. Хронологические рамки диссертационного исследования включают современный период турецко-российских отношений: с начала 1990-х годов по настоящее время.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является изучение политики Российской Федерации и Турецкой Республики в Центральной Азии в контексте сотрудничества и соперничества. Для достижения цели исследования поставлены и решаются следующие задачи:

- проанализировать распределение власти в международных отношениях в контексте современных трендов мировой политики;
- определить статус Российской Федерации и Турецкой Республики в современной мировой политике;
- оценить уровень российско-турецких отношений;

- исследовать динамику статуса стран Центральной Азии с момента обретения ими независимости;
- исследовать эволюцию внешней политики Российской Федерации и Турецкой Республики в Центральной Азии;
- определить факторы, влияющие на отношения России и Турции;
- выявить баланс сотрудничества и соперничества между Россией и Турцией в Центральной Азии.

Теоретическая и методологическая основа исследования. Диссертант использует общенаучные методы и качественные исследовательские методы. Он не ставит своей задачей рассмотреть политику Российской Федерации и Турецкой Республики с позиций какого-то одного теоретического подхода — (нео)реалистского, (нео)либерального или конструктивистского. В политике двух стран в выбранном регионе сочетаются элементы, относящиеся ко всем этим теоретическим подходам, поэтому диссертант использует все перечисленные выше теоретические подходы. В работе использованы и такие отдельные теории, как теория многополярности, теория великих держав и средних держав, однако последняя — в основном с критических позиций, поскольку ее положения о возрастающей роли «средних держав» не в полной мере оправдываются в современном мире.

Научная новизна диссертационного исследования. Новизна данного исследования заключается в следующих положениях:

- рассмотрено формирование нового мирового порядка в условиях упадка американской гегемонии;
- определены статусы Российской Федерации и Турецкой Республики как великой и средней держав с учетом современных теоретических подходов;
- систематизирована большая часть литературы о формировании мирового порядка, проведен анализ турецко-российских отношений с точки зрения отношений великих и средних держав на двух уровнях: на глобальном и региональном;
- определен уровень отношений самих государств Центральной Азии с Российской Федерацией и Турецкой Республикой с помощью оценки политических процессов в регионе;
- раскрыты причины изменения внешнеполитического курса Турецкой республики по евразийскому направлению с 2010-х годов; дана авторская оценка того, что, поскольку прозападная ориентация не определяет приоритеты турецкой внешней политики, роль Турции в Центральной Азии будет определяться через отношения с Российской Федерацией;
- изучена эволюция внешней политики Российской Федерации в Центральной Азии после

окончания холодной войны; определена роль России как ведущей державы во внешней политике стран региона;

- определено значение Турции для российской политики и России — для турецкой политики, необходимое для выявления регионального уровня двусторонних отношений этих стран в контексте баланса сотрудничества и соперничества на примере Центральной Азии;
- оценены элементы сотрудничества и соперничества России и Турции с точки зрения достижения их внешнеполитических целей на современном этапе.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Неспособность мирового гегемона США эффективно реагировать на современные вызовы привела к появлению новых центров силы и эрозии либерально-капиталистического мирового порядка, что обусловило смену внешнеполитической ориентации средних держав.
2. Россия и Турция в современной международной системе рассматриваются как «великая» и «средняя держава» соответственно. Статус определяет их внешнеполитическое поведение во время трансформации международной системы.
3. В исследовании выявляются особенности двусторонних отношений Российской Федерации и Турецкой Республики во время трансформации международной системы; дана авторская оценка того, что интересы России и Турции пересекаются на глобальном уровне, а на региональном уровне они скорее сталкиваются.
4. Центральную Азию составляют малые державы. По этой причине региональные процессы следует рассматривать в контексте политической, экономической и военно-технической зависимости этих стран от внешних держав, которые соперничают в регионе.
5. Основой турецкой политики в Центральной Азии является продвижение проектов в сферах экономики, культуры и образования. Институциональную основу этого сотрудничества составляет «Организация тюркских государств».
6. По используемым инструментам реализации российской внешней политики на центральноазиатском направлении в политической, экономической, военно-технической и культурно-образовательной сферах могут быть выделены два периода: 1990-е и первые десятилетия XXI века.
7. Центральноазиатская политика России и Турции ориентируется на разные области, а развитие двусторонних отношений будет определять баланс сотрудничества и соперничества в тех областях, в которых сходятся интересы двух стран.

Практическая значимость. Практическая значимость работы заключается в том, что она может быть использована при подготовке специалистов по центральноазиатскому

региону, в деятельности российского и турецкого внешнеполитических ведомств, а также для дальнейших специализированных исследований по российско-турецким и региональным центральноазиатским исследованиям.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы научного исследования отражены в следующих научных публикациях в периодических журналах, входящих в перечень ВАК России и Scopus/Web of Science:

1. Sucu A.E., Iskandarov O.I., Mahmudov R.B., Chernov D.N. Does Turkey Have a Central Asian Project? // Вестник МГИМО Университета. 2021. Т. 14. № 3. С. 82-96. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-3-78-82-96>.

2. Sucu A.E., Safranchuk I., Nesmashnyi A., Iskandarov Q. Transformation of Middle Powers with the Decline of World Hegemony: The Case of Turkey // Strategic Analysis. 2021. Vol. 45. № 4. P. 307-320. <https://doi.org/10.1080/09700161.2021.1950409>.

3. Birinci E., Sucu A.E., Safranchuk I.A. The Role of non-Western Countries in the Construction of Russian Great Powerness: The Cases of Turkey and Israel // Вестник российского университета дружбы народов. Серия Международные Отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 517-528. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-517-528>.

4. Суджу А.Э. Регионализация турецко-российских отношений на примере региона Центральной Азии // Известия института философии, политологии, и права им. А. Баховаддинова национальной академии наук Таджикистана. 2021. № 3. С. 183-187.

5. Суджу А.Э. Отношения средних держав с великими державами в многополярном мире: политика Турции между Россией и США // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2021. № 5. С. 253-263.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «Введении» обосновывается актуальность темы исследования, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования. Раскрывается степень разработанности темы, указывается методология работы, формулируется научная новизна, перечисляются выносимые на защиту положения и обосновывается практическая значимость работы.

В первой главе «Акторы и тренды современных международных отношений: глобальные и региональные аспекты» рассмотрены теоретические аспекты исследования мировой политической системы с учетом разных подходов теории международных отношений. Проанализировано влияние вызовов в сфере глобальной безопасности и

экономики на международный порядок. Рассмотрена эволюция международной системы от биполярности к многополярности. Изучены основные характеристики малых, средних и великих держав в мировой политике и то, как меняются их стратегии в условиях трансформации системы международных отношений.

Первый параграф «Сотрудничество и соперничество государств через призму ТМО» посвящен обзору существующих теоретических подходов к анализу сотрудничества и соперничества государств. Особое внимание уделяется неолиберальному и неореалистскому подходам как основным теориями, которые уделяют внимание этому вопросу.

Во втором параграфе «Иерархия международных отношений и акторы» приводятся аргументы в пользу того, что феномен осуществления власти через иерархический статус является основным элементом создания иерархической структуры международной системы. Выделяются основные характеристики малых, средних и великих держав как акторов в мировой политике и одновременно участников мировой иерархии.

В третьем параграфе «Основные параметры и тренды современной мировой политики» уделяется внимание основным процессам в современных международных отношениях. Рассматривается, как происходит переход системы от однополярности к несовершенной многополярности в условиях во многом разнонаправленного действия трендов глобализации и регионализации. Указывается на кризис мировой гегемонии, вызванный неспособностью США эффективно отвечать на современные вызовы, и проблемы возвышения средних держав в мировой политике. В однополярной мировой системе статус государств определялся по критериям, во многом связанным с их встроенностью в либерально-капиталистический международный порядок. В современных условиях укрепления многополярного мира, для средних держав появляются и новые возможности и новые риски.

Вторая глава «Россия, Турция и Центральная Азия в системе международных отношений» посвящена анализу статуса России, Турции и стран Центральной Азии в международной иерархии, а также того, как это отражается на их внешней политике. Прослеживается также динамика двусторонних отношений России и Турции. Для стран Центральной Азии акцент делается на проблемах их становления как независимых государств и отношениях с внешними игроками.

В первом параграфе «Российско-турецкие отношения как отношения великой и средней держав» анализируется политика России как великой державы и Турции как средней державы. Рассматриваются особенности российско-турецких отношений с исторической точки зрения и на современном этапе с учетом их разницы из международных статусов. Указывается, что на уровне глобальной политики интересы России и Турции во многом

совпадают. Каждая из стран бросает вызов западнцентричной мировой системе (разной и в разной степени), и они получают выгоду от действий друг друга. По региональным вопросам Россия и Турция также проводят независимую от западных стран политику, но их интересы вступают в противоречие, в результате между двумя странами возникает напряженность и элементы геополитической конкуренции.

Второй параграф «Центральная Азия в мировой политике: малые державы и основные мировые тренды» посвящен анализу места Центральной Азии и составляющих данный регион стран в мировой политической системе и на постсоветском пространстве. Регион Центральной Азии рассматривается как объект мировой политики в региональном и глобальном разрезах. Изучены факторы, определяющие внутреннюю и внешнюю политику стран региона. Прослеживаются причины региональных проблем и изучается развитие геополитической конкуренции между внешними силами.

В третьей главе «Политика Российской Федерации и Турецкой Республики в Центральной Азии» рассматриваются особенности политики Российской Федерации и Турецкой Республики в Центральной Азии с точки зрения баланса сотрудничества и соперничества. Изучены основные приоритеты политики двух стран в данном контексте.

В первом параграфе «Политика Российской Федерации в Центральной Азии» рассмотрены особенности внешней политики России в регионе Центральной Азии. Этот параграф включает два периода: 1990-е годы и с 2000-х годов по настоящее время. Прослеживает активизации политики России в Центральной Азии в сфере безопасности и экономики.

Второй параграф «Политика Турецкой Республики в Центральной Азии» рассматривает особенности эволюции внешней политики Турции в регионе Центральной Азии в те же временные периоды. Показывается, что Турция также пытается активизировать свою политику в Центральной Азии, что связано как с внутренними, так и с внешними факторами. При этом для Турции приоритетными являются сферы экономики и культурно-образовательная.

Третий параграф «Соперничество и сотрудничество в отношениях России и Турции» нацелен на соединение эмпирических выводов и теоретических конструкций первых двух параграфов настоящей главы. Анализируются причины, по которым в отношениях между двумя странами сохраняется баланс соперничества и сотрудничества. Также с опорой на теоретический анализ формулируется прогноз дальнейшей динамики российско-турецких отношений.

В «Заключении» сформулированы основные выводы диссертационной работы относительно трансформации мировой политики с анализом роли в ней великих и средних

держав, отношения между которыми были проанализированы на примере Российской Федерации и Турецкой Республики на глобальном и региональном уровнях, в том числе в Центральной Азии в контексте сотрудничества и соперничества. Главный вывод исследовательской работы заключается в том, что отношения Российской Федерации и Турецкой Республики в регионе Центральной Азии включают как элементы сотрудничества, так и элементы соперничества. Интересы обеих стран пересекаются в разной степени и в разных областях. Их присутствие в регионе Центральной Азии во многом предопределено их статусом в международной системе.

ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

1.1 Сотрудничество и соперничество государств через призму ТМО

Теории международных отношений (ТМО) пытаются объяснить структуру международной системы и принципы принятия решений в отношениях между государствами с помощью различных концепций и подходов. Дилемма сотрудничества и соперничества является одним из ключевых факторов формирования межгосударственных отношений в международной системе.

Для ТМО прежде всего важна структура мировой системы, ее регулирующее или ограничивающее воздействие на межгосударственные отношения. Как известно, в период между двумя мировыми войнами в ТМО преобладали две противоположенные по идеологии концепции — идеализм и реализм. Во времена холодной войны появились новые подходы к ТМО — неолиберализм и неореализм. В этот период в биполярном мировом порядке сторонники этих двух теорий выдвигали различные подходы к таким проблемам, как отношения между США и СССР, структура международной системы, политика баланса сил, экономическая взаимозависимость и т.д. В целом эти теоретические дискуссии со временем были пересмотрены представителями таких критических направлений, как неомарксизм, структурализм, конструктивизм и т.д.

После окончания холодной войны США стали сверхдержавой, и либерально-капиталистический миропорядок, хотя и с разной степенью успешности, продлился практически до 2010-х годов. В последующие годы из-за ослабления американской гегемонии, подъема великих держав (России и Китая) и изменения внутривнутриполитической ситуации в западных странах международная система начала эволюционировать от однополярной к многополярной модели.

В современном мире государства остаются самыми могущественными и главными акторами в международной системе. Самый важный вопрос на данный момент: почему государства конкурируют друг с другом и при каких условиях они могут сотрудничать? Ответ неолиберальная и неореалистическая теории МО дают каждая со своей точки зрения.

Реалисты считают, что анархичная структура международной системы является важнейшим фактором, определяющим поведение государств. По мнению Р. Джервиса, «отсутствие международного суверена не только допускает войны, но и затрудняет достижение государствами, удовлетворенными существующим положением вещей, целей, которые они признают отвечающими их общим интересам. Поскольку не существует институтов или органов власти, которые могли бы разрабатывать и обеспечивать

соблюдение международных законов, проекты по сотрудничеству приносят выгоды только в случае участия всех сторон и приводят к катастрофе в ином случае»¹¹⁴.

Международную политику в основном определяют великие державы, отношения между которыми определяются балансом сил. По словам К. Уолтца, «несбалансированная власть, кто бы ею ни обладал, представляет потенциальную опасность для других»¹¹⁵. Неореалисты по большей части согласны с тем, что желательно создать мирную систему, однако они не видят простого способа избежать войны и конкуренции в сфере безопасности¹¹⁶.

Для каждого государства в анархической международной системе главная цель заключается в выживании¹¹⁷. Как пишет Дж. Миршаймер, основной теоретик наступательного варианта структурного реализма, каждое государство хотело бы быть самой грозной военной державой, потому что это лучший способ гарантировать выживание в мире, который может быть очень опасным¹¹⁸. Вдобавок к этому важным фактором, определяющим политику государства, является то, что оно действует в режиме «самопомощи». Государства пытаются получить власть за счет друг друга. Это приводит к тому, что государства ставят главной целью следование собственным интересам, поэтому склонны больше к соперничеству чем к сотрудничеству. В такой международной обстановке национальная безопасность государств имеет первостепенное значение. Этим объясняется политика баланса сил более слабых государств и склонность к соперничеству в системе акторов. В этих условиях теоретики неореализма пессимистично оценивают перспективы международного сотрудничества. Однако, согласно К. Уолцу, государства могут как сотрудничать, так и конкурировать, причем даже одновременно. Их внутренние приоритеты могут смягчить внешнюю конкуренцию. Анализ показывает, что баланс сил между государствами имеет прочную основу¹¹⁹.

Непрерывность межгосударственного сотрудничества представляет собой проблему для неореалистов: хотя сотрудничество, по их мнению, возможно, его трудно поддерживать в долгосрочной перспективе.

Как считают неореалисты, международная анархия способствует конфликтам между государствами. Соответственно, они также утверждают, что международные институты не смогли ослабить ограничительные факторы анархии для межгосударственного

¹¹⁴ Jervis R. Cooperation under Security Dilemma // World Politics. 1978. Vol. 30. № 2. P. 167.

¹¹⁵ Waltz K.N. Structural Realism after the Cold War // International Security. 2000. Vol. 25. № 1. P. 28.

¹¹⁶ Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W.W. Norton & Co, 2001. P. 17.

¹¹⁷ Mearsheimer J.J. The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. New Haven, London: Yale University Press, 2018. P. 132.

¹¹⁸ Mearsheimer J.J. The False Promise of International Institutions // International Security. 1994-1995. Vol. 19. № 3. P. 12.

¹¹⁹ Waltz K. Op. cit. P. 206-207.

сотрудничества. Государства могут конкурировать, преследуя разные цели — экономические или статусные; они формируют широкий спектр стратегий для обеспечения абсолютного или относительного преимущества. В этом случае некоторые государства будут сотрудничать, некоторые будут нейтральными, а некоторые будут конкурентоспособными. Более того, согласно наступательному реалистическому подходу, который сформулировал Миршаймер, единственная цель великих держав в международной системе — установление глобальной гегемонии. Однако вряд ли какое-то одно государство достигнет глобальной гегемонии, так что мир обречен на вечную конкуренцию великих держав¹²⁰.

С другой стороны, уровень конкуренции зависит от полярности международной системы. Для К. Уолца в многополярной системе конкуренция сложнее, чем в биполярной, потому что сравнительная неопределенность в отношении сравнительных возможностей государств возрастает по мере роста их числа¹²¹.

В результате, согласно неореалистической теории, структура международной системы напрямую влияет на то, чтобы государства в большей степени конкурировали друг с другом, чем сотрудничали. Потому что в анархической международной системе каждое государство сначала пытается обеспечить свою безопасность, затем максимизирует выгоды, вступая в отношения с другими государствами на основе сотрудничества и соперничества. Государства могут создавать партнерские отношения, однако элементы конкуренции всегда имеют определяющее значение в поведении участников.

Другое мнение состоит в том, что государства могут успешно бороться с анархией, стремясь установить порядок и глобальное или региональное управление в международной системе¹²². Для неолибералов государства являются наиболее важными акторами, но они также подчеркивают возможность акторности международных институтов, негосударственных и транснациональных организаций. Можно сказать, что неолиберализм, со времен холодной войны до наших дней фактически диверсифицировался и развивался по ряду концепций-теорий, которые сложились в связи с развитием либерально-капиталистической системы в международной политике. К ним можно отнести, например, теорию демократического мира, теорию экономической взаимозависимости и институционализма.

Согласно неолиберальной теории международных отношений, государства могут установить более справедливый, сплоченный и взаимный порядок в международной системе, опираясь на общемировые моральные и этические ценности международного сообщества и

¹²⁰ Mearsheimer J.J. Op. cit. P. 2.

¹²¹ Waltz K.N. Op. cit. P. 6.

¹²² Major Powers and the Quest for Status in International Politics: Global and Regional Perspectives / ed. by Volgy T., Corbetta R., Grant K., Baird R. N.Y.: Springer, 2011. P. 2.

доминируя над нормами права и институтами в мировой системе. Таким образом, конфликтный потенциал в международном сообществе может быть снижен путем создания международных организаций и институтов, а также выработки норм; они могут способствовать международному сотрудничеству. Соперничество, война или конфликт могут быть предотвращены или полностью устранены не только усилиями национальных государств, но и международным сотрудничеством.

При участии негосударственных акторов международные отношения перестают быть исключительно отношениями между государствами, направленными на национальные интересы, конкуренцию, угрозы безопасности или недоверие, а также конфликты. Общие интересы превращаются в политику и сотрудничество, основанное на общей безопасности и всеобщей морали и нормах. По мнению Р. Аксельрода и Р. Кеохейна, сотрудничество не равнозначно гармонии. Гармония требует полного совпадения интересов, но сотрудничество может иметь место только в ситуациях, которые содержат сочетания противоречивых и взаимодополняющих интересов¹²³.

Еще одним столпом неолиберализма является фактор экономической взаимозависимости. В основе этого аргумента лежит предположение о том, что государства сотрудничают при развитии между ними торговых-экономических отношений. Кроме того, сторонники неолиберального подхода считают, что международные институты и негосударственные организации могут выполнять функции, способствующие сотрудничеству между государствами. Сотрудничая друг с другом, государства минимизируют риски анархической и небезопасной структуры. В такой конкурентной среде они могут выбрать сотрудничество также в качестве способа максимизации своих преимуществ, поскольку рациональное поведение и цель получения выгоды порождают политику сотрудничества.

Согласно Р. Кеохейну, сотрудничество возникает, когда акторы приспособливают свое поведение к фактическим или ожидаемым предпочтениям других посредством процесса координации политики¹²⁴. Он добавляет, что, если бы международная политика была состоянием войны, модели сотрудничества на основе общих целей не должны были бы существовать иначе как в рамках более масштабной борьбы за власть. Обширные схемы международных соглашений, которые мы наблюдаем по таким разнообразным вопросам, как торговля, финансовые отношения, здравоохранение, телекоммуникации и охрана

¹²³ Axelrod R., Keohane R. O. Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions // World Politics. 1985. Vol. 38. № 1. P. 226-228.

¹²⁴ Keohane R. O. After Hegemony: Cooperation and Discord in World Political Economy. Princeton University Press, 1984. P. 51.

окружающей среды, также отсутствовали бы¹²⁵. По мнению неолибералов, сотрудничество государств смягчает последствия анархии, что фактически приводит к совместным достижениям. Неолиберализм объясняет вопросы сотрудничества как в военной безопасности, так и в международной политической экономике.

Со времен холодной войны до наших дней неолиберальные аргументы были в центре либерально-капиталистической системы и ее важнейшего компонента — процесса глобализации. Неолибералы подчеркивают важную роль институтов в формировании международной политики. По словам Кеохейна, «институты могут предоставлять информацию, снижать операционные издержки, повышать надежность обязательств, создавать координационные центры для сотрудничества и в целом способствовать функционированию взаимности»¹²⁶. С этой точки зрения присутствие и преобладание международных организаций для неолиберализма — важнейший шаг для сотрудничества. Действительно, в известной работе Р. Кеохейна «После гегемонии» (*After Hegemony*) роль гегемона в международной системе передается от государства институтам.

Неореалистическая и неолиберальная теории МО по-разному интерпретируют потенциал сотрудничества и соперничества в международной системе. Согласно обеим теориям, структура международной системы анархична и сотрудничество в межгосударственных отношениях возможно, однако в интерпретации неореалистов вероятность сотрудничества в межгосударственных отношениях невысока из-за конфликта интересов и приоритета самопомощи. В то время как неолибералы оценивают вероятность сотрудничества оптимистичнее, указывая, что на данный момент для возникновения сотрудничества ключевое значение имеют институты. Согласно Р. Джервису, неолибералы считают, что существует гораздо больше нереализованного или потенциального сотрудничества, чем предполагают неореалисты. Также две школы расходятся во мнении о том, насколько неизбежен конфликт в мировой политике в том смысле, что акторы не могут договориться, даже если их предпочтения совпадают¹²⁷. К. Уолтц подчеркивает, что вклад институтов в развитие межгосударственных отношений будет относительным. По его мнению, реалисты заметили, что усиление или ослабление эффективности институтов зависит от намерений государств; сильные государства используют институты, интерпретируя законы, так, как им удобно¹²⁸.

¹²⁵ Keohane R.O. Op. cit. P. 7.

¹²⁶ Keohane R. O., Martin L.L. The Promise of Institutional Theory // *International Security*. Summer 1995. Vol. 20. № 1. P. 42.

¹²⁷ Jervis R. Op cit. P. 47.

¹²⁸ Waltz K.N. Op cit. P. 24.

Неореалисты считают, что внешняя политика великих держав определяет международную политику. Поэтому средние и малые держав не играют определяющую роль в системе. Однако можно сказать, что такие государства могут оказать системное влияние в рамках своих отношений с великими державами. Степень зависимости средних держав от великих держав открыта для обсуждения. Лучше всего эта зависимость может быть измерена на региональном уровне.

Неореалисты утверждают, что даже если глобализация эффективна в определенных сферах, государства по-прежнему являются наиболее важными участниками международной системы, а чрезмерно глобализированные отношения могут представлять новые проблемы безопасности для государств. Неолибералы, в свою очередь, оценивают глобализацию как позитивный фактор в международных отношениях в целом, так как мировое экономическое развитие выгодно для всех государств.

В результате неореализм и неолиберализм не сходятся во мнениях относительно возможностей международного сотрудничества. Фундаментальное обсуждение двумя школами касается характера взаимодействия между государствами. Неореалисты утверждают, что государства склонны к конфликтам и конкуренции и часто не сотрудничают, даже если у них есть общие интересы, потому что приоритет «самопомощи» затрудняет сотрудничество. Неолибералы полагают, что эти пессимистические предположения необоснованны, поскольку неореалисты недооценивают влияние международных институтов. Неореалисты считают, что международные институты лишь незначительно влияют на поведение государств, потому что они не являются независимой державой. Однако неолибералы подчеркивают, что международные институты не только отражают временные интересы государств, но и формируют эти интересы и подходы государств.

1.2. Иерархия международных отношений и акторы

1.2.1. Великие державы

В исследованиях международных отношений статус великой державы ассоциируется не только с независимой внешней политикой и национальной безопасностью, но и с возможностями и влиянием, которыми обладают лишь немногие государства в мире¹²⁹. Статус великой державы — это понятие в международных отношениях, которое означает степень признания государства в международной системе. Исследователи вводят различные

¹²⁹ Tsygankov A. G – Great Powerness // Russia in Global Affairs. 26.03.2020. № 1. P. 85-91. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/g-great-powerness/> (дата обращения: 02.11.2021).

параметры, по которым можно оценить статус: чтобы государство в международной системе определялось как великая держава, оно должно иметь следующие характеристики:¹³⁰

1. Сохранять высокую степень самостоятельности в проведении политики;
2. Не только обеспечивать национальные интересы, но и оказывать существенное влияние на мировую и региональную политику и политику отдельных стран;
3. Обладать всеми или значительной частью традиционных параметров «великой державы» (территория, население, природные ресурсы, военный потенциал, экономический потенциал, интеллектуальный и культурный потенциал, научно-технический, а также информационный потенциал). С этой точки зрения статус великодержавности достигается государством в его историческом развитии¹³¹.

Широкий масштаб этих категорий вызывает разногласия в определении статуса великой державы. Концепция великой державы по-разному интерпретируется исследователями, и пока не консенсуса относительно параметров, по которым страна должна классифицироваться как великая держава.

При оценке страны как великой державы с точки зрения неолиберальной теории международных отношений первое место отводится экономической и информационной мощи, степени экономической зависимости/независимости от других государств, доле в мировой экономике, участию государства в международных и региональных институтах, уровню жизни граждан, научно-техническому потенциалу.

Согласно неореалистической теории международных отношений, основные параметры великой державы — это ее материальные ресурсы, такие как военная и экономическая мощь, территория, население, природные богатства, а также развитие общества, геополитические интересы и т.д. Через этот потенциал государство стремится увеличить свою власть в международной системе.

По конструктивистской теории международных отношений статус «великой державы», ее внешнеполитические приоритеты строятся на идейных факторах (коллективные ценности, культура, социальная идентификация и т.п.). Таким образом, внешнеполитические приоритеты государства определяются через конструкции идентичности.

Кроме того, критерии определения великодержавного статуса любого государства зависят от системной структуры мировой политики, которая может быть биполярной, однополярной или многополярной. Например, в многополярной международной системе великие державы имеют возможность усилить свою роль посредством формирования

¹³⁰ Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 2. С. 30.

¹³¹ Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике: Научное издание. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс. 2017. С. 26.

баланса сил. Напротив, в однополярной системе только одно государство играет определяющую роль.

1.2.2. Средние державы

Обозначение государств как средних держав по их потенциалу является одним из обсуждаемых вопросов в исследованиях международных отношений. В предыдущем разделе подчеркивалось, что распределение власти между государствами раскрывает иерархическую структуру международной системы. Если рассматривать государства как наиболее могущественных субъектов международной системы, то феномен власти несет в себе как материальные, так и нематериальные/идейные составляющие. В обоих случаях некоторые государства будут сильнее других, а эти другие окажутся в слабом положении.

Если статус «средняя держава» определять широко, то это «государство, занимающее позицию в международном спектре власти, которая находится в середине — ниже позиции сверхдержавы, обладающей значительно большим влиянием над всеми другими государствами, или великой державы, — но обладающая достаточной способностью формировать международные события»¹³². По мнению Р. Кеохейна, средняя держава — это государство, лидеры которого считают, что оно не может эффективно действовать само по себе, но может оказывать систематическое влияние в небольшой группе или через международный институт¹³³. Роберт Кокс также определяет среднюю державу «как роль в поисках актера»¹³⁴.

Исторически термин «средняя держава» пользовались многие авторы, де-факто такие государства участвовали в мировой политике, но не выделялись в отдельную категорию¹³⁵. В биполярном мировом порядке, который сформировался после Второй мировой, ученые стали рассматривать некоторые государства как способные сыграть активную роль даже в условиях доминирования двух сверхдержав, в том числе принять на себя роль посредника или стабилизатора в урегулировании международных проблем. К средним державам стали относить Канаду, Австралию, Швецию, потом вообще нейтральные и неприсоединившиеся государства. По мере развития в рамках неолиберального подхода идеи о снижении возможностей для поддержания гегемонистического порядка стало принято считать, что от этого должны выиграть именно средние державы, то есть ожидали увеличения их роли в

¹³² Baç M.M. Middle Power // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/middle-power> (дата обращения: 10.02.2020).

¹³³ Keohane R.O. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // International Organization. 1969. Vol. 23. P. 296.

¹³⁴ Cox R.W. Middlepowermanship, Japan, and Future World Order // International Journal. 1989. Vol. 44. № 4. P. 827.

¹³⁵ Holbraad C. Middle Powers in International Politics. London: Macmillan Press, 1984. P. 43.

мировых делах, и при такой интерпретации в число средних держав стали включать все больше государств¹³⁶. После окончания холодной войны, на фоне формирования американской супергегемонией и доминирования либеральных идей, стало принято считать, что средняя держава должна быть глубоко включена в политические и экономические институты либерально-капиталистической системы. Активную дипломатию и участие в многосторонних организациях стали рассматривать как важные критерии в определении статуса средней державы.

В литературе по международным отношениям до сих пор нет единого критерия определения статуса «средней державы». Но выделились три основных подхода: иерархический, поведенческий и идентификационный. Иерархический подход — это классификация по материальным ресурсам. Поведенческий подход больше связан с методом дипломатии, которому государство следует в своей внешней политике. Большую часть поведенческого критерия представляют собой в синтезе три понятия — многосторонность, управление конфликтами и моральная сила¹³⁷. Благодаря такому подходу средние державы берут на себя ряд дипломатических задач — стабилизация глобального порядка, роль инструмента многосторонней дипломатии, создание коалиций и посредничество в разрешении конфликтов. Таким образом средние державы могут повысить свою эффективность в международных организациях. В то же время дипломатия, которой государства следуют в международной системе, не имея материальных ресурсов, позволяет этим государствам приобрести статус средней державы. В связи с этим, используя «нишевую дипломатию»,¹³⁸ средние державы с ограниченными ресурсами сосредотачиваются на конкретных ролях в конкретных областях, на международном и региональном уровнях. Идентификационный подход чаще ассоциируется с конструктивистской теорией международных отношений. Это определение страны как средней державы по ее внешнеполитической концепции или процессу построения самого государства как внешнеполитической идентичности в контексте «среднедержавности».

По всем этим трем подходам Турцию относят к средним державам. Причем долгое время считалось, что она является таковой, так как активно участвует (и стремится к дальнейшему расширению участия) в западных институтах, а также является важным региональным партнером для западного блока. Однако по мере роста самостоятельности Турции как внешнеполитического игрока можно говорить о том, что Турция становится примером нового типа средней державы, где этот статус означает высокую

¹³⁶ Op. cit. P. 70.

¹³⁷ Chapnick A. The Middle Power // Canadian Foreign Policy Journal. 1999. Vol. 7. № 2. P. 75.

¹³⁸ Niche Diplomacy: Middle Powers after Cold War, Edited by Cooper, A.F. London: Macmillan, 1997. 221 p.

самостоятельность в проведении политики при явной недостаточности ресурсов для того, чтобы считаться великой державой¹³⁹.

1.2.3. Малые державы

«Малодержавность» — это статус для описания государств, которые слабее средних держав в иерархии власти международной системы. Малые державы имеют низкий уровень общего участия в мировой политике, у них узкие функциональные и географические интересы, но иногда может быть высокий уровень активности в международных организациях¹⁴⁰. В современной системе международных отношений малые государства составляют значительную часть от общего числа государственных акторов.

Категория малых государств, или малых держав, в международной политике возникла с принятием так называемых великих держав в качестве правовой категории на Венском конгрессе в 1815 г., с Венского конгресса до Первой мировой войны категория малых государств/держав на международной арене использовалась для государств, остававшихся за пределами лагеря крупных государств¹⁴¹. Классификация государств в статусе малой державы стала проводиться в теории международных отношений с 1930-х годов¹⁴². В первых описаниях эти государства классифицируются как малые и слабые страны. В современных международных отношениях наблюдается значительное увеличение числа малых государств за два периода: с 1960-х годов, когда колониальные страны стали обрели независимость, и в начале 1990-х годов после распада Советского Союза. Должны ли такие государства быть слабыми? По мнению Б. Бузана, маленькое государство может быть сильным: сильные государства обладают высокой легитимностью, слабые государства — нет; сильные державы обладают высокими возможностями, слабые державы — нет. Это различие часто игнорируется даже в относительно современной литературе¹⁴³. По словам Р. Кеохейна, малая держава — это государство, лидеры которого считают, что оно никогда не сможет, действуя

¹³⁹ Iskandarov Q., Nesmashnyi A., Safranchuk I., Sucu A.E., Transformation of Middle Powers with the Decline of World Hegemony: The Case of Turkey // Strategic Analysis. 2021. Vol. 45. № 4. P. 307-320.

¹⁴⁰ Baba G., Önsoy M. Between Capability and Foreign Policy: Comparing Turkey's Small Power and Middle Power Status // Uluslararası İlişkiler. 2016. Vol. 13. № 51. P. 7.

¹⁴¹ Tür Ö., Salık N. Uluslararası İlişkilerde 'Küçük Devletler': Gelişimi, Tanımı, Dış Politika ve İttifak Davranışları // Uluslararası İlişkiler. 2017. Vol. 14. № 53. P. 4.

¹⁴² Hambro C.J. The Role of the Smaller Power in International Affairs To-day // International Affairs. 1936. Vol. 15. № 2. P. 167-187; Wolfers A. The Role of the Small States in the Enforcement of International Peace // Proceedings of the Academy of Political Science. 1945. Vol. 21. № 3. P. 24-31; Rothstein B. L. Alliances and Small Powers // The American Historical Review. 1969. Vol. 74. № 5. P. 1614-1615; Keohane R. O. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // International Organization. 1969. Vol. 23. № 2. P. 291-310; Vital D. The Inequality of States: A Study of the Small Power in International Relations, Oxford: Clarendon Press. 1972. 198 p.; Wight M. Power Politics. Ed. by Hedley Bull and Carsten Holbraad. New York: Holmes and Meier. 1978. 317 p.

¹⁴³ Buzan B. People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations. 1983. Wheatsheaf. P. 65-69.

в одиночку или в небольшой группе, оказать существенное влияние на систему¹⁴⁴. Аналогичное определение было предложено Р. Ротштейном. Он писал, что это малое государство не может обеспечить безопасность за счет использования в первую очередь своих собственных возможностей, оно должно в основном полагаться на помощь других государств, институтов, процессов или событий¹⁴⁵.

Согласно неореалистической теории, малые державы, столкнувшись с угрозой, должны либо побеждать, либо балансировать в рамках более крупных союзов, созданных великими державами и в их интересах¹⁴⁶. Для малых держав «дилемма безопасности» может быть более острой из-за характеристик, присущих их статусу. Они склонны проводить политику «bandwagoning» и балансирования с сильными региональными и глобальными государствами для защиты собственной безопасности. Для институциональных либералов малые государства являются важными игроками в международных структурах, с помощью которых формируется большинство для принятия коллективных решений, которые могут считаться общемировыми.

1.2.4. Акторность и иерархия международной системы

Если самыми могущественными субъектами международной системы считаются государства, то важна природа международной системы. Для описания структуры системы МО возникает два непротивоположных варианта: анархия и иерархия. Неолиберальная и неореалистическая теории международных отношений описывают структуру международной системы как анархическую, исходя из того, что над государствами нет никакой власти. В анархической международной системе государства являются суверенными и независимыми друг от друга субъектами. Однако они не являются равными, и отсюда можно говорить об одновременном существовании международной анархии и иерархии. Сильные государства устанавливают власть над слабыми принудительно либо с добровольного согласия последних, в разных областях и в разной степени. Когда более сильные государства начинают оказывать политическое влияние на более слабые государства, в международной политике возникает иерархия власти. Отсюда вопрос: как определяется иерархия в анархической международной системе?

В международных отношениях иерархия — это влияние более сильных государств на политику слабых государств путем установления власти, основанной на согласии или

¹⁴⁴ Keohane R.O. Op. cit. P. 296.

¹⁴⁵ Rothstein R.L. Alliances and Small Powers. New York and London: Columbia University Press, 1968. P. 29.

¹⁴⁶ Dreyer N.G., Neal G. Small States in the International System: At Peace and at War. New York: Lexington Books. 2016. P. 4.

принуждении, посредством политики. Главное здесь — неравное могущество государств. Иерархия существует, когда доминирующий актор осуществляет политическую власть над подчиненным государством¹⁴⁷. Неореалистическая теория рассматривает анархическую и иерархическую структуры как противоположные друг другу при определении типа международных отношений. В этом случае понятия анархии и иерархии альтернативны друг другу. В этом смысле иерархия занимает важное место в изучении международных отношений¹⁴⁸.

В международных отношениях иерархия основана на авторитете более сильных государств. Такие доминирующие государства когда-то принимали форму империй, но сегодня это ограничивается неформальными политическими отношениями, такими как сферы влияния и фактические протектораты. Доминирующие субъекты являются центрами силы в международной системе. Иерархия может существовать между государствами в двух непрерывных измерениях, варьируя от анархии до почти полной управляемости над безопасностью и экономическими вопросами.¹⁴⁹ В случае анархии все государства являются равноправными акторами, поэтому в этой системе нет высшего авторитета. Но это не значит, что все государства будут обладать равной властью и статусом в международной политике.

Вопрос статуса — один из важнейших в международных отношениях. Несмотря на отсутствие общего подхода к определению статуса любого государства в международной системе, его можно определить как положение или ранг в статусном сообществе; а «сообщество статуса» определяется как иерархия, состоящая из группы акторов, в которой государство воспринимает себя как конкурента¹⁵⁰. Понятие статуса, особенно для великих держав, во многом рассматривается в реалистических и либеральных теориях международных отношений: Г. Моргентау (1985)¹⁵¹, К. Уолтц (1979)¹⁵², Р. Кеохейн (1984)¹⁵³ и Дж. Най (1990)¹⁵⁴. В своих трудах эти ученые придавали государствам разные статусы в международной системе и оценивали систему через их внешнеполитическое поведение.

¹⁴⁷ Lake D.A. Legitimizing Power // *International Security*. Fall 2013. Vol. 38. № 2. P. 77.

¹⁴⁸ Lake D.A. Relational Authority and Legitimacy in International Relations // *American Behavioral Scientist*. 2009. Vol. 33. № 3. P. 331-353; Cooley A. Thinking Rationally about Hierarchy and Global Governance // *Review of International Political Economy*. 2003. Vol. 10. № 4. P. 672-684; Nexon D.H., Wright T. What's at Stake in the American Empire Debate // *American Political Science Review*. 2007. Vol. 101. № 2. P. 253-271.

¹⁴⁹ Lake D.A. *Op. cit.* P. 62.

¹⁵⁰ Renshon J.B. *Fighting for Status: Hierarchy and Conflict in World Politics*. Princeton: Princeton University Press, 2017. P. 4.

¹⁵¹ Morgenthau H. *Politics Among Nations: The Struggle for Peace and Power* (6th ed.). New York: Knopf. 1985. 688 p.

¹⁵² Waltz K.N. *Theory of International Politics*. California: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. 251 p.

¹⁵³ Keohane R.O. *After Hegemony: Cooperation and Discord in World Political Economy*. Princeton University Press, 1984. 320 p.

¹⁵⁴ Nye J. S. Soft Power // *Foreign Policy*. 1990. Vol. 80. P. 153-171.

Аналогичным образом в настоящем исследовании концепция статуса принимается в качестве определяющего измерения отношений государств в международной системе.

Концепция международной иерархии может быть определена как власть, установленная великими державами над средними и малыми державами в международной системе. Однако такое определение иерархической ситуации между сильными и слабыми не противоречит определению анархии как структуры системы, потому что анархия в данном случае — не системная особенность, а элемент, разделяющий государства по статусу. И тогда, в соответствии с этим определением, такая иерархическая ситуация, основанная на распределении власти в системе, не является альтернативой анархической системе. Иерархический порядок внутри анархической системы раскрывает сеть отношений внутри этой системы через статусы. В этом смысле иерархия власти охватывается анархической структурой. С другой стороны, слабые государства имеют разную степень зависимости от сильных государств в экономической и военной областях, что свидетельствует о различных иерархических отношениях. Согласно Д. Лейку, «некоторые государства, находящиеся в подчиненном состоянии, признают главенство других держав только в ограниченном круге вопросов, позволяя доминирующим странам регулировать свои отношения с третьими сторонами в военной сфере, что часто называется сферой влияния, или в экономической сфере, что в свою очередь часто называют экономической зоной»¹⁵⁵. В этом случае отношения малых и средних держав с великими державами представляют собой иерархическую структуру с разными статусами.

В международных отношениях неравное распределение власти в системе создает «иерархию власти», в которой государства различаются по своему статусу: сверхдержава, великая держава, средняя держава, малая держава. Эти статусы иерархичны по структуре власти. Они также предоставляют информацию о внешнеполитическом поведении центров силы в международной системе. Цель государства стать более могущественным в этой иерархии соответствует структуре анархической международной системы.

Иерархия власти в системе международных отношений является одним из главных факторов, формирующих межгосударственные отношения. В однополярной мировой системе этот иерархический порядок более стабилен. В такой системе отношения великих и средних держав со сверхдержавой формируются и регулируются определенными нормами. Отношения средних держав с малыми и великими державами в большей степени направлены на поддержание статус-кво по определенным вопросам в системе. Например, нельзя было ожидать, чтобы средние державы во время холодной войны выступали против институтов либерально-капиталистической системы. А малые державы в этой системе должны были

¹⁵⁵ Lake D.A. Op. cit. P. 2.

проводить внешнюю политику, основной целью которой было получение статуса средней державы и поддержка существующей системы и ее институтов, чтобы их статус малой державы был принят международным сообществом.

Схема № 1. Пирамида иерархической структуры власти по статусам в международной системе



Источник: составлено автором

Из пирамиды (Схема № 1) видно, что категория великой державы и сверхдержавы, которая находится на вершине властной иерархии государств, в большей степени связана с полярностью системы. Если система однополярная или биполярная, то можно говорить о существовании одной или нескольких сверхдержав в международной системе, как в период холодной войны. Великие державы могут стать сверхдержавами, но для этого требуются радикальные системные изменения, например, от биполярности к многополярности. Точно так же для того, чтобы средняя держава получила статус великой, требуется длительный период и несколько системных изменений. В то же время увеличение числа великих держав указывает на многополярность системы. Великие, средние и малые державы могут при определенных условиях и за определенный период времени изменять статус. При этом наиболее доступна и реалистична переходность между средними и малыми державами.

Существует также вероятность того, что великая держава может опуститься до статуса средней державы.

Если иерархическая структура переформируется, новая иерархия власти в конечном счете создается мировыми войнами или глобальными кризисами. В новом миропорядке некоторые государства могут стать сильнее, в то время как другие — слабее. С другой стороны, статус государства в иерархии власти может быть также связан с применяемыми им внешнеполитическими стратегиями. В настоящее время в мировой системе возникает поляризация, в которой решающую роль играет иерархическая структура. В этой поляризации статус великой державы становится важным.

С 1970-х годов повысили свою активность в международных отношениях негосударственные субъекты. В то же время государства активизировали создание многосторонних организаций, тем самым уступая часть своего суверенитета. Наиболее известным примером негосударственного актора является Европейский союз (ЕС). В результате после окончания холодной войны, в период американской гегемонии, борьба за власть между великими державами принципиально не влияла на мировую политику. В настоящее время роль государств как уникальных акторов в международной системе возрастает. Это вносит несколько изменений в распределение власти в системе. В такой ситуации нет никаких сомнений в том, что иерархическая структура власти определяет государственные отношения в контексте статусности государств. Такая ситуация в современном мире приводит к перераспределению власти между американской гегемонией однополярной системы и великими державами многополярного мирового порядка.

В этой системе международных отношений государства сохраняют способность быть самым могущественным актором. В рамках этой структуры неравномерное распределение власти создает иерархическую структуру между государствами. Соответственно, вышеупомянутая пирамида раскрывает как неравенство распределения власти, так и различные статусы, возникающие из-за этого. Единого подхода к определению этих статусов не существует, каждый из них относителен. Однако возможно определить и сгруппировать определенные критерии. С одной стороны, государства участвуют во внешнеполитическом поведении через эти статусы. По мере ослабления либерально-капиталистической системы распределение власти по статусу продолжает эту тенденцию. На данный момент возникают такие вопросы: если бы имело место соперничество великих держав, внесло бы это фундаментальные изменения в статус государств? Например, как средние державы будут регулировать свои отношения в многополярную эпоху? Какие изменения будут наблюдаться в политическом процессе при ослаблении либерального капитализма? Для того чтобы

ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть изменения в мировых политических процессах.

1.3. Основные параметры и тренды современной мировой политики

1.3.1. Глобализация и регионализация

Известный экономист Дипак Лал полагает, что концепция глобализации подразумевает создание общего экономического пространства, что способствует росту интеграции мировой экономики благодаря свободному перемещению товаров, капитала и труда¹⁵⁶. Глобализация — это не только то, что существует на самом деле, но и то, что людям предлагают думать и что они думают о происходящем и его перспективах¹⁵⁷. Глобализация (в другом значении) является универсализацией, которая включает в себя культурные, экономические, политические и социальные последствия. Она не развивается одновременно во всем мире, поэтому ее последствия не наблюдаются везде одинаково. Этот процесс включает в себя также негативные последствия, такие как бедность и болезни, рост преступности, угроза индивидуальной и общественной безопасности. Тренд глобализации является одним из наиболее важных факторов, сформировавших однополярную систему мироустройства.

Существующие теории международных отношений интерпретируют глобализацию по-разному. Так, в неореалистической теории международных отношений глобализация — это реальность, однако она не меняет важнейшие черты мировой политики; более определяющим фактором выступает территориальное деление мира на национальные государства. Глобализация как процесс может затрагивать социальные, экономические, политические и культурные аспекты, но она выходит за рамки международной политической системы государств.

Международники-неолибералы определяют глобализацию как конечный продукт длительной трансформации мировой политики. Для них глобализация в корне подрывает реалистские представления о мировой политике, поскольку показывает, что государства больше не являются центральными акторами. Неолибералов особенно интересует революция в технологиях и коммуникациях, представленная глобализацией. Они считают, что возросшая взаимозависимость между обществами, управляемая экономически и технологически, приводит к совершенно иной модели мировых политических отношений,

¹⁵⁶ Дипак Л. Похвала империи: Глобализация и порядок. М.: Новое издательство, 2010. С. 15.

¹⁵⁷ Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А. Д. Богатуров. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект, 2010. С. 44.

чем та, которая существовала до глобализации. Поэтому глобализация воспринимается неолибералами как процесс с положительными последствиями.

Последователям конструктивистской теории международных отношений глобализация представляется, как правило, некой внешней силой, действующей на государства, и лидеры часто утверждают, что это реальность, которую они не могут оспорить. Конструктивисты считают, что мы можем формировать глобализацию различными способами, поскольку, в частности, она дает нам реальные шансы создать межнациональные социальные движения с помощью современных технологических форм коммуникации.

Важным является вопрос о дальнейшем развитии глобализации. Тот период, в котором мы находимся сейчас, Миршаймер называет гиперглобализацией¹⁵⁸. По его словам, гиперглобализация, которая стремилась минимизировать барьеры для мировой торговли и инвестиций, привела к потере рабочих мест, снижению заработной платы и росту неравенства доходов во всем либеральном мире. Она ускорила после окончания холодной войны, фактически опрокинув Бреттон-Вудский консенсус; она также сделала международную финансовую систему менее стабильной, что привело к повторяющимся финансовым кризисам. Эти неприятности затем переросли в политические проблемы, еще больше подрывав поддержку либерального порядка. Нужно отметить, что антиглобалистские движения возникают вокруг трех проблем: во-первых, глобализация привела к усилению эксплуатации труда; во-вторых, она способствовала росту социального неравенства; в-третьих, увеличилось политическое неравенство¹⁵⁹. С другой стороны, глобализация привела к радикальным изменениям не только экономической структуры мира, но и политико-социального, культурного, правового сотрудничества.

В течение столетий многополярности, когда пять или около того великих держав конкурировали друг с другом, международная система была довольно тесно взаимозависимой, пусть в нее и не были вовлечены все державы. При биполярности и однополярности степень взаимозависимости заметно снизилась¹⁶⁰. После окончания холодной войны, в 1990-е годы, глобализация была связана с триумфом политического неолиберализма и рассматривалась как механизм распространения либеральных норм и ценностей за пределы «исторического Запада» на остальной мир¹⁶¹.

В то же время регионализм или регионализация определяется как политическое движение, направленное на создание и развитие региональных коммерческих организаций.

¹⁵⁸ Mearsheimer J.J. Op. cit. P. 8-39.

¹⁵⁹ Kiely R. The Clash of Globalisation. Leiden, Boston: Brill, 2005. P. 165.

¹⁶⁰ Waltz K.N. Globalisation and Governance // Political Science and Politics. 1999. Vol. 32. № 4. P. 698.

¹⁶¹ Kortunov A. The World Order Crises and the Future of Globalisation // RIAC Reports. 01.10.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/en/activity/publications/the-worldc-order-crisis-and-the-future-of-globalization/> (дата обращения: 01.10.2020).

Это движение стало особенно популярно после Второй мировой войны среди развитых стран, а затем стало быстро распространяться и среди развивающихся стран. Европейский союз оказал ускоряющее влияние на развитие процесса регионализации. Исследуя процессы глобализации, можно заметить, что движения локализации и регионализации обсуждаются как антиглобалистские концепции. На данный момент это может быть определено как экономическое соответствие продуктов местным требованиям, которые должны быть поняты без локализации. С этой точки зрения регионализацию можно рассматривать как экономическую альтернативу концепции глобализации, если регион не может интегрироваться в глобальную экономическую систему.

Регионализация относится в первую очередь к географически близко расположенным государствам, между которыми благодаря такому расположению развиваются экономические отношения. Реализация таких отношений открывает интеграционный процесс.

В настоящее время влияние региональных процессов на глобальную политику становится все более эффективным. Особенно важно взаимодействие по оси Север — Юг, которое происходит в процессе глобализации и регионализации. Глобальная система мировой экономики ведет к одностороннему обогащению государств, транснациональных корпораций и других игроков процветающих регионов, таких как Европа и Северная Америка. Глобализация и регионализация — два взаимосвязанных процесса, и время от времени кажется, что они развиваются параллельно.

На современном этапе на процессы глобализации и регионализации повлияли кризисы, которые можно классифицировать с помощью трех волн стресс-тестов:¹⁶²

- в 2001 г. возник стресс-тест на глобальную безопасность (события 11 сентября);
- 2008—2009 гг. — стресс-тест для мировой экономики (глобальный финансовый кризис 2008 г.);
- в 2020 г. появился стресс-тест как для экономики, так и для общества — COVID-19.

Первый стресс-тест — это террористическая атака в США 11 сентября 2001 г. и последующее военное вмешательство в Афганистан. После этих событий международный терроризм усилился как угроза однополярному мировому порядку. Военное вмешательство повысило нестабильность в этих двух странах, что повлияло на региональную и глобальную безопасность.

Второй стресс-тест — глобальный экономический кризис 2008 г. Этот кризис нанес огромный ущерб либерально-капиталистической системе и процессу экономической

¹⁶² Сафранчук И.А. Удар по глобализации // Известия. 14.10.2020. URL: <https://iz.ru/1073314/ivan-safranchuk/udar-po-globalizacii> (дата обращения: 14.10.2020).

глобализации. Развивающиеся страны, пострадавшие от этого кризиса, стали стремиться к региональной экономической интеграции. Данный финансовый кризис не только нанес огромный ущерб населению развивающихся стран, но и поставил под сомнение компетентность элиты, которая управляет либеральным международным порядком¹⁶³.

Третий стресс-тест — глобальный кризис, вызванный пандемией COVID-19, который появился в Китае в конце 2019 г. и охватил весь мир. Последствия этого кризиса наблюдаются во многих, если не сказать во всех, областях — политической, экономической, социальной и т.д. Этот последний кризис усиливает сомнение в устойчивости существующей системы.

Хотя процесс глобализации внес позитивный вклад в преобладание либерально-капиталистического миропорядка, самый значительный ущерб от трех основных стресс-тестов, которые привели к глубоким кризисам в однополярной мировой системе, был также нанесен глобализацией. Так, теракты 11 сентября — результат глобализации террористических движений, глобальный финансовый кризис 2008 г. — результат экономической глобализации, а глобальный кризис из-за COVID-19 — результат социальной глобализации.

С другой стороны, наблюдается влияние стресс-тестов на глобализацию.

Гиперглобализированная экономика, во-первых, подрывает порядок сама по себе. Она помогает другим странам, кроме гегемона, стать более мощными, что ведет к эрозии однополярной системы, а вместе с тем и либерально-капиталистической модели экономики. Например, подъем Китая, наряду с Россией, мощь которой возрождается, положил конец однополярной эпохе¹⁶⁴. Государства, пострадавшие от глобальных экономических кризисов, таких как стресс-тест 2008 г., стремятся проводить протекционистскую экономическую политику. В результате возникает противоположное глобализации направление — деглобализация; идет трансформация однополярной системы миропорядка и либерально-капиталистической модели.

Поскольку с 2010-х годов в мире усиливаются антиглобалистский и антиамериканский импульсы, это означает появление новых областей и возможностей для государств — великих держав. Более того, великие державы уже начали создавать собственную интеграционную модель путем разных вариантов глобализации.

При президенте Д. Трампе развитие американо-российских и американо-китайских отношений также ускорило процесс деглобализации. По словам Дж. Ная, «президентские выборы 2016 г. ознаменовались популистской реакцией на глобализацию и торговые

¹⁶³ Mearsheimer J.J. Op. cit. P. 30.

¹⁶⁴ Mearsheimer J.J. Op. cit. P. 8.

соглашения. «Популизм» — это несколько расплывчатый термин, который может быть связан с идеологиями левых или правых»¹⁶⁵. Торговые войны с Китаем, экономические санкции против России, вводимые с 2014 г., ухудшили отношения США с этими двумя странами, побудили их стать более независимыми государствами в международной системе. Кроме того, архитектура глобального сотрудничества, разработанная в рамках неолиберального порядка, и регионализм в Европе переживают момент кризиса с Brexit. Одновременно появляются новые проекты и интеграционные модели за пределами западных стран, такие как инициатива «Одного пояса, одного пути» и «Евразийский экономический союз». Китай реализует свой проект глобализации в соответствии со своими правилами. Россия, с другой стороны, стремится к экономической и военно-политической регионализации евразийского континента по своим правилам — через ОДКБ и ЕАЭС. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) также является альтернативной площадкой, где Россия и Китай сотрудничают по вопросам безопасности с другими государствами-членами. В результате процесс деглобализации формируется меняющейся внешней политикой США и позволяет великим державам укрепляться. Они создают различные интеграционные проекты на евразийском континенте. Таким образом, процесс деглобализации дает великим державам возможность проводить альтернативную политику, т.е. деглобализация открывает новые формы глобализации и регионализации.

С другой стороны, пандемия COVID-19, оказывая влияние на все сферы человеческой жизни, в том числе на национальные экономики стран, вызывает у них стремление осуществлять независимую национальную внешнюю политику, которая будет усиливаться вместе с более протекционистской экономической политикой.

В результате вполне вероятно, что на фоне COVID-19 кризис глобализации углубится и процесс деглобализации ускорится. Нынешняя ситуация также является серьезным испытанием эффективности таких международных структур, как G-7, G-20 и БРИКС. Как считает С. Караганов, «борьба с эпидемией продолжается в основном на национальном уровне. Это создает гораздо более четкий спрос на суверенитет, отказ от внешнего господства и стремление к свободе выбора политического, культурного пути, модели развития, внешнеполитической ориентации. Эта потребность была очевидна и до эпидемии»¹⁶⁶.

Сравнивая системный кризис 2020 г. и глобальный финансовый кризис 2008—2009 гг., можно сделать вывод, что чем больше потребность в совместных усилиях, тем меньше

¹⁶⁵ Нye J.S. Op. cit. P. 76.

¹⁶⁶ Караганов С.А., Суслов Д.В. Указ. соч.

готовность к таким усилиям¹⁶⁷. Потеря эффективности проекта ЕС — от определения региона до его институционализации, станет негативным примером для других региональных интеграций. Начинается также деинституционализация, что означает начало дестабилизации. В будущем может сложиться иная международная картина, если государства будут существовать в мировой политике, не придерживаясь ограничительных правил интеграции. Таким образом, процесс глобализации является одним из наиболее важных аспектов, обеспечивающих непрерывность либерально-капиталистической системы. Процесс трансформации многополярности в международной системе связан с регионализацией и глобализацией. Чем глобальнее система мира, тем быстрее происходит процесс деглобализации. По словам Миршаймера, «формирующийся многополярный мир станет отражением реалистского мирового порядка, который будет играть важную роль в управлении мировой экономикой, контроле над вооружениями и решении таких глобальных проблем, как изменение климата»¹⁶⁸.

1.3.2 Кризис гегемонии и возвышение средних держав

Международная система претерпевает трансформацию с ослаблением сверхгегемонии Соединенных Штатов в результате глобальных кризисов. В настоящий момент формируются очертания многосторонней структуры, сочетающей неолиберальные и неореалистические элементы. Эта трансформация ускоряется тремя волнами основных стресс-тестов. Текущий процесс несет важные последствия, такие как перераспределение власти в международной системе, а следовательно, изменение статуса для ряда государств и их внешнеполитических интересов, поскольку международная система является фундаментальным определяющим фактором, влияющим на поведение государств. Соперничество великих держав и демократические политические институты — это два внешних ограничителя, которые естественным образом связывают руки суверенному государству. Конкуренция с другими великими державами дает «подчиненным» возможность легче выходить из любых асимметричных отношений. Д. Лейк также пишет, что «окончание холодной войны сделало американскую власть более очевидной; государства, находящиеся под ее влиянием, стали более чувствительны к потенциальному оппортунизму доминирующего государства, а США стали свободнее в своих действиях»¹⁶⁹.

¹⁶⁷ Kortunov A. Op. cit.

¹⁶⁸ Mearsheimer J.J. Op. cit. P. 8.

¹⁶⁹ Lake D.A. Op. cit. P. 14.

Наиболее важным источником нынешнего кризиса в международной системе является изменение гегемонистской роли Соединенных Штатов. Эта ситуация напрямую влияет на внешнеполитическое поведение государств с разным статусом в международной системе. Чтобы понять трансформацию в международной системе, необходимо сначала взглянуть на концепцию гегемонии в теории международных отношений.

Гегемония — это доминирование сильных государств над слабыми государствами в международной системе, основанное на принуждении или согласии слабых государств и превосходстве гегемона в экономической, военной, социально-политической и прочих сферах. Чтобы государство определялось как гегемон, оно должно быть сильным как с точки зрения материальных ресурсов, так и с точки зрения идейных ценностей. Гегемон легитимирует свое превосходство и лидирующую роль, создавая институты, устанавливая правила в международной системе. В то же время гегемонию можно определить как статус, основанный на власти государства. Таким образом, государству-гегемону свойственны: (а) концентрация на контроле материальных ресурсов; (b) следование лидерству в установлении социальных правил и регулятивных процессов; (с) преобладание среди субъектов мнения о том, что доминирующая власть правит надлежащим образом¹⁷⁰.

Гегемон также создает иерархическую структуру между государствами. По мнению Р. Кеохейна, чтобы считаться гегемоном в мировой политической экономике, страна должна иметь доступ к важнейшим сырьевым ресурсам, контролировать основные источники капитала, поддерживать большой рынок импорта и иметь сравнительные преимущества в товарах с высокой добавленной стоимостью, приносящих относительно высокую заработную плату и прибыль¹⁷¹.

Как неолиберальные, так и неореалистические теории уделяют приоритетное внимание тому, чтобы государство, определяемое как гегемон, обладало материальной мощностью. Ключевое различие между этими двумя теориями заключается в понимании сущности гегемонии.

С точки зрения неолиберальной теории в международных отношениях гегемон играет регулирующую роль. Таким образом, можно говорить о положительном влиянии американской гегемонии на международную систему со времен холодной войны и до настоящего времени, а именно: распространение демократической системы управления, увеличение мирового богатства под влиянием экономической глобализации, развитие сотрудничества между государствами. Либерально-капиталистическая система обеспечила

¹⁷⁰ Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics. Ed. by Dutkiewicz P., Casier T., & Aart Scholte J. London: Routledge, 2020. P. 5.

¹⁷¹ Keohane R.O. Op. cit. P. 32-33.

устойчивый период в американской гегемонии. Но на региональном уровне конфликты продолжались.

Согласно неореалистической теории, целью великой державы в международной системе является усиление государства-гегемона за счет расширения его полномочий. Но постоянная межгосударственная конкуренция приводит к политике баланса интересов. Неизбежным следствием этого являются войны. Согласно неореалистическим подходам, гегемония означает преодоление баланса сил, установленного между государствами в многополярном миропорядке, создание механизмов, направленных на сохранение приоритета суверенного государства. Поэтому, согласно неореалистам, в международной системе не может быть сверхгегемонии государства. Однако возможно появление государств-гегемонов на региональном, а не на глобальном уровне¹⁷². В то же время если международная система многополярная, то между великими державами этой многополярности может быть асимметрия в распределении власти. Как можно заметить, некоторые из тезисов сторонников этих двух теорий схожи: рационалистический подход, в котором сочетаются сила и влияние; ориентированность на государства как на ключевых участников, исследовательская программа, ориентированная на американскую гегемонию, и аналитический подход, при котором сходятся функции гегемонии. Глобальная система без гегемонов более подвержена войне¹⁷³.

Согласно конструктивистской теории, определенные идейные структуры контролируют большую часть ресурсов в мировом сообществе, определяют правила и институты, сохраняя при этом общепризнанную легитимность¹⁷⁴.

Теоретики международных отношений обсуждают феномен гегемонии через роль США в либерально-капиталистическом миропорядке, установленную после окончания холодной войны путем экономической глобализации. Эта гегемонистская роль США стала выстраиваться через создание международных институтов после Второй мировой войны, хотя после войны возникла биполярная мировая система. С 1970-х годов экономическая зависимость государств была связана теоретиками взаимозависимости с укреплением роли США в качестве мирового экономического и политического гегемона. Согласно неолиберальной теории, увеличение экономической взаимозависимости в международной системе снижает риск военного конфликта между государствами. В результате стратегия «баланса сил», лежащая в основе реалистической политики, начинает все меньше определять международную политику. В то же время сильная взаимозависимость снижает политический

¹⁷² Mearsheimer J.J. Op. cit. P. 41.

¹⁷³ Lebow R. L., Reich S. Good Bye Hegemony! Power and Influence in the Global System. Princeton University Press: Princeton and Oxford. 2014. P. 4.

¹⁷⁴ Aart Scholte J., Casier T., Dutkiewicz P. Op. cit. P. 12.

и экономический суверенитет государств, поскольку, с одной стороны, роль государства в системе как единственного субъекта уменьшается, а с другой — межгосударственные институты и организации становятся сильнее как субъекты международной системы.

С 1980-х годов, наряду с дискуссиями о взаимозависимости, был разработан ряд концепций обеспечения непрерывности мирового порядка вместо гегемонии. Наиболее известна в данный момент концепция «после гегемонии», разработанная Робертом Кеохейном¹⁷⁵. Согласно данной теории, сотрудничество не обязательно требует наличия гегемонистского лидера после установления международных режимов. Возможно и постгегемонистское сотрудничество — через международные институты и режимы, которые будут гарантировать порядок. Деятельность гегемонистской державы и установленных ею международных режимов служит в первую очередь собственным интересам гегемона, пусть и таким образом, чтобы они были совместимы с интересами других государств и позволяли управлять ими¹⁷⁶.

Ранее теоретики структурного реализма выступали против утверждения неолибералов о том, что гегемония сокращает суверенитет государств. Структурные реалисты признали, что ни одно государство не может быть гегемоном из-за структуры международной системы. По мнению этих теоретиков, появление гегемона в многополярной мировой системе невозможно, поскольку концепция баланса сил этого не позволяет. Однако появившаяся с окончанием холодной войны однополярная мировая система привела к результату, непредсказуемому двумя популярными теориями международных отношений. Все крупные школы политической мысли скептически относились к возможности супергегемонии: как представители классических теорий, так и неореалисты предрекали упадок США и отсутствие пространства для супергегемонии, в то время как неолибералы предполагали любую гегемонию как не очень вероятную, при этом обращаясь к миру «после гегемонии», который был бы свободен от нее¹⁷⁷.

Тем не менее в 1990-е годы США были самым сильным государством в международной системе как материально, так и идеологически. Америка использовала эту силу для контроля над другими великими державами и различными регионами мира. Наряду с либеральной капиталистической системой, либеральные политические ценности и права человека были компонентами американской гегемонии. Эта роль США также была поддержана процессом глобализации. Однако с 2000-х годов американская гегемония начала ослабевать в результате ряда глобальных кризисов. Три глобальных стресс-теста ослабили

¹⁷⁵ Keohane R.O. Op. cit.

¹⁷⁶ Keohane R.O. Op. cit. P. 243.

¹⁷⁷ Safranchuk I. Op. cit. P. 69.

естественную американскую супергегемонию, и международная система стала интерпретироваться как многополярная структура. В результате возник период, который мы можем назвать кризисом гегемонии.

Описанное ослабление гегемонии США отражает относительное снижение их материальной мощи. По мере появления новых конкурентов и противников вероятность в ближайшие годы вернуть себе роль гегемона для США уменьшается¹⁷⁸.

В 2007 году Р.С. Кеохейн и П. Катценштейн выразили мнение, что после шестидесяти лет глобального лидерства Соединенные Штаты совсем не вызывают всеобщего восхищения во всем мире¹⁷⁹. К 2010-м годам, параллельно с разрушением институтов однополярного мира, начался кризис гегемонии. Глобальная трансформация власти от Запада к остальным странам продолжается, несмотря на недавний экономический спад и политический кризис в ряде стран БРИКС¹⁸⁰. К 2019 г. стало ясно, что либеральный международный порядок находится в упадке¹⁸¹.

Гегемонистская роль США ослабевает также из-за политической поляризации в западных странах. Например, Стратегия национальной безопасности (СНБ) Д. Трампа от декабря 2017 г. выражала скептицизм по поводу преимуществ многосторонних институтов и глобальной торговли¹⁸². Неудачная политика Трампа, приведшая к кризису COVID-19 в стране, также сильно повлияла на имидж США в международной системе. Во многих отношениях пандемия COVID-19, похоже, еще больше ускоряет эрозию гегемонии США¹⁸³.

Таким образом, ослабление американской гегемонии и укрепление концепции многополярности приближают международную систему к реалистической теории международных отношений. Несомненно, снижение роль США в мировой политике повлияет на будущее международной системы. Если нынешние кризисы указывают на постгегемонистский мировой порядок, то это, несомненно, иной порядок, чем тот, который обсуждался в 1980-х годах — как построенный «после гегемонии». В настоящее время ничто не указывает на укрепление международных институтов в мировой системе. Напротив, формируется, скорее, хаотичная среда — следствие именно ослабления этих институтов.

Без войны как механизма изменения системы и без перспектив появления альтернативного механизма даже ослабленный гегемон мог бы продержаться долгое

¹⁷⁸ Clark I. *Hegemony in International Society*. Oxford University Press. 2011. New York. P. 3.

¹⁷⁹ Keohane R., Katzenstein P. *Anti-Americanism, Introduction: The Politics of Anti-Americanisms*. 2007. P. 1.

¹⁸⁰ Acharya A. *Op. cit.* P. 18-19.

¹⁸¹ Mearsheimer J. J. *Op. cit.* P. 7.

¹⁸² Nye J.S. *Op. cit.* P. 70: Author's Footnote: David Sanger and William Broad. A Russian Threat on Two Fronts Meets a US Strategic Void. *New York Times*. 6 March 2018. P. A10.

¹⁸³ Cooley A., Nexon D. H. How Hegemony Ends the Unraveling of American Power // *Foreign Affairs*. 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-06-09/how-hegemony-ends> (дата обращения: 15.09.2021).

время¹⁸⁴. Кажется маловероятным, что какое-либо государство (как, например, Китай) сможет укрепиться настолько, что заменит США в роли гегемона в международной системе. Потому что, хотя материальная мощь как условие формирования гегемона может быть обеспечена, но создание идеологической основы не является быстрым процессом.

Три последовавшие друг за другом (с 2001 по 2019) стресс-теста, которые формируют современный мировой порядок, привели мировую систему с 2000-х годов к кризису гегемона, вызвали ее трансформацию и формирование многополярности. Главный вопрос заключается в том, смогут ли Соединенные Штаты сохранить лидерство в международной системе и сохранится ли характер этой системы после того, как она перестанет быть однополярной¹⁸⁵.

Согласно первому сценарию, международная система под лидерством США останется доминирующим порядком XXI века, а либеральный интернационализм все еще имеет будущее¹⁸⁶. Соединенные Штаты продолжать быть ведущей военной державой в мире, а военная мощь по-прежнему будет важным компонентом власти в глобальной политике¹⁸⁷.

Согласно альтернативному сценарию, в многополярной системе изменившегося мироустройства Америка останется одним из акторов наряду с другими великими державами, такими как Россия и Китай, позиции которых существенно укрепятся. По мнению Миршаймера, мир уже «стал многополярным в 2016 г. или ближе к нему. Отход от однополярности — это смертный приговор либеральному международному порядку, который находится в процессе коллапса и будет заменен реалистическим порядком»¹⁸⁸.

Пандемия новой коронавирусной инфекции с 2020 г. способствует изменению баланса сил в мировой политике. Этот последний глобальный кризис ускоряет ослабление американской гегемонии и эффективность западных институтов. Данный процесс подтверждает, что международная система движется к неопределенной многополярности.

Этот последний стресс-тест углубляет кризис гегемонии в международной системе и влияет на распределение власти. В результате ослабление американской гегемонии приводит к двум важным структурным изменениям в международной системе. Во-первых, система перестает быть однополярной и переходит в многополярную структуру. Это означает появление нескольких центров силы в международной системе. Во-вторых, в результате эволюции мировой политики в сторону многополярности появились новые параметры

¹⁸⁴ Paul T.V. *Restraining Great Powers: Soft Balancing from Empires to the Global Era*. New Haven, New York: Yale University Press, 2018. P. 102.

¹⁸⁵ Kofman M. *Great Power Competition in 21st Century* // *Valdai Papers*. 2018. URL: <https://valdaiclub.com/files/18724/> (дата обращения: 12.03.2020).

¹⁸⁶ Ikenberry J.G. *The Rise of China and the Future of the West: Can the Liberal System Survive?* // *Foreign Affairs*. 2008. Vol. 87. № 1. P. 37.

¹⁸⁷ Nye J.S. *Op. cit.* P. 79.

¹⁸⁸ Mearsheimer J.J. *Op. cit.* P. 7.

распределения власти между государствами. Эти параметры влияют на статус государств: великие державы, средние державы и малые державы сталкиваются с положительными и отрицательными последствиями этого изменения в международной системе.

Такая ситуация в международной системе приводит к значительным изменениям во внешнеполитическом поведении средних держав. Государства, долгое время проводившие внешнюю политику в соответствии с либерально-капиталистической системой, теперь вынуждены принимать меры для преодоления последствий глобальных кризисов. Это означает, что у них появляется возможность проводить более независимую внешнюю политику. В то же время незападные великие державы станут внешнеполитической альтернативой для таких средних держав. Важнейшим результатом этого станет сотрудничество в решении региональных вопросов.

С другой стороны, то, что Китай теперь стал одним из центров многополярного мира, означает новые внешнеполитические реалии не только для США, но и для их союзников в регионе, таких как Австралия. В настоящее время и Китай, и Россия разрабатывают собственную интеграционную политику. Политика средних держав в отношении этой интеграционной политики также становится важной, потому что эти проекты могут обеспечить экономическую, политическую и военную выгоду для них. В первую очередь это сказывается на отношениях этих государств с западными странами.

С этой точки зрения можно говорить о том, что с ослаблением американской гегемонии средние державы начали принимать более активное участие в международной политике. В связи с этим можно ожидать, что новая роль средних держав в глобальных и региональных вопросах будет более активной. Важно отметить, что отсутствие у таких государств материальных возможностей, несомненно, создает определенные трудности в преобладании их внешнеполитического поведения. Это, как уже упоминалось выше, открывает много возможностей для великих держав и может даже создать новые отношения зависимости по многим вопросам. Таким образом, формирование международной системы от однополярности к некой многополярности представляет собой сочетание положительных и отрицательных последствий для средних держав.

С этой точки зрения средние державы могут в этот период более активно участвовать в глобальном принятии решений и мер против COVID-19. Ухудшение стратегической позиции Соединенных Штатов, их неустойчивое экономическое положение и недостаточно эффективные противоэпидемические меры еще больше подтолкнули некоторые государства к поиску альтернативных направлений; потому что во время пандемии многие важнейшие обязанности полностью или частично перешли к средним державам. Их влияние на мировой арене заметно возросло во время пандемии, которая требует именно такой многосторонней

координации, которую эти державы уже давно отстаивают; если они смогут воплотить свои первоначальные дипломатические усилия в устойчивые меры реагирования на следующую фазу пандемии, они могут преуспеть в том, чтобы вывести мир из кризиса¹⁸⁹.

1.3.3. Многополярность и современный мировой порядок

Если международная система формируется в результате распределения власти между несколькими великими державами, то наиболее приемлемый термин для такого миропорядка — «многополярность». Это такая структура международных отношений, которая «характеризуется наличием нескольких наиболее влиятельных государств, сопоставимых друг с другом по потенциалу их комплексного влияния на международные отношения»¹⁹⁰. На основе трех основных стресс-тестов, рассмотренных выше, в литературе по международным отношениям развивается концепция многополярности, особенно после 2010-х годов, когда гегемония США в международной системе становится все более обсуждаемой.

Несмотря на это, остается неясным, в какой именно форме усиливается постамериканская версия мировой системы. В то же время, «хотя многополярный мир является желательной моделью мироустройства, на данный момент говорить об окончательном преодолении “однополярного момента” было бы преждевременно»¹⁹¹.

Многополярность выступает за многочисленные центры политического и экономического влияния. Существование этих множественных центров влияния поддерживается нормативным плюрализмом в культурной и идеологической областях и многочисленными политическими формами в институциональной сфере. То есть в структуре многополярности существуют различные силовые центры, которые имеют более одного «полюса» в международной системе. Эта система не позволяет гегемону подняться с помощью одной лишь силы. Концепция многополярности ближе к неореалистической теории международных отношений.

Предположение о том, что биполярная международная система, какой она была во время холодной войны, более стабильна, является основным аргументом структурной реалистической теории. Согласно этому подходу, баланс сил в биполярном мире — идеальная система, поскольку при таком порядке ни одно государство не может установить

¹⁸⁹ Jones B. Can Middle Powers Lead the World Out of the Pandemic? Because the United States and China Have Shown They Can't // Foreign Affairs. June 18. 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/france/2020-06-18/can-middle-powers-lead-world-out-pandemic> (дата обращения: 15.09.2021).

¹⁹⁰ Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России: научное издание. Москва: Аспект Пресс, 2017. С. 30.

¹⁹¹ Картунов А.В. Почему мир не становится многополярным? // Россия в глобальной политике. 26.06.2018. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym/> (дата обращения: 12.02.2020).

мировую гегемонию, хотя это возможно на региональном уровне. И если нынешний мир действительно эволюционирует в многополярный, то это не идеальный мир. Это мир хаоса и борьбы всех против всех, мир неустойчивых отношений¹⁹².

По мнению Дж. Миршаймера, если нынешний этап в мировой политике эволюционирует в многополярность, то это не только не создаст новую систему баланса сил, но будет усиливать вероятность войн между великими державами по трем причинам: «во-первых, больше возможностей для войны, потому что в многополярной системе больше потенциальных конфликтных диад. Во-вторых, дисбаланс сил более распространен в многополярном мире. В-третьих, в условиях многополярности вероятность просчетов выше: государства могут думать, что у них есть возможность принудить или завоевать другое государство, когда на самом деле это не так»¹⁹³.

Следует также отметить, что в Холодной войне сохранялась стабильность через международные режимы, такие как Договор о нераспространении ядерного оружия. Однако современная многополярность несет новые угрозы безопасности, обусловленные параллельным развитием технологий, при этом без четкого представления о механизмах сдерживания этих угроз. В настоящее время даже просто неспособность обеспечить контроль над ядерным оружием приводит к тому, что многие государства обладают этим оружием. Разве эти страны не создают впечатляющую уязвимость мировой системы?

Таким образом, увеличение числа великих держав в системе создает ряд проблем для безопасности, углубляет разногласия при принятии решений на международном уровне. Иными словами, решения в международных институтах варьируются в зависимости от силы убеждения великих держав. В результате возникает пропагандистская борьба за «средних» и «малых».

Несомненно, биполярная система во времена холодной войны и многополярность, обсуждаемая в современной мировой политике, отличаются друг от друга. Если тот период можно охарактеризовать как относительно стабильный, то сегодня ситуация иная. Это связано не только с присущей многополярной системе конфликтности, но и тем, что государства стали более экономически и политически связанными, чем когда-либо прежде в истории. В новых реалиях «торговые войны» США и Китая оказывают воздействие не только на эти две страны, но и на всю мировую экономику. В свою очередь взаимозависимость — это результат воздействия глобализации.

¹⁹² Караганов С.А. Холодная война: прогноз на завтра // Российская газета. 23.10.2017. URL: <https://rg.ru/2017/10/20/karaganov-my-perezhivaem-hudshiuu-holodnuiu-voynu-chem-predydushchaia.html> (дата обращения: 10.03.2020).

¹⁹³ Mearsheimer J.J. Op. cit. P. 338.

Трансформация мировой системы затягивается. Согласно прогнозу А. Кортюнова, если этот процесс растянется, к примеру, на пять десятилетий, то «до середины нынешнего столетия человечество будет вынуждено пребывать в «серой зоне» между старым и новым миропорядком. Такая «серая зона» не является безопасной или комфортной. Легко спрогнозировать отсутствие четких правил игры, понятных и общепризнанных принципов функционирования международной системы, многочисленные конфликты между формирующимися «полюсами»¹⁹⁴.

Усиление дискуссии о мировом порядке в контексте многополярности вызвано не только ослаблением гегемонии США, но и растущим влиянием таких стран, как Россия и Китай. Политика великих держав, несомненно, направлена на ослабление власти США в системе и на укрепление своих позиций в глобальных делах. Но это не означает, что эти две страны расшатывают американскую гегемонию через создание союзнических отношений. Хотя Россия и Китай улучшили свои экономические отношения и являются членами ШОС, но насколько они готовы к формированию альянса против США — это обсуждаемый вопрос.

Таким образом, современная концепция многополярности означает конкуренцию великих держав, направленную на максимизацию своей мощи, а не на порядок, основанный на балансе сил. По словам Д. Тренина, «конкуренция великих держав вернулась в глобальную политику в двадцать первом веке; с тех пор как короткий период мирового господства США подошел к концу, не возникло стабильной однополярной системы»¹⁹⁵.

В то же время не только великие державы, но и некоторые государства, которые квалифицируются как развивающиеся страны или страны регионального значения, иногда бросают вызов нынешней системе. Этот вызов усиливается желанием иметь больше влияния на региональные события и играть более активную и независимую роль в глобальных делах. Для этого они стараются увеличить свой материальный потенциал. Однако эта конкурентная среда, похоже, приносит скорее хаос, чем стабильность. Эти государства пытаются добиться политических выгод, создавая взаимные угрозы и управляя ими. Поэтому возникает хаотическая борьба друг с другом вместо того, чтобы объединиться против сверхдержавы. В результате «однополярного момента» распределение военных ресурсов в современном мире стало настолько асимметричным, что мешает государствам конкурировать с Америкой¹⁹⁶.

Надо также отметить, что в настоящее время великие державы для наращивания своего материального потенциала и укрепления позиций в глобальной и региональной политике

¹⁹⁴ Кортюнов А.В. Указ. соч.

¹⁹⁵ Trenin D. Strategic Stability in the Changing World // Carnegie. 21.03.2019. URL: <https://carnegie.ru/2019/03/21/strategic-stability-in-changing-world-pub-78650> (дата обращения: 12.05.2020).

¹⁹⁶ Safranchuk I. Globalisation and the Decline of Universalism: New realities for Hegemony // Hegemony and World Order, Reimagining Power in Global Politics. Ed. by Piotr Dutkiewicz, Tom Casier, Jan Aart Scholte. Routledge, 2020. P. 67.

используют механизмы либерально-капиталистической системы. Иными словами, эти государства бросают вызов США, используя преимущества существующей системы. Наиболее важным преимуществом становится, таким образом, способность западного порядка адаптировать державы, находящиеся на подъеме¹⁹⁷. Одним из ключевых факторов быстрого подъема Китая является то, что он использует систему свободной торговли. Так, в июне 2018 г. на саммите ШОС в Циндао председатель КНР Си Цзиньпин призывал в своей речи «объединить силы со странами — участницами ШОС, чтобы создать открытую мировую экономику»¹⁹⁸. Вряд ли те же результаты могли бы быть достигнуты Китаем без преимуществ глобальной экономической системы.

Напротив, если государство время от времени испытывает проблемы с интеграцией в существующие международные системы и институты, то, как и Россия, оно не может укрепить свой статус великой державы. Это, в свою очередь, создает барьеры для сохранения статуса великой державы или признания этого статуса другими государствами. Чтобы стать одним из центров возможной многополярной системы, страны сохраняют свою приверженность международным институтам и международному праву. Такие страны также используют эту схему для легитимации своей глобальной и региональной политики.

Итак, могут ли такие страны, как Китай, Россия, Индия, рискнуть бросить вызов существующей системе без каких-либо системных предложений, без создания их собственной универсальной идеологии? С этой точки зрения в данный период совершенно определенно происходит уже «не формирование, а консолидация нового порядка»¹⁹⁹.

Ни одно государство в мире не имеет возможности предложить материальную и идеологическую или универсальную альтернативу с целью разработки новой международной системы.

Исследуя процесс формирования нового миропорядка в концепции многополярности и связанные с этим проблемы, многие аналитики пришли к выводу, что идеология многополярности далека от совершенства, заменяя, по сути, один вид гегемонии (однополярной или биполярной) на гегемонию ограниченного числа государств. Среди предложенных альтернатив многополярной системе можно выделить концепции многостороннего и мультиплексного мира.

На этом этапе различие между многополярностью и многосторонностью становится важным. Как считает А. Картунов, «будущее мирового порядка — если мы говорим именно

¹⁹⁷ Ikenberry J.G. The Rise of China and the Future of the West: Can the Liberal System Survive? // Foreign Affairs. 2008. Vol. 87. № 1. P. 31.

¹⁹⁸ Nye J. The rise and fall of American hegemony from Wilson to Trump // International Affairs. January 2019. Vol. 95. № 1. P. 67.

¹⁹⁹ Шаклеина Т.А. Указ. соч. С. 29.

о порядке, а не об “игре без правил” и не “войне всех против всех”, — следует искать не в многополярности, а в многосторонности. Два термина звучат похоже, но их содержание различно. Многополярность предполагает строить новый миропорядок на основе силы, многосторонность — на основе интересов. Многополярность закрепляет привилегии лидеров, многосторонность создает дополнительные возможности для отстающих. Многополярный мир состоит из балансирующих друг друга блоков, многосторонний — из дополняющих друг друга режимов»²⁰⁰.

Другая альтернатива многополярности — мир мультиплекса. Это понятие более широкое, чем многополярность. Многополярность относится главным образом к распределению материальных возможностей между великими державами, но не обязательно к качеству отношений между ними. Поэтому становится предметом споров²⁰¹. Главное отличие мультиплексного подхода от многополярного заключается в том, что ни одно государство, союз государств или иное объединение не могут претендовать на звание полюса мира и не могут быть признаны им.

Таким образом, в рамках существующих теорий международных отношений продолжаются дискуссии о том, является ли нынешняя ситуация многополярной, многосторонней или миром мультиплекса. Это также затрудняет проведение анализа в любой концепции.

Период биполярной системы в мировой политике закончился с распадом Советского Союза. Можно утверждать, что после окончания холодной войны появились две основные концепции для нового мирового порядка: однополярная американско-европейская (американско-центрическая) и многополярная российско-китайская (полицентрическая)²⁰². Однако в 1990-е годы была установлена американская супергегемония. Этот однополярный мировой порядок принес на глобальном уровне относительную стабильность. Но геополитический разрыв, возникший в результате распада Советского Союза, выявил на постсоветском пространстве зоны конфликтов, которые делятся до настоящего времени.

В этот период, который иногда называют «концом истории»,²⁰³ либерально-капиталистическая система благодаря быстрому влиянию глобализации сделала государства зависимыми от американской супергегемонии. Одновременно так называемая «третья волна демократизации»,²⁰⁴ возникшая с распадом Советского Союза, поддерживала этот международный процесс. Эта новая волна демократизации сыграла важную роль в

²⁰⁰ Кортунов А.В. Указ. соч.

²⁰¹ Acharya A. *The End of American World Order*. Cambridge: Polity Press. 2018. P. 39.

²⁰² Шаклеина Т.А. Указ. соч. С. 33.

²⁰³ Fukuyama F. *The End of History?* // *The National Interest*. 1989. № 16. P. 3-18.

²⁰⁴ Huntington S.P. *Democracy's Third Wave* // *Journal of Democracy*. Spring 1991. Vol. 2. № 2 P. 12-34.

интеграции большинства стран в международную систему, что, естественно, усилило влияние США на другие страны. Великие державы за пределами США в 1990-х годах стремились воспользоваться экономическими и политическими возможностями либерально-капиталистической системы с целью увеличить свой экономический потенциал путем установления глобальных и региональных интеграций.

При установившейся американской супергегемонии великие державы напрямую не противостояли США. Американцы не столкнулись с какими-либо великими державами в ходе военных действий совместно с НАТО, например, в Югославии и Ираке. Региональные державы мобилизовали свои ресурсы в основном для обеспечения своей безопасности. Все это стало причиной американской гегемонии в течение 1990-х годов. К концу этого периода начал укрепляться международный терроризм как угроза однополярной мировой системе.

С 2000-х годов волны глобального кризиса вызвали трансформацию однополярной мировой системы. Эта ситуация оказывает непосредственное влияние на существование и преемственность таких понятий, как гегемония, глобализация, регионализация, которые являются ключевыми в международной политике.

Вследствие описанных выше стресс-тестов мировой порядок в настоящее время находится в переходном периоде. Международные институты либерально-капиталистической системы оказались неспособны к разрешению кризисов, возникающих в результате глобальных стресс-тестов. Кроме того, ряд движений во внутренней политике западных государств, особенно начиная с 2010-х годов, углубляют это кризисное состояние. Иногда эти движения во внутренней политике оказывают влияние на глобальную политику. Например, популизм усиливается в Европе и США. Тенденция прихода к власти националистических и популистских лидеров во всем мире, существование авторитарных режимов, выход Великобритании из Европейского союза, многие другие тренды говорят о серьезных проблемах с преемственностью либерально-капиталистической системы.

Кроме того, глобальные стресс-тесты ослабляют долговременную структуру системы. В результате трех волн глобальных стресс-тестов система международных отношений стала трансформироваться от однополярности к другому порядку (или беспорядку) с тенденцией к многополярности. По мнению Т. Шаклеиной, «складывается впечатление, что становление нового мирового порядка вступило в фазу, которая может закончиться или консолидацией системы на основе трансатлантических структур, или консолидацией альтернативных сил из числа государств, не входящих в евроатлантическую систему»²⁰⁵. Более того, Ш. Кантарчи называет время после окончания холодной войны «периодом коалиций». Согласно его мнению, международная система эволюционирует в многополярный порядок, и вместо

²⁰⁵ Шаклеина Т.А. Указ. соч. С. 29.

конкуренции государства формулируют мировую политику через создание новых коалиций²⁰⁶.

Однополярный мировой порядок и Бреттон-Вудские либеральные экономические институты заменяются конкуренцией великих держав. Эти великие державы экономически зависимы друг от друга, но они хотят быть независимыми друг от друга, насколько это возможно. Они модернизируют свою военную мощь, увеличивая расходы на оборону и инвестируя в новые военные технологии. В современной войне крупнейшие державы будут сражаться прежде всего в информационном пространстве, «в космосе, киберпространстве и электромагнитном спектре»²⁰⁷. После изучения проблем акторности и иерархической структуры в международной системе необходимо исследовать две важные тенденции системы — элементы глобализации и регионализации.

Выводы к главе

Период однополярности в международной системе завершился. Параллельно американская гегемония ослабевает, что сказывается на распределении власти в системе. На данный момент возникают возможности и недостатки с точки зрения внешнеполитического поведения государств с разным статусом. Таким образом, мировая система развивается при смене однополярности на многополярность, в которой особую роль играет конкуренция между великими державами. На данный момент партнерство и конкуренция как факторы, определяющие межгосударственные отношения, все еще популярны в исследованиях межгосударственных отношений. Неореализм и неолиберализм остаются основными теориями международных отношений. В международной системе, в которой доминирует анархическая структура, сотрудничество и соперничество оцениваются этими теориями с использованием различных подходов. В целом неореализм утверждает, что государства скорее конкурируют, чем сотрудничают, из-за анархии в системе. Со своей стороны неолиберальные теоретики утверждают, что государства могут более эффективно преследовать свои интересы посредством сотрудничества. Несомненно, исходя из более оптимистичного, неолиберального подхода, государства способны извлечь выгоду через институты. Но уровень сотрудничества и конкуренции между государствами также важен. На этом этапе статус государств, определяемый в зависимости от их власти в международной системе, становится важным. В международной иерархии власти статус

²⁰⁶ Kantarcı Ş. Soğuk Savaş Sonrası Uluslararası Sistem: Yeni Sürecin Adı 'Koalisyonlar Dönemi?' mi? // Güvenlik Stratejileri. 2012. Vol. 8. № 16. P. 52.

²⁰⁷ Кофман М., Сушенцов А.А. Почему возможна война между великими державами? // Доклад международного дискуссионного клуба Валдай. 2016. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/12119/> (дата обращения: 12.05.2020).

государства определяется в одной из четырех категорий: сверхдержава, великая держава, средняя держава и малая держава. Статус конкретного государства определяется в ходе различных теоретических обсуждений. Статусность влияет на уровень сотрудничества и соперничества между государствами. Поэтому более слабое государство становится зависимым от более сильного или стремится проводить политику баланса сил между великими державами.

После окончания холодной войны до 2010-х годов существовала однополярная мировая система под гегемонией Америки. Однако проблемы в международной системе, нараставшие с начала 2000-х годов, поставили гегемонистскую роль США под сомнение, потому что, с одной стороны, мощь Запада ослабевает в мировой политике, а с другой — такие незападные великие державы, как Китай и Россия, укрепляются в системе. Это создает новую конкуренцию между великими державами. Хотя международная система определяется, согласно неореалистической теории, отношениями великих держав, эта неопределенность, несомненно, затрагивает все государства в международной системе.

Системные кризисы в современной мировой политике последних десятилетий (11 сентября 2001 г., финансовый кризис в 2008 г., кризис глобальной пандемии в 2020 г.) и неэффективность международных институтов в решении этих кризисов ставят под сомнение неолиберальные тезисы. В результате этих стресс-тестов происходят изменения в распределении власти в мировой политике. Это создает гегемонистский кризис и закладывает основу для создания новых центров власти. Стремительный подъем Китая, ревизионистская политика России вызывают большой резонанс в либерально-капиталистической системе. Таким образом, вместо стабильной полярности в международной системе наблюдается множество нерегулярных полярностей, которые, с большой вероятностью, движутся к хаосу. Это, по крайней мере, способствует укреплению на современном этапе неореалистической теории, изучающей межгосударственные отношения в контексте конкуренции, поскольку эффективность таких политических процессов, как глобализации, регионализации и демократизации, которые составляют важнейшую движущую силу либерально-капиталистической системы, снижается. Государственные режимы становятся все более авторитарными и предпринимают шаги против этой системы. В таком случае великие державы, с одной стороны, создают свои глобальные и региональные проекты, а с другой — предлагают разные альтернативы средним и малым державам.

Средние державы были сторонниками либерально-капиталистической системы со времен холодной войны до настоящего времени. В новой ситуации эти государства, независимо от Запада, развивают и углубляют отношения с незападными великими

державами. Это снижает их доверие к международным институтам и усиливает их вызов либеральной капиталистической системе. Для средних держав в этом случае прерывается преемственность внешнеполитических приоритетов. Но одновременно ограниченный материальный потенциал этих государств требует стабилизации отношений с незападными великими державами. Это заставляет средние державы действовать более независимо, особенно в региональной политике. В результате этого западные институты начнут лишать их экономических выгод и гарантий безопасности.

ГЛАВА 2. РОССИЯ, ТУРЦИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

2.1. Российско-турецкие отношения как отношения великой и средней держав

Российско-турецкие отношения набрали большой импульс с 2000-х годов и начали развиваться во многих областях. В результате на первый план вышел вопрос об определении общего характера двусторонних отношений. Как на данный момент можно определить общий характер отношений двух стран? Другими словами, в каком контексте можно объяснить двусторонние отношения этих двух государств, которые находятся в разных категориях в международной системе: стратегическое партнерство, асимметричная зависимость или союзнические отношения? Прежде всего, рамки турецко-российских отношений формируются под влиянием событий в международной системе и на региональном уровне. На фоне внешнеполитических приоритетов обеих двух стран возникает многосторонняя структура, в которой сосуществуют различные факторы.

2.1.1. Россия в международной системе: великая держава

Является ли Российская Федерация великой державой в международной системе? Чтобы ответить на этот вопрос, обратим внимание на формирование великодержавности во внешней политике страны. В российской политической науке нет единства мнений относительно того, по каким параметрам следует причислять ту или иную страну к разряду великих держав, или ведущих мировых держав²⁰⁸. Как считает Т. Шаклеина, после США Россия является самой активной страной в формировании нового мирового порядка²⁰⁹. А по мнению А. Цыганкова, российская великодержавность подразумевает: сферу культурно-ценностного влияния в Евразии и Европе; политическую и экономическую самодостаточность; военные возможности, достаточные для победы над любой другой державой²¹⁰.

В данном исследовании используются три подхода к установлению статуса России как великой державы. В первом подходе критерием великодержавности являются материальные ресурсы, которыми обладает Россия. Во втором подходе это конструирование российской великодержавности как ядра национальной идентичности и концепции внешней политики. Третий подход подразумевает признание России великой державой в международной системе другими государствами.

²⁰⁸ Шаклеина Т.А. Указ соч. С. 24.

²⁰⁹ Шаклеина Т.А. Указ соч. С. 31.

²¹⁰ Tsygankov A.P. Op. cit.

Статус России как великой державы позволяет обсудить и осмыслить как материальные, так и идеологические источники великодержавности. Утверждение великодержавности России опирается на ее материальные и поведенческие возможности. Ее военная мощь и военные расходы, природные ресурсы, обширная территория, научно-технический потенциал и размеры экономики достаточны для того, чтобы принять ее статус великой державы в международной системе. По статистике Всемирного банка за 2019 г.²¹¹, Россия занимает 11 место по величине экономики в мире. В России 144,3 млн жителей, ВВП на душу населения составляет 11,260 тыс. долларов США. В армии России 1,45 млн военнослужащих. Россия является одной из ядерных держав и стала одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности Организации Объединенных Наций.

Однако есть и ряд структурных проблем, препятствующих укреплению статуса России как великой державы. Это стратегическая дилемма России, которая состоит в масштабном несоответствии трех факторов: размеров территории, количества населения и масштабов экономики²¹². Целостность и безопасность границ, рост населения и структурное укрепление экономики важны для укрепления великодержавного статуса России. Такие кризисы мировой экономики, как произошедший в 2008 г., оказывают негативное влияние на экономические ресурсы России. Это, в свою очередь, негативно сказывается на преемственности статуса великой державы России²¹³.

Концепция великодержавности как элемент внешней политики и национальной идентичности присущ России в течение всей истории ее существования. Эта роль России имеет исторические корни, традиции и культуру участия в мировой политике в качестве решающего и/или активного игрока — культуру думать глобально, хотеть и быть способной действовать глобально²¹⁴. Социально-перцептивный источник такого подхода к российской великодержавности восходит к реформам Петра Великого, воодушевленного западными ценностями. Сергей Караганов подчеркивает²¹⁵, что суверенитет и оборона — это русские национальные идеи, и Россия все больше и больше ощущает себя великой державой со времен Петра Великого, когда институционализация российской государственности в исторической преемственности началась в рамках европейской государственности в конце

²¹¹ GNI per capita, Atlas method (current US\$) // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD?locations=RU> (дата обращения: 12.10.2020).

²¹² Сафранчук И.А. Российская политика в Центральной Азии. Стратегический контекст // Записка Аналитического центра Обсерво. 2014. № 8. С. 6. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/d8b/d8be9a2679338e37315ca64bfdd064ad.pdf> (дата обращения: 12.02.2019).

²¹³ Цыганков П.А. Россия в формирующемся миропорядке: ресурсы и внешнеполитический статус // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009. № 3. С. 6-7.

²¹⁴ Шаклеина Т.А. Указ соч. С. 25.

²¹⁵ Караганов С.А. Чтобы выживать, Россия должна побеждать // Россия в глобальной политике. 20.11.2017. URL: <https://globalaffairs.ru/pubcol/My--natsiya-pobeditelei-v-to-vremya-kak-vas-vsekh-pobedili-V-Evrope-est-tolko-dve-takie-natsii-my-i> (дата обращения: 22.02.2020).

XVIII века. Российская империя была равной (европейской) великой державой «Европейского концерта» в XIX веке; многополярный международный порядок ограничивался Европой, где баланс великих держав мог сохраняться в течение нескольких десятилетий.

С другой стороны, в условиях биполярного миропорядка во время холодной войны СССР выступал в качестве одной из двух сверхдержав по военным, экономическим, политическим потенциалам и идеологическими показателям. В отличие от царской империи, Советский Союз построил антизападную/антикапиталистическую советскую идентичность. После окончания холодной войны Россия как новое государство претерпела процесс политической, экономической и социальной трансформации. В этот период, прошедший под супергегемонией США, статус великой державы России ослаб. С середины 1990-х годов была создана внешнеполитическая основа для восстановления этой роли. В российской внешней политике к концу 1990-х годов произошел перелом: отказ от атлантизма в пользу концепции многополярности, ориентированной на ближнее зарубежье.

Многополярность или полицентричность в международной системе стала одной из идейных составляющих элементов российской внешней политики с середины 1990-х годов. Построение российской внешней политики через продвижение идей многополярной мировой системы началось с назначением министром иностранных дел Евгения Примакова. Согласно его внешнеполитической концепции, известной как «доктрина Примакова», Россия должна отказаться от внешнеполитических подходов, которые уделяют приоритетное внимание развитию отношений с западными странами. Вместо этого выдвигалась концепция международной системы, в которой Россия будет играть центральную роль, предопределяя многополярный мировой порядок. Как внешнеполитический приоритет Россия определила ближайшее зарубежье, называемое постсоветским пространством. Таким образом, можно сказать, что статус великодержавности России начал восстанавливаться на постсоветском пространстве с доктрины Примакова. В то же время в конце 1998 г., уже в качестве премьер-министра, Е. Примаков в ходе визита в Дели выдвинул план развития трехстороннего сотрудничества России, Китая и Индии (РИК) как практический механизм продвижения глобальной многополярности²¹⁶. На доктринальном уровне восстановление Российской Федерацией статуса великой державы стало описываться в таких стратегических документах, как Концепция внешней политики 2000 г. (использовалось для описания статуса Российской Федерации как «крупнейшей евразийской державы» вместо «великой державы» в Концепции 2008 г.) и Стратегия национальной безопасности в редакциях за 2009 и 2015 гг.

²¹⁶ Кортунов А.В. Указ соч.

В 2000-е годы внешнеполитический подход президента Российской Федерации Владимира Путина в разной степени продолжал концепцию Е. Примакова. Укрепление места России как суверенной великой державы в многополярном мире было целью внешней политики В. Путина с момента его прихода к власти в 2000 г. Тем не менее международный терроризм и другие расширяющиеся глобальные проблемы, требующие сотрудничества с Западом, сделали внешнеполитический подход Путина более прагматичным, чем у Примакова. Поэтому «Прагматичность внешней политики России — ее способность развивать отношения со всеми вне зависимости от характера их внутренних режимов — должна сохраниться. Она дает большие преимущества и снижает затратность»²¹⁷. По словам президента Путина, Россия была и будет великой державой. Этот статус обусловлен присущими России качествами геополитической, экономической и культурной сущности. Данные качества определяли отношение русского народа и государственную политику на протяжении всей истории России²¹⁸.

Внешняя политика России в настоящее время строится на принципах многополярности, прагматизма, экономической эффективности и приоритета национальных интересов. Внешняя политика при Е. Примакове была достаточно четко ориентирована на построение антиамериканской международной оси в стиле *Realpolitik* и приветствовалась значительной частью российской элиты, концептуально воплощаясь в идее многополярности, а на практическом уровне вела к попыткам создания противовесов доминированию США в виде различных осей: Россия — Китай — Индия — Западная Европа — Япония и т. д.²¹⁹ Она была нацелена на восстановление обороноспособности, создание высокоэффективных вооруженных сил и новейших стратегических систем.

Помимо наличия ощутимых материальных ресурсов и формирования великодержавности в качестве внешнеполитической самоидентичности, для определения статуса великой державы России также важно внешнее признание. Этот подход можно рассматривать с двух точек зрения: участие в международных организациях и способность создания интеграционных механизмов и объединений.

Во-первых, Россия является влиятельным государством в международных и региональных институтах, поддерживающих статус великой державы в международной системе благодаря постоянному членству в Совете Безопасности ООН, участию в

²¹⁷ Караганов С.А., Сулов Д.В. Указ соч.

²¹⁸ Путин В. В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 30.12.1999. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html (дата обращения: 12.10.2020).

²¹⁹ Russian Foreign Policy in Transition: Concepts and Realities. Ed. by Melville A., Shakleina T. Budapest; New York: Central European University Press. 2005. P. x.

региональных и глобальных незападных альянсах, таких как ШОС, ЕАЭС и БРИКС, а также влиянию на региональные и глобальные события.

В соответствии с изменением внешнеполитического направления с Запада на ближнее зарубежье с 2000-х годов постсоветское пространство стало приоритетом российской внешней политики. С одной стороны, российское руководство сотрудничало с США в борьбе с международным терроризмом в начале нового десятилетия, а с другой — обеспечивало внутреннюю безопасность. В относительно стабильный период, до 2008 г., в России шел процесс восстановления в экономике и во внутренней и внешней политике. Глобальный кризис 2008 г. негативно повлиял на экономическую мощь России, но военное вмешательство в Грузии в августе того же года позволило укрепить статус великой державы и бросить вызов однополярной системе. После Мюнхенской речи В. Путина в 2008 г. российская критика политики США/НАТО усилилась, а напряженность между Россией и Западом возросла. Российское государство поддерживает создание многосторонних организаций как элементов укрепления роли великой державы в международной системе. Она также активно участвует в западных и незападных международных формированиях. Такие международные организации, как G20, ШОС, БРИКС, считаются потенциальными платформами для развития идеи многополярной мировой системы. По мнению П. Дуткевича и Д. Тренина, «Россия стремится к множественному и частично перекрывающемуся членству: в “домашних” постимперских клубах, где она, естественно, доминирует (например, СНГ); эксклюзивных западных/глобальных клубах (таких как G-8 и G-20); эксклюзивных незападных глобальных клубах (таких как БРИКС, объединяющая развивающиеся экономики Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР) и незападных региональных клубах (таких как Шанхайская организация сотрудничества, где Россия де-факто является сопредседателем наряду с Китаем)»²²⁰.

Во-вторых, российская стратегия в отношении Запада «декларирует идеи суверенности России и равенства с другими великими державами»²²¹. На региональном уровне если она претендует на роль одного из «полюсов», необходимо превратиться в интеграционный центр²²². Россия реализует интеграционные проекты на постсоветском пространстве, особенно за пределами Восточной Европы, такие как Содружество Независимых Государств (СНГ) — в политической сфере, Евразийский экономический союз (ЕАЭС) — в экономической сфере, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) — в

²²⁰ Russia-The Challenges of Transformation. Ed. by Dutkiewicz P., Trenin D. New York, London: New York University Press, 2011. P. 416.

²²¹ Бусыгина И., Филиппов М. Нелюбимая держава // Ведомости. 18.08.2010. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2010/08/18/cena_derzhavnosti (дата обращения: 15.11.2021).

²²² Лукьянов Ф.А. Многополярный вектор // Российская газета. 11.06.2009. URL: <https://www.gazeta.ru/column/lukyanov/3209398.shtml> (дата обращения: 22.02.2020).

сфере безопасности, Организация Договора о безопасности (ОДКБ) — в военной сфере. Эти интеграционные шаги способны стать проектами, влияющими на глобализацию и регионализацию Евразии. В то же время это сближает Россию и Китай в реализации региональных проектов и, кроме того, создает зоны неофициального вызова обеих стран гегемонии США в международной системе.

Украинский кризис 2014 г. и признание Россией итогов крымского референдума стали поворотным моментом в российско-западных отношениях. Запад ввел экономические санкции против России, она была исключена из G7, изолирована от западного мира. На фоне этих событий Россия провела военную операцию в Сирии в 2015 г. и углубила отношения с незападными странами, в частности с Китаем. Нынешний уклон российской внешней политики в сторону Азии и ухудшение отношений с Западом не следует трактовать как отход от западно-ориентированного (евроцентричного) внешнеполитического мышления.

К 2010-м годам гегемония США постепенно ослабла, Brexit поставил под угрозу европейское единство, избрание Д. Трампа президентом США поощряло националистические идеи — все это говорило об изменениях современной международной системы. Кроме того, Китай экономически поднялся, а другие средние и великие державы преуспели влиять на международную политику. Такая международная обстановка напоминала многополярную ситуацию, что позволяло России играть роль великой державы. По мнению А. Цыганкова, оставаясь великой державой, Россия должна использовать свои глобальные преимущества, такие как опыт в энергетике и военном деле, членство в международных организациях. Такое глобальное участие необходимо для получения доходов и защиты суверенитета и статуса России²²³.

Пятидневная война в 2008 г., присоединение Крыма к России в 2014 г. и военная операция в Сирии в 2015 г. — все эти геополитические достижения России произошли вопреки американской гегемонии. Благодаря таким достижениям Россия укрепила свои позиции на международном и региональном уровне. После украинского кризиса в 2014 г. Москва вырвалась из замкнутого круга постсоветских дел и заявила о себе как об одном из ключевых глобальных игроков, расширила собственные возможности²²⁴. Эти внешнеполитические достижения в отношениях с Западом и необходимость развивать экономическую мощь наряду с западными санкциями и смещением глобального баланса сил в сторону Азии вновь пробудили нереализованную внешнеполитическую цель доктрины Примакова: треугольник «Россия — Индия — Китай».

²²³ Tsygankov A. Russia's Power and Alliances in the 21st Century // Politics. 2010. P. 44.

²²⁴ Лукьянов Ф.А. Внешняя политика России в 2018 году: проблем больше, чем успехов // Профиль. 26.12.2018. URL: <https://profile.ru/politics/vneshnyaya-politika-rossii-v-2018-godu-problem-bolshe-chem-uspexov-61587/> (дата обращения: 11.03.2020).

Д. Тренин отмечает, что «Москва сохранила амбиции великой державы и стремится проводить полностью самостоятельную внешнюю политику, несмотря на сравнительно небольшой экономический вес и технологическое отставание»²²⁵. Она использует разрыв власти, который сегодня возникает в мировой системе, чтобы укрепить свой статус великой державы. В 2012 г. избрание Владимира Путина ознаменовало начало значительного расширения глобального охвата России. Чтобы обеспечить это, Москва опиралась на широкий спектр дипломатических, разведывательных, военных, а также экономических инструментов, включая торговлю, энергетику, финансы, информационные технологии — с целью оказывать влияние на принимающих решения политических лидеров, на политические системы и общественные настроения на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, Латинской Америке и в Африке. Военная поддержка России сирийскому правительству в сентябре 2015 г. и успехи военных действий мотивировали более активный и настойчивый подход России к Ближнему Востоку.

После украинского кризиса в 2014 г. у России возникли проблемы с интеграцией страны в существующую мировую экономику. Санкции негативно влияют на российскую экономику, поэтому правительство пытается укрепить экономические, политические и военные связи с Китаем. Несмотря на то, что перед Россией стояли стратегические дилеммы в экономике, демографии, безопасности, ей удалось восстановить свой статус великой державы. «Перестав быть мировой империей, Россия осталась континентальной великой державой. Различие тонкое, но решающее. Ее вооруженные силы остаются в нескольких иностранных форпостах, от Приднестровья до Таджикистана, но их масштаб, миссия и возможности не могут сравниться с прежними советскими развертываниями»²²⁶.

Будущее покажет результаты сегодняшних усилий Москвы, направленных на становление России как одного из центров силы в мировой политике. Россия будет укреплять свою геополитическую значимость в статусе великой державы.

2.1.2. Турция в международной системе: средняя держава

С начала 2000-х годов положение Турции в международной и региональной системах стало приобретать все большее значение. В результате внутривосточной стабильности за последние 20 лет в Турции неуклонно продолжался экономический рост. В то же время страна стала проводить активную внешнюю политику на международном и региональном уровнях. Она улучшила свои отношения с арабскими государствами и с другими странами

²²⁵ Trenin D. Strategic Stability. Op. cit.

²²⁶ Dutkiewicz P., Trenin D. Op. cit. P. 410-411.

исламского мира. Таким образом, необходимо было изменить отношения с историческим геополитическим конкурентом — Ираном²²⁷. Все это укрепило в политической среде и средствах информации репутацию Турции как «растущей державы». Таким образом, она занимает весьма высокие позиции на международной арене²²⁸.

В этом исследовании применяются три подхода к определению статуса средней державы: иерархический, поведенческий и идентификационный.

Согласно иерархическому подходу к определению статуса государства, Турция входит в список средних держав. В мировом экономическом рейтинге Турция, по данным на 2019 г., занимала 19-е место по уровню ВВП. Кроме того, по состоянию на 2019 г. население страны составляло примерно 83,4 млн человек. По данным на 2018 г., Турция занимала 14-е место в мире по численности армии. Кроме того, в настоящее время она входит в число 30 стран — членов НАТО. Благодаря своему географическому положению она соединяет Европу и Азию, что рассматривается Турцией как преимущество среди компонентов ее внешней политики со времен холодной войны до настоящего времени. Все это позволяет охарактеризовать Турцию как среднюю державу²²⁹.

Когда речь идет о том, является ли Турция средней державой в соответствии с поведенческим подходом, возникает более сложное определение, чем при иерархическом подходе. Согласно поведенческому подходу, можно сказать, что Турция периодически попадает в категорию средних держав в силу своей внешнеполитической активности. Начиная с 2010-х годов растущая экономика и активная внешняя политика, участие в международных и региональных организациях определили позицию Турции как растущей державы в международной системе. За эти годы она стала одной из растущих экономик в мире²³⁰. Это, в свою очередь, поощряло роль Турции в качестве средней державы через институты глобального управления. Например, она является одним из членов «Большой двадцатки» (G-20) с 1999 г. В 2009—2010 гг. Турция была непостоянным членом Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Более того, с 2013 г. она участвует в неофициальной консультативной и координационной платформе под названием МІКТА, включающей Мексику, Индонезию, Южную Корею и Австралию. В 2011 г. американская холдинговая компания Fidelity Investments выбрала Мексику, Индонезию, Нигерию и Турцию в качестве группы стран с ожидаемым в течение следующего десятилетия сильным

²²⁷ Надеин-Раевский В.А. Идеиная борьба и «новая Турция» // Вестник МГИМО-Университета. 2016. Т. 2. № 47. С. 28.

²²⁸ Аватков В.А., Дружиловский С.Б. Указ. соч. С. 12.

²²⁹ Sarı B., Şahin M. Turkey in Syrian Crises: The Limits of a Middle Power Foreign Policy // Ortadoğu Etüdları. July 2016. Vol. 8. № 1 P. 13-17.

²³⁰ Yükselen Güç Türkiye! // Habertürk. 20.12.2012. URL: <https://www.haberturk.com/ekonomi/para/haber/804997-yukselen-guc-turkiye> (дата обращения: 11.11.2021).

ростом, что должно обеспечить инвесторам высокую доходность. Наконец, Турция входит в число 11 стран (Турция, Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Мексика, Нигерия, Пакистан, Филиппины, Южная Корея, Вьетнам), которые, по версии инвестиционного банка Goldman Sachs, готовы стать крупнейшими после стран БРИКС экономиками в XXI веке²³¹.

Турция получила статус государства-наблюдателя от Африканского союза, Ассоциации карибских государств (АКГ)²³² и Лиги Арабских государств²³³. Кроме того, Турция активно участвует в решении региональных и глобальных проблем. После военного вмешательства России в Грузию в 2008 г. Турция возглавила создание Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе. В том же 2008 г. Турция принимала участие в мирных переговорах между Израилем и Сирией в Стамбуле. А в 2009 г. были проведены трехсторонние консультативные встречи между Турцией, Сербией и государством Босния и Герцеговина с целью содействия стабильности на Балканах. В 2010 г. было подписано соглашение между Ираном, Турцией и Бразилией, по которому Иран согласился обогащать свой уран за рубежом. Наконец, со времен Корейской войны 1950 г. Турция принимает военное участие в различных миссиях на уровне НАТО и Организации Объединенных Наций²³⁴. Это свидетельствует об активном участии Турции в поддержании мира во всем мире, в том числе в военном плане, через эти международные институты.

В отличие от иерархического, идентификационный подход из-за некоторых препятствий не позволяет рассматривать статус Турции как средней державы. Стоит отметить, что понятие средней державы не является одним из главных факторов, составляющих турецкую внешнюю политику, то есть такой внешнеполитической идентичности не встречается во внешнеполитических документах Турецкой Республики²³⁵. Таким образом, определение Турции как средней державы по этому подходу основано на интерпретации. Начиная с 2000-х годов можно говорить о поддержке Турцией процесса трансформации мировой системы, о ее готовности к гуманитарной дипломатии и к роли страны-донора. И хотя Турция играет определенную роль в региональных и глобальных вопросах, но в турецкой внешней политике отсутствует конструирование идентичности средней державы. Отметим, что с 2000-х годов новая административная элита Турции была ориентирована в большей степени на внешнеполитическую активность, а не на построение самоидентичности средней державы во внешнеполитических доктринах. Более того,

²³¹ Güney T. Türkiye ve BRICS Ülkelerinde Ekonomik Özgürlüğün Ekonomik Büyüme Üzerine Etkisi // International Review of Economics and Management. 2017. Vol. 5. № 2. P. 31.

²³² Afrika Birliği // T.C. Dış İşleri Bakanlığı. URL: <https://www.mfa.gov.tr/afrika-birligi.tr.mfa> (01.11.2021).

²³³ Arap Devletleri Ligi // T.C. Dış İşleri Bakanlığı. URL: <https://www.mfa.gov.tr/arap-ligi.tr.mfa> (01.11.2021).

²³⁴ Contribution of the TAF to Peace Support Operations. Republic of Turkey Ministry of National Defence. URL: <https://www.tsk.tr/Sayfalar?viewName=ContributionToTafToPeace> (дата обращения: 05.11.2021).

²³⁵ Temel Belgeler // T.C. Dış İşleri Bakanlığı. URL: <https://www.mfa.gov.tr/temelbelgeler.tr.mfa> (12.11.2021).

политическая стабильность и активная внешняя политика стали пропагандистскими элементами во многих областях внутренней политики, помимо построения идентичности средней державы. Хотя, как видно из приведенных выше примеров, Турция активно участвовала в решении глобальных проблем, демонстрируя особенности дипломатии средних держав, к середине 2010-х годов в преемственности этой внешней политики стали возникать проблемы.

Параллельно с ослаблением американской супергегемонии в международной системе с 2010-х годов во внешней политике Турции наблюдаются некоторые изменения. Внешнеполитические приоритеты, традиционно основанные на союзнических отношениях с западными странами, начали меняться. Турция шаг за шагом отошла от своей политики вступления в Европейский союз (она подала заявку на членство в Европейском экономическом сообществе в 1959 г.)²³⁶. Это изменение можно назвать «евразийской ориентацией»²³⁷ в турецкой внешней политике. В то же время интересы Турции в урегулировании региональных проблем, таких как сирийский кризис, разошлись с интересами западных государств, что усугубило проблемы в отношениях Турции с западными союзниками. В условиях постоянного снижения приоритета западного блока в своей внешней политике Турция стала прилагать больше усилий для установления отношений с растущими незападными державами²³⁸. Можно ли в этой связи говорить о сохранении Турцией статуса средней державы с точки зрения поведенческого подхода, если легитимность этого статуса зависит от устойчивости политики такого рода государства? Рассматривая вопрос о соответствии международной системы и ее институтов в последние годы, мы видим, что Турция испытывает трудности в обеспечении преемственности этого статуса из-за меняющихся внешнеполитических приоритетов. Иными словами, если мировая система отойдет от однополярного порядка, ослабляя роль гегемонии США и их институтов, и установится новый порядок в системе на многополярной основе, то какова будет роль традиционно считающихся средними держав, таких как Канада и Австралия? Или смогут ли средние державы, возникшие после окончания холодной войны, оказаться в одной группе при новом мировом порядке? Влияние деструктуризации мирового порядка на статусность средних держав создает последним много проблем. Несомненно, ситуация с последним стресс-тестом — пандемией COVID-19, также определит роль Турции в международной

²³⁶ İnaç H. Türkiye-AB İlişkilerinde Entegrasyonu Zora Sokan Saiklar // Süleyman Demirel Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2016. Vol. 3. № 25. P. 230.

²³⁷ Erşen E. Türk Dış Politikasında Avrasya Yönelimi ve Şangay İşbirliği Örgütü // Ortadoğu Analiz. Nisan 2013. Vol. 5. № 52. P. 15.

²³⁸ Oğuzlu H. T. Turkish Foreign Policy in a Changing World Order // All Azimuth: A Journal of Foreign Policy and Peace. 2019. Vol. 9. № 1. P. 129.

системе как средней державы. Но поскольку непонятно, какую роль могут играть средние державы в таком системном кризисе, сохранится ли их нынешняя роль?

С 2000-х до середины 2010-х годов Турция укрепляла свою роль в международной системе как растущая держава. Она разработала внешнеполитическую стратегию, совместимую с международным порядком и его институтами. Она активно участвует в решении глобальных проблем, особенно в роли посредника. В последние годы изменение внешнеполитических приоритетов Турции, несомненно, требует переоценки ее классификации как средней державы в международной системе.

Понятно, что мировой порядок после COVID-19 уже не будет таким, как до пандемии. Если произойдет перераспределение власти в международной системе, то средние державы будут определяться иерархическим и идентичным, а не поведенческим подходами. Это сделает их ревизионистами, требующими большей роли в международной и региональной системе, но не такой, как при поведенческом подходе. И наоборот, если новый порядок не будет установлен и институты нынешнего порядка вновь укрепятся, средние державы сохраняют влияние на институты либерально-капиталистической мировой системы. Но если институты существующей системы не будут достаточно сильными, то Турцию снова можно будет назвать средней державой, и эта ситуация будет далека от дипломатических императива быть средней державой с точки зрения поведенческого подхода.

С другой стороны, если международная система эволюционирует в многополярный мир, место средних держав, несомненно, будет поставлено под сомнение в иерархии власти. Области маневрирования внешней политики средних держав в такой системе будут ограничены. Есть вероятность, что возникнет баланс сил, который можно назвать «гармонией великодержавности». Это будет результатом перераспределения власти в системе.

В любом случае пандемический процесс испытывает запас прочности государств, эффективность международных институтов и долговечность существующей системы. Технологии и дипломатия, используемые государствами при производстве и поставках вакцин, открывают новые измерения во внешней политике. Это делает необходимым обновление традиционных представлений и определений в теории международных отношений. В процессе трансформации международного порядка положение Турции в системе также может смениться. Это касается любой из средних держав, статус которых пройдет проверку на прочность, если система продолжит эволюционировать в сторону многополярности. В то же время эта неопределенность в системе позволяет средним державам самостоятельно укреплять свои позиции на региональных и глобальных уровнях,

развивать отношения с другими странами, с великими державами для осуществления более эффективной политики. Это касается и Турции.

В данной ситуации в мировой политике возникает вопрос определения общего характера российско-турецких отношений в контексте отношений великих держав со средними державами. Учитывая статус двух стран как великой и средней державы в международной системе, с теоретической точки зрения возникает два уровня анализа отношений России и Турции: *балансирование* и *bandwagoning*. Как пишет С. Уолт, балансирование определяется как объединение с другими против доминирующей угрозы. *Bandwagoning* относится к выравниванию с источником опасности. То есть эта стратегия является сближением с мощным государством, чтобы избежать возможной угрозы безопасности со его стороны²³⁹. Когда рассматриваются отношения между двумя странами, можно утверждать, что это периодически применимо к обоим подходам одновременно. Причины этого могут заключаться в следующем: до 2000-х годов восприятие угрозы было важным элементом в отношениях двух стран. Турция, будучи средней державой, использовала наличие угрозы со стороны Советского Союза в политике балансирования с западными странами. Однако, принимая во внимание развитие отношений между двумя странами, на современном этапе Турция частично отказалась от политики балансирования между Россией и западными странами. Конечно, российско-турецкие отношения, которые развиваются между государствами с разными статусами, также имеют ряд асимметричных последствий²⁴⁰. Однако стоит отметить, что такое положение дел возникает именно от асимметричности материальной силы двух стран в международной системе²⁴¹. Это, в свою очередь, создает «пластичность и хрупкость»²⁴² в зависимости от существующей сети многосторонних отношений между Россией и Турцией.

2.1.3. Основные параметры развития российско-турецких отношений

Отношения между странами со статусами великой, средней или малой державы в международной системе обычно определяются системным влиянием. Иными словами, «полярность» мировой системы выступает одним из главных факторов, определяющих отношения великих держав со средними и малыми державами. Например, в биполярном миропорядке, как в период холодной войны, отношения великих держав со средними

²³⁹ Walt C. The Origins of Alliances. P. 17.

²⁴⁰ Aras B. Turkey and Russia: Asymmetrical Partnership? // LobeLog. 10.09.2020. URL: <https://lobelog.com/turkey-and-russia-an-asymmetrical-partnership/> (дата обращения: 12.11.2021).

²⁴¹ Balta E. From Geopolitical Competition to Strategic Partnership: Turkey and Russia after The Cold War // Uluslararası İlişkiler. Vol. 16. № 63. 2019. P. 73.

²⁴² Сучков М. Хрупкие или пластичные. Почему Россия и Турция так легко ссорятся и мирятся // Московский Центр Карнеги. 16.03.2020. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81291> (дата обращения: 30.04.2020).

державами формировались в целом в соответствии с политикой двух сверхдержав. Как и в Европе в XIX веке, если существует многополярная система государств, это создает баланс сил между великими державами. В этом балансе более слабые государства вступают в союзы с великими державами, в зависимости от того, каковы их национальные интересы, или проводят политику балансирования между великими державами. Поэтому внешняя политика находится под детерминантой структурных характеристик системы. Это, в свою очередь, определяет международное поведение государств со статусом великой, средней или малой державы.

В однополярной международной системе двусторонние отношения великих держав со средними державами развиваются более устойчиво. Ослабление однополярной либерально-капиталистической мировой системы и ее институтов привело к переходному состоянию системы. Несмотря на хаотичность этого периода, в нем сразу проявились возможности многополярного мира, которые наблюдаются, в частности, во взаимных последствиях ослабления американской гегемонии и усиления в международной иерархии власти таких глобальных и региональных игроков, как Китай, Россия, Индия, Бразилия, Турция.

Кроме того, нынешний процесс также выявил области для структурного исследования системы, определяющей отношения между государствами. Иными словами, по мере того как мир вступает в новую эпоху, новые центры силы ищут новые многосторонние механизмы. Этот поиск открывает альтернативные подходы к отношениям между великими и средними державами. Данные альтернативы поддерживают глобальные амбиции великих держав, в то время как для средних и малых держав это создает общие интересы как на региональном, так и на глобальном уровнях. Например, некоторые страны практически начали пользоваться своими национальными валютами в международной торговле. В то же время государства стали действовать более независимо, для правящих элит начал формироваться неофициальный механизм политической солидарности, который разрушает экономическую глобализацию.

Точно так же после окончания холодной войны, когда возникла однополярная американская супергегемония, общая тенденция для остальных стран в международной системе заключалась в проведении внешнеполитических и внутривнутриполитических реформ в соответствии с западными правилами и нормам, поскольку более развитые государства стремились защитить свои национальные интересы с помощью этого порядка. Незападные великие и средние державы, такие как Россия, Китай, Индия, Бразилия, Япония, Турция и др., также пытались интегрироваться в либерально-капиталистическую систему. Например, внешняя политика России в 1991—1993 гг. проводилась именно в этом направлении, в то же время внешняя политика Турции со времен холодной войны определялась

институционализацией отношений с западными государствами и членством в западных организациях. Но по историческим, экономическим и политическим причинам эти предпочтения правящей элиты обеих стран не всегда оказывались правильным выбором. Со второй половины 1990-х годов Россия в своей внешней политике отказалась от приоритетов интеграции в западные институты; в турецкой политике этот процесс начался к середине 2010-х годов.

Турция и Россия являются двумя близкими в географическом понимании странами, которые в исторической перспективе играли большую роль в международных отношениях. История двусторонних отношений этих стран восходит к XV веку. В имперский период главным определяющим элементом отношений между ними была торговля и территориально-захватнические войны. В России и в Турции протекали практически параллельные процессы — вестернизация, модернизация, многопартийная форма правления. С окончанием Первой мировой войны обе империи, Османская и Российская, перестали существовать. В 1920-е и 1930-е годы отношения между двумя странами нормализовались, а в эпоху холодной войны ориентация Турции на Западный блок создала огромный разрыв в исторической преемственности турецко-российских отношений. В этот период взаимоотношения СССР и Турции находились в основном «на уровне поддержания сложившегося статус-кво»²⁴³. «Опасность коммунизма» со стороны Советского Союза формировала турецкую внутреннюю политику в контексте безопасности. Это обеспечивало преемственность внешнеполитической линии Турции после победы в 1920-х годах «Кемалистской революции» и установления буржуазной республики, а именно — ориентацию на западный мир.

В 2000-е годы в России и Турции параллельно шли аналогичные политические процессы. Экономическая и внутривластная стабильность двух стран возросла одновременно с усилением их роли на региональном и глобальном уровне. В результате интересы России и Турции в регионе столкнулись.

На современном этапе двусторонние отношения между Россией и Турцией получили новый импульс развития, возникла возможность исследовать их в различных областях и с разных точек зрения. В соответствующих разделах работы подробно описана роль России и Турции в международной системе как великой и средней держав. В то время как Россия в целом считает восстановление своей великодержавной роли через установление идентичности приоритетом внешней политики, Турция проводит политику, направленную на

²⁴³ Аватков В.А., Дружиловский С.Б. Россия и Турция в новом тысячелетии // Российско-турецкие отношения: 2002-2012 годы. Под ред. Аваткова В.А., Дружиловского С.Б., Федорченко А.В. Москва: МГИМО Университет. 2013. С. 11.

увеличение своей мощи как региональной державы, без формирования какой-либо внешнеполитической идентичности. Таким образом, двусторонняя дипломатия исторически и географически близких друг другу стран, России и Турции, требует новых подходов в контексте современной системной трансформации мирового порядка. В связи с этим возникает вопрос: какова фундаментальная динамика, формирующая отношения великих и средних держав?

Турецко-российские отношения начали подвергаться исследованию в контексте глобального распределения власти как фактора, объясняющего тенденции соперничества и сотрудничества²⁴⁴. С 2000-х годов отношения между двумя странами стали приобретать «многоплановый партнерский характер»²⁴⁵. Таким образом, для оценки российско-турецких двусторонних отношений можно выбрать два уровня анализа. Первый — это глобальный уровень. Прежде всего, общее недовольство России и Турции западной политикой — одна из главных причин их «неохотного»²⁴⁶ геополитического сотрудничества. А представления о миропорядке в контексте неравномерности распределения материальных ресурсов у Турции и России совпадают. Россия претендует на то, чтобы стать одним из центров мировой политики как великая держава с концепцией многополярности. С 2010-х годов прозападное направление внешней политики Турции начало трансформироваться в евразийское направление. На глобальном уровне Турция претендует на большую роль, чем до трансформации либерально-капиталистической системы под американской гегемонией. Таким образом, интересы России и Турции на глобальном уровне пересекаются.

Второй уровень анализа — региональный. На этом уровне Турция и Россия имеют разные интересы и осуществляют разную. Соперничество России и Турции за политическое влияние в регионе имеет исторические корни. В борьбе за региональное влияние отношения двух стран обычно сохраняют баланс партнерства и конкуренции. Нарушение этого баланса время от времени приводит к региональным кризисам, таким как Пятидневная война в 2008 г., присоединение Крыма к России в 2014 г. и сбитый Турцией российский военный самолет в 2015 г. Характер сотрудничества и соперничества в отношениях России и Турции на региональном уровне не позволяет достичь стратегического партнерства в долгосрочной перспективе. Можно утверждать, что этот характер не изменится по крайней мере до тех пор, пока не произойдут фундаментальные изменения о прозападной линии во внешней политике Турции²⁴⁷.

²⁴⁴ Balta E. Op. cit. P. 71.

²⁴⁵ Çelikpala M. 1990'lardan Günümüze Türk-Rus İlişkileri // Avrasya Dosyası. 2007. Vol. 13. № 1. P. 281.

²⁴⁶ Balta E. Op. cit. P. 69.

²⁴⁷ Çelikpala M. Op. cit.

Регионами столкновения российских и турецких интересов являются Ближний Восток, Южный Кавказ, Центральная Азия и даже Балканы. Конфликт этих интересов неизбежен при усилении глобальных и региональных амбиций двух стран, поскольку с исторической точки зрения эти регионы расположены в пределах силовой периферии обеих стран. Собственно говоря, институционализацию двусторонних отношений можно оценивать через преимущество методов разрешения кризисов. До сих пор обе страны проводят политику создания новых механизмов урегулирования региональных задач, несмотря на соперничество своих интересов. Примером могут служить мирные переговоры в Астане в январе 2017 г., которые были организованы Россией, Турцией и Ираном для урегулирования сирийского кризиса и являются наиболее успешной из подобных платформ.

В этом контексте с какой точки зрения следует оценивать отношения между Турцией и Россией как между средней и великой державами?

Новые формы взаимоотношений великих и средних держав снижают эффективность международных институтов и механизмов либерально-капиталистической системы, потому что страны могут решать региональные проблемы через общие механизмы, самостоятельно и вне зависимости от западных стран; их интересы пересекаются на глобальном уровне. Важным примером этого выступают турецко-российские отношения.

Традиционная внешняя политика Турции как средней державы меняется. В качестве альтернативы развиваются двусторонние отношения с такими странами, как Россия и Китай. Ее можно назвать эпохой «ориентации на Евразию» во внешней политике Турции. Однако время покажет, будет ли это временное или радикальное изменение во внешней политике Турции. Другими словами, заставляют ли нынешние проблемы Турцию искать альтернативы или Турция уже изменила свои приоритеты во внешней политике? Экономическая зависимость Турции от Европейского союза и России время от времени создает ей трудности в проведении самостоятельного и независимого внешнеполитического курса. Для России Турция является западным союзником. Стоит отметить, что Россия может ослабить западный альянс через развитие отношений с Турцией. Примером такого ослабления служит военно-техническое партнерство Турции и России²⁴⁸.

Центральная Азия имеет высокий потенциал и для соперничества, и для сотрудничества России и Турции. Так, в 2009 г. Турция создала Тюркский совет — впервые с региональными государствами (Турция, Казахстан, Кыргызстан, Азербайджан, Узбекистан). Можно сказать, что Россия, важнейшая внешняя держава для региона, на данный момент

²⁴⁸ Kasapoğlu C. Türk-Rus Savunma İş Birliği: Siyasi-Askeri Kapsam, Beklentiler ve Limitler // EDAM. 13.05.2019. URL: <https://edam.org.tr/turk-rus-savunma-isbirligi-siyasi-askeri-kapsam-beklentiler-ve-limitler/> (дата обращения: 05.11.2021).

выступает конкурентом Турции в военно-технической, экономической, культурно-образовательной сферах.

Таким образом, центральноазиатский регион является важной площадкой сотрудничества и соперничества России и Турции, а также примером двусторонних отношений великой и средней держав на фоне трансформации мировой системы. Можно также сказать, что коррозия либерально-капиталистической системы фактически делает международные отношения в Центральной Азии многополярными, раскрывает реалии и возможности региональной политики, как видно на примере отношений России и Турции.

Переход к новому периоду в российско-турецких отношениях в 1990-е годы. В течение холодной войны российско-турецкие отношения формировались в основном в контексте безопасности. После распада Советского Союза Турция и Россия перестали быть государствами-соседями с сухопутной границей между ними, и в отношениях между ними произошел «серьезный, хотя, возможно, и не кардинальный, перелом»²⁴⁹. В то же время появились новые возможности в новых областях для развития двусторонних отношений. На протяжении 1990-х годов обе страны были озабочены проблемами экономической и внутренней безопасности, вызванными усилением сепаратизма и необходимостью борьбы с ним. На региональном и глобальном уровнях Россия и Турция были участниками геополитической трансформации в регионах, находящихся на их периферии. Нестабильность на Балканах, в Закавказье и в ближневосточном регионе определяла внешнеполитические приоритеты России и Турции в течение 1990-х годов. Одновременно стали активнее развиваться российско-турецкие отношения. Даже на постсоветском пространстве появились конкурентные зоны между Россией и Турцией, но при этом открылись и новые возможности для сотрудничества по разным направлениям.

Базовым документом современных российско-турецких отношений является Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики 1992 г.²⁵⁰ Первые шаги по развитию отношений на институциональной основе стали предприниматься в первой половине 1990-х годов. С этой целью в период с 1992 по 1996 г. между Россией и Турцией было подписано 15 соглашений и протоколов по научно-техническому, образовательному, культурному и экономическому сотрудничеству²⁵¹. Более того, в 1992 г. при активном участии России и Турции была создана Организация черноморского

²⁴⁹ Орлов А.А. Российско-турецкие отношения: трудное движение вперед // Российско-турецкие отношения: 2002-2012 годы. Под ред. Аваткова В.А., Дружиловского С.Б., Федорченко А.В. Москва: МГИМО Университет. 2013. С. 8.

²⁵⁰ Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901926138> (дата обращения: 12.05.2021).

²⁵¹ Aktürk Ş. Turkish—Russian Relations after the Cold War (1992—2002) // Turkish Studies. 2000. Vol. 7. № 3. P. 340.

экономического сотрудничества (ЧЭС), объединившая 12 государств Причерноморья и Южных Балкан. ЧЭС стала еще одной платформой многостороннего сотрудничества России и Турции.

В указанный период экономические отношения России и Турции стремительно развивались, однако это было не только двустороннее сотрудничество, как, например, взаимные инвестиции, торговля, энергетические проекты, но и соперничество в регионе — в частности, за транзитное лидерство. Стремление Турции стать главным маршрутом транспортировки энергоресурсов из Центральной Азии и прикаспийского региона в Европу, создание с поддержкой западных стран энергетической инфраструктуры в обход России противоречили интересам России в регионе.

В 1990-е годы как Россия, так и Турция столкнулись с серьезными внутренними экономическими проблемами. В России задачи перехода от экономической системы Советского Союза к новой системе не были решены до конца 2000-х годов. Турция, в свою очередь, столкнулась с проблемой либерализации экономической системы, что также ограничивало ее активность на региональном уровне. Вместе с тем именно в этот период энергетическое измерение стало приобретать все больший вес в двусторонних отношениях России и Турции. Причиной этому послужило завершение строительства Трансбалканского газопровода в 1987 г. Подписание в 1997 г. соглашения о строительстве газопровода «Голубой поток» по дну Черного моря для прямых поставок российского газа в Турцию, минуя третьи страны, еще более углубило энергетический контекст двусторонних отношений. В результате Россия стала доминирующим поставщиком энергоресурсов в Турцию; Турция же становилась важнейшим альтернативным маршрутом транспортировки энергоресурсов в Европу. Однако политика Турции по диверсификации маршрутов поставок энергоресурсов — из Каспийского бассейна через Южно-Кавказский регион в Европу, минуя Россию, — за эти годы не была реализована из-за нехватки экономических средств. Все это привело к росту зависимости Турции от российских энергоресурсов, которая сохраняется до настоящего времени. Энергетическое измерение до сих пор является главным определяющим элементом двусторонних отношений.

В свою очередь в России диверсифицировались проекты турецких подрядчиков. Кроме того, в рассматриваемый период на российский рынок поступал большой поток турецких товаров посредством «челночного» бизнеса. В 1997 г. Россия стала вторым торговым партнером Турции, а число российских туристов, посетивших Турцию в том же году, было вторым после Германии²⁵².

²⁵² Tellal E. Rusya'yla İlişkiler, Türk Dış Politikası: Kurtuluş Savaşı'ndan Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar. Ed. By Baskın Oran. Vol. 2. İstanbul: İletişim. 2001. S. 548.

В течение 1990-х годов товарооборот двух стран также значительно увеличился, начали осуществляться взаимные инвестиции. В таблице № 1 представлены данные о товарообороте двух стран и их ВВП²⁵³ в течение 1992-1999 гг.

Таблица № 1. Товарооборот и ВПП России и Турции в течение 1990-х годов (млн долл. США)²⁵⁴

	Товарооборот	Экспорт в Россию	Импорт из России	ВПП Турции	ВПП России
1992	1 481	441	1 040	158 459	460 291
1995	3 320	1 238	2 082	169 486	395 537
1997	4 230	2 056	2 174	189 835	404 929
1998	3 503	1 348	2 155	275 769	270 955
1999	2 962	588	2 374	255 884	195 907

Таким образом, в 1990-х годах турецко-российские отношения впервые приобрели региональное измерение. В новом геополитическом порядке регион Черного моря, Южный Кавказ и Центральная Азия стали площадками соперничества и сотрудничества двух стран. Столкновение интересов России и Турции шло также по линии Балканского конфликта; обе страны проводили разную политику в отношении Боснии и Косово. Тем не менее интересы России и Турции, в региональном измерении имели много пересечений, поэтому в течение этого десятилетия они стремились расширить свое влияние на региональную политику.

В 1990-е годы Балканы, Центральная Азия и Южный Кавказ рассматривались Турцией как приоритет ее внешней политики. Россия же, напротив, ко второй половине 1990-х годов возобновила свою внешнеполитическую и военную роль в рамках доктрины «ближнего зарубежья». Постсоветское пространство стало приоритетом во внешней политике Российского государства, которое взяло на себя также решающую роль в урегулировании конфликтов на этом пространстве. С другой стороны, Турция в первой половине 1990-х

²⁵³ GDP (current US Dollar) — Russian Federation and Turkey // World Bank National Accounts Data and OECD National Accounts Data Files. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2018&locations=RU-TR&most_recent_year_desc=true&start=1991 (дата обращения: 30.04.2020).

²⁵⁴ TUIK, Dış Ticaret İstatistikleri, Ülkelerle Göre Dış Ticaret. URL: <https://biruni.tuik.gov.tr/disticaretapp/disticaret.zul?param1=4¶m2=0&sitcrev=0&isicrev=0&sayac=5808> (дата обращения: 30.04.2020).

годов при поддержке западных стран разработала ряд стратегий формирования государственности в концепции «модельной страны» (Турции) для постсоветских республик Центральной Азии и Южного Кавказа.

Со второй половины 1990-х годов, когда Россия начала развивать свои отношения с центральноазиатскими государствами через создание многосторонних организаций, наибольшее влияние Турция в этом регионе оказывала на Туркменистан. Россия сыграла важную роль в урегулировании гражданской войны в Таджикистане, из чего можно сделать вывод, что российская внешняя политика на постсоветском пространстве в контексте безопасности проводилась активнее, чем турецкая. Влияние Турции в Центральной Азии с второй половины 1990-х годов ослабевало.

Другим приоритетным направлением российской и турецкой внешней политики в 1990-х годах стал Южно-Кавказский регион. В 1990-е годы Турция уделяла большое внимание развитию экономических и культурных связей со странами региона. Одновременно Анкара начала разрабатывать концепцию интеграции Грузии и Азербайджана с западными институтами. Однако во время вооруженных конфликтов между Азербайджаном и Арменией ожидаемая поддержка Азербайджану со стороны Турции была ограничена. Россия, напротив, играла решающую роль посредника в урегулировании вооруженных конфликтов двух стран, в том числе поддерживала президента Гейдара Алиева у власти в Азербайджане.

В любом случае, несмотря на то что интересы России и Турции столкнулись в Южно-Кавказском регионе, военного противостояния между ними на постсоветском пространстве не произошло. Что касается региона Черного моря и проливов, имеющих большое экономическое значение для России, то отношение между странами в этом регионе регулируются в рамках созданной в 1992 г. организации ЧЭС, выступающей переговорным органом между членами организации. Турция препятствовала американскому присутствию в регионе Черного моря и в основном проводила политику сохранения статус-кво с Россией.

В 1990-е годы Турция воевала против террористической организации «Рабочая Партия Курдистана» (РПК), борющейся за политические права курдов и создание курдской автономии в составе Турецкой Республики. Россия также с 1994 по 1996 г. противостояла чеченским сепаратистам в Чечне. В течение 1990-х годов ни России, ни Турции не удалось окончательно решить эти проблемы. В связи с тем, что для Турции безопасность ее юго-восточной границы являлась приоритетом сохранения территориальной целостности, а для России чеченский вопрос имел стратегическое значение с точки зрения ее территориальной целостности и контроля над Северным Кавказом, две страны решили объединить свои усилия в борьбе с сепаратистскими движениями. В 1995 г. между Турцией и Россией был подписан Протокол о предупреждении терроризма, в 1996 г. — Меморандум о

сотрудничестве в области борьбы с терроризмом, а в 1999 г. обе страны подписали Декларацию о сотрудничестве в борьбе с терроризмом и межправительственные соглашения²⁵⁵. Эти договоренности легли в основу общей борьбы России и Турции против сепаратистов. Так, в 1998 г. Москва отказалась предоставить лидеру террористической организации РПК Абдулле Оджалану политическое убежище, показав этим, что не намерена использовать РПК против Турции как политический козырь. При этом в разгар вооруженного конфликта в Чечне в 1994—1996 гг., когда отношения между Москвой и Анкарой достигли высокой степени напряженности, Турцию неофициально посетили лидеры чеченских боевиков, которые встречались там с членами исламистских группировок. В связи с этим Москва высказала недовольство Анкаре, несмотря на то что эти визиты были частными и не относились к государственной политике.

Двусторонние отношения России и Турции в области военно-технического сотрудничества тоже начали развиваться в этот период. В 1993 г. Турция закупила у России бронетехнику, длинноствольное оружие, бинокли ночного видения и 19 вертолетов, став первой страной НАТО, которая закупила оружие и военную технику у России²⁵⁶. Таким образом, можно сказать, что впервые осуществлялось военно-техническое сотрудничество между двумя странами в новой эре. В 1998 г. греческая часть Кипра приняла решение приобрести системы ЗРК С-300 ПМУ-1 у России, но из-за давления Анкары эти комплексы не были размещены на острове, а были переданы Греции²⁵⁷.

Итак, в 1990-е годы начался новый этап в российско-турецких отношениях на основе сотрудничества в энергетической, торгово-экономической сферах, а также в обеспечении безопасности. Региональные интересы двух стран трансформировались в соперничество за влияние на постсоветском пространстве. При этом турецкая политика формировалась в контексте торгово-экономических и культурных связей с государствами Центральной Азии и Южного Кавказа при поддержке западных стран, а Россия активизировала свое влияние в сфере политики, экономики и безопасности в Центральной Азии и стала играть ведущую роль в этом регионе. Турция играет второстепенную роль в определении международных отношений стран Центральной Азии и Южного Кавказа. Отношения Турции в Южно-Кавказском регионе развивались с Азербайджаном и Грузией, а Россия через Армению сохраняла экономическую и военно-техническую связь с Азербайджаном.

²⁵⁵ Çulha E. Türk-Rus İlişkilerinin Kronolojisi (1991-2017) // Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi. Sonbahar 2016 Vol. 3. № 2. P. 288.

²⁵⁶ Tellal E. Op. cit. P. 544.

²⁵⁷ ЗРК С-300 находятся на вооружении ряда стран НАТО // Агентство Анатолии. 11.04.2009. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/зрк-с-300-находятся-на-вооружении-ряда-стран-нато/1449009> (дата обращения: 30.04.2020).

Турецко-российские отношения после 2000 г. В 2000-е годы российско-турецкие отношения вступили в новую эру. Прежде всего, в обеих странах сменилась политическая власть. Политическая стабильность принесла экономический рост. Это позволило обеим странам модернизировать свою военную мощь и расширить экономическое и политическое влияние в регионе. Турция и Россия начали проводить более активную региональную политику. Это, с одной стороны, усилило вероятность конфликта интересов двух стран, но с другой стороны, в этот период стали стремительно развиваться двусторонние экономические отношения.

В 2000-е годы были созданы некоторые базовые механизмы институционализации двусторонних отношений. Прежде всего, в ноябре 2001 г. в Нью-Йорке был подписан План действий по развитию сотрудничества между Российской Федерацией и Турецкой Республикой в Евразии. Это соглашение стало правовой базой российско-турецких отношений. По результатам переговоров в ходе рабочего визита президента В.В. Путина в Турцию в 2004 г. была подписана Совместная декларация об углублении дружбы и многопланового партнерства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой²⁵⁸, а в 2009 г. — Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений и дальнейшем углублении дружбы между Турцией и Россией²⁵⁹. В 2010 г. в ходе официального визита президента Д. Медведева в Турцию был учрежден Совет сотрудничества высшего уровня (ССВУ). Стратегия российско-турецких отношений и реализация основных проектов в области экономики, культуры и т.д. находятся в ведении ССВУ. В рамках ССВУ действуют: Совместная группа стратегического планирования, возглавляемая министрами иностранных дел, Смешанная межправительственная российско-турецкая комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству и Форум общественности²⁶⁰, нацеленный на дальнейшее развитие двусторонних отношений между народами и организациями гражданского общества двух стран. Таким образом, были предприняты политические шаги за углубление двусторонних отношений.

Важным элементов двусторонних отношений является дипломатия лидеров двух стран. Главы государств В.В. Путин и Р.Т. Эрдоган часто ведут переговоры, при встречах или дистанционно, обсуждая двусторонние и региональные проблемы. В 2018 г. они встречались 7 раз и состоялось 18 телефонных разговоров. В 2019 г. было 8 встреч и 11 телефонных

²⁵⁸ Совместная декларация об углублении дружбы и многопланового партнерства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой. 5 декабря 2004 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3933> (дата обращения: 05.05.2020).

²⁵⁹ Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнерства. 13.02.2009 года // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/172> (дата обращения: 22.04.2020).

²⁶⁰ Ситуация в отношениях между Россией и Турцией // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/situacia-v-otnoseniah-mezdu-rossiej-i-turciej1> (дата обращения: 22.04.2020).

разговоров. Также и на уровне министров иностранных дел: в 2018—2019 гг. состоялось 14 встреч Сергея Лаврова и Мевлюта Чавушоглу²⁶¹.

Выше подчеркивалось, что российская и турецкая политики во многом пересекаются в подходах к будущему мироустройству. Обе страны в разной степени пытаются бросить вызов западнцентричной мировой системе. Россия стремится стать одним из важных акторов в мировой политике. Турция пытается максимально влиять на региональные и глобальные процессы. Подходы плюралистической международной системы, расширение политического влияния на евразийском континенте — общие черты внешнеполитических приоритетов двух стран. Экономический и военный потенциалы России и Турции также приводят к усилению региональной конкуренции между двумя странами в контексте соперничества или сотрудничества в зависимости от дифференцирования их национальных интересов. В то же время обе страны способны предпринять конкретные шаги для решения региональных проблем в рамках своих экономических и военных возможностей. Это делает необходимым сбалансировать интересы и развивать партнерские отношения в долгосрочной перспективе через общие механизмы.

В последнее время двусторонние экономические и политические отношения России и Турции нуждаются в определении их уровня и характера, поскольку внешнеполитическая активность этих стран в региональном масштабе направлена на Центральную Азию и Южный Кавказ, на регионы Черного и Средиземного морей, а также на Ближний Восток и Северную Африку. С этой точки зрения характеристика российско-турецких отношений представляется необходимой.

Необходимо отметить, что позитивные тренды российско-турецких отношений характеризуются в политическом дискурсе и в риторике официальных лиц как «стратегическое партнерство», «сотрудничество вместо конкуренции» и «многостороннее партнерство». Однако «во время периодических кризисов дистанция от «стратегического партнера» до «исторического врага» преодолевается за считанные дни»²⁶². Все эти характеристики время от времени применимы в разрезе диалектики российско-турецких отношений.

Вмешательство России в такие региональные конфликты, как Пятидневная война (Вооруженный конфликт в Южной Осетии) в 2008 г., присоединение Крыма к России в 2014 г., участие в Гражданской войне в Сирии в 2015 г., воспринималось Турцией как возможная геополитическая угроза. В свою очередь активность Турции на Балканах, Южном

²⁶¹ Межгосударственные отношения России и Турции // РИА Новости. 08.01.2020. URL: <https://ria.ru/20200108/1562874724.html> (дата обращения: 08.02.2020).

²⁶² Сучков М. Указ. соч.

Кавказе и в Центральной Азии может восприниматься Россией как угроза российским региональным интересам. Турция стремится сбалансировать российскую региональную гегемонию в ее ближнем зарубежье, углубляя двусторонние отношения с Украиной, Грузией и Азербайджаном.

Потенциальными зонами геополитических столкновений между Россией и Турцией являются Ближний Восток и Северная Африка. И такое столкновение имело место 24 ноября 2015 г., когда турецкие военные сбили российский бомбардировщик СУ-24 на Севере Сирии в районе границы с Турцией. Разразился серьезный кризис в двусторонних отношениях, который продемонстрировал, как интересы двух стран конкурируют и сталкиваются в региональном измерении. В результате кризиса 2015 г. двусторонние отношения России и Турции вернулись от «стратегического партнерства» к «процессу нормализации». Такое охлаждение в российско-турецких отношениях показывает возможность столкновения интересов обеих стран в регионах, если они не сотрудничают в урегулировании региональных конфликтов. Поэтому при описании характера двусторонних отношений возникают трудности. Ноябрьский кризис 2015 г. в целом нанес ущерб функционированию двусторонних отношений. В результате этого кризиса возродилось восприятие двумя странами взаимных военных угроз на Севере Сирии. К тому же такие события, как убийство террористом российского посла Андрея Карлова 19 декабря 2016 г. в Анкаре, и наоборот, российская официальная поддержка Турции после попытки государственного переворота 15 июля 2016 г., часто поднимают дилемму «доверия в недоверии» в российско-турецких отношениях, несмотря на то, что после визита президента Эрдогана в Россию в 2016 г. начался процесс нормализации двусторонних отношений. Таким образом, Турции и России удалось поднять двусторонние отношения до уровня «стратегического партнерства» и приблизиться друг к другу. Однако этот кризис имел прямые негативные последствия для почти двадцатилетнего курса турецко-российских отношений²⁶³.

Экономическое и военно-техническое сотрудничество. Экономические отношения — это важнейшая сфера турецко-российских отношений. Расширение экономического сотрудничества привело к созданию торговых лобби, которые напрямую выигрывают от политического сближения между Турцией и Россией²⁶⁴. Обе стороны придают большое значение укреплению взаимовыгодного экономического сотрудничества, которое осуществляется в трех основных измерениях: энергетика, торговля и инвестиции.

²⁶³ Çelikpala M. Yeni Yüzyılda Stratejik Ortaklık: Türkiye ve Rusya // Anadolu Ajansı. 04.10.2017. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/analiz-haber/yeni-yuzyilda-stratejik-ortaklik-turkiye-ve-rusya/926673> (дата обращения: 12.11.2021).

²⁶⁴ Balta E. Op. cit. P. 72.

Энергетическое сотрудничество начало развиваться с 1990-х годов, основное направление — совместное строительство крупных газо- и нефтепроводов и инфраструктуры. Россия является крупным поставщиком нефти, природного газа и угля в Турцию. Она поставляет природный газ по трем трубопроводам: Трансбалканский, «Голубой поток» и «Турецкий поток». Первое соглашение о строительстве двумя странами Трансбалканского газопровода было подписано в 1984 г., а уже в 1987 г. по этому газопроводу в Турцию стал поступать закупленный в России газ. В 1997 г. было подписано соглашение о совместном строительстве второго газопровода из России в Турцию, названного «Голубой поток», который был запущен в 2005 г. Наконец, соглашение по «Турецкому потоку» было подписано в 2014 г., а закупка природного газа началась в январе 2020 г.

В августе — октябре 2020 г. в Турции было открыто новое месторождение природного газа. Оно находится в Черном море²⁶⁵, запасы его оцениваются в 405 млрд кубометров. Анкара намерена приступить к выработке газа на новом месторождении уже к 2023 г.²⁶⁶ Учитывая, что годовое потребление природного газа в Турции составляет 45—50 млрд кубометров, найденные запасы газа очень важны для Турции на ближайшие годы. Несомненно, что обнаружение природного газа и его выработка, если она начнется в ближайшие годы, повлияют на энергетическое измерение российско-турецких отношений. Во-первых, турецкая сторона может нуждаться в энерготехническом сотрудничестве с иностранными партнерами. Во-вторых, Турция может попытаться снизить цену накупаемый в России газ. Наконец, добыча и дальнейшая разведка газа на Черном море может влиять на отношения России и Турции в энергетической сфере.

Новым измерением энергетических отношений России и Турции является ядерная энергетика. Соглашение о строительстве АЭС «Аккую» в турецком городе Мерсин было подписано в 2010 г. Стоимость проекта составит около 20 млрд долл. Строительство планируется завершить к 2023 г.

По экспорту нефти и нефтепродуктов из России Турция занимала в 2013—2018 гг. 11-е место с общей суммой 34,3 млрд долл., ее доля составляла 2,6%²⁶⁷. Для России Турция является вторым по величине импортером российского газа после Германии, а для Турции Россия занимает третье место после Ирака и Ирана среди стран — экспортеров нефти. В

²⁶⁵ Турция обнаружила дополнительные запасы газа в Черном море // РИА Новости. 17.10.2020. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/10/2020/5f8b09719a7947438da70ef4> (дата обращения: 12.11.2020).

²⁶⁶ Абдуллаев Р. Эрдоган объявил о новых резервах газа в Черном море // Агентство Анатолии. 17.10.2020. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/турция/эрдоган-объявил-о-новых-резервах-газа-в-черном-море/2009861> (дата обращения: 12.11.2020).

²⁶⁷ Экспорт из России в Турцию: нефть и нефтепродукты // RU-STAT. URL: <https://ru-stat.com/date-Y2013-2018/RU/export/TR/0527> (дата обращения: 02.05.2020).

2018 г. Турция импортировала 46,9% природного газа и 25,21% нефти из России²⁶⁸. С этой точки зрения Россия является очень важной страной в энергоснабжении Турции. Но это означает энергетическую зависимость от России, поэтому Турция нацелена проводить политику диверсификации импорта энергоресурсов из разных стран.

Наряду с природным газом и нефтью Россия экспортирует в Турцию также другие продукты, металлы и изделия из них, продукты растительного происхождения, продукцию химической промышленности, машины, оборудование, аппаратуру и др. А в структуре турецкого экспорта в Россию основная доля приходится на продукты растительного происхождения, оборудование и аппаратуру, текстиль, транспорт, обувь, головные уборы. Таким образом, характер экономических отношений определяется в основном импортом энергоресурсов из России в Турцию, это создает огромный торговый профицит в пользу России и в то же время — дефицит в двустороннем торговом обороте. Обе страны намерены увеличить объем взаимной торговли до 100 млрд долл. В таблице № 2 представлен внешнеторговый оборот России и Турции. Использование национальных валют также составляет элемент в торгово-экономических отношениях. Однако существующий торговый дефицит между двумя странами время от времени делает этот вопрос спорным.

Взаимные инвестиции между двумя странами достигают 20 млрд долл. Турецкие инвестиции в Россию в основном сконцентрированы в строительном секторе, а также в сфере производства алкогольных напитков, химикатов, стекла и др. А российские инвестиции по большей части направлены в такие отрасли, как энергетика, металлургия, автомобильная промышленность, банковский сектор. Турецкие фирмы также реализовали в России 1972 проекта на сумму 75,7 млрд долл.²⁶⁹

²⁶⁸ Enerji Piyasası Düzenleme Kurumu: Petrol Piyasası 2018 Sektör Raporu // EPDK. URL: <https://www.epdk.org.tr/Detay/Icerik/3-0-168/resmi-istatistikleri> (дата обращения: 15.04.2020).

²⁶⁹ Türkiye-Rusya İlişkileri, T.C. Dış İşleri Bakanlığı. Op. cit.

Таблица № 2. Внешнеторговый оборот России и Турции (млрд долл. США)²⁷⁰

РФ	Экспорт в Турцию	Импорт из Турции	Объем двусторонней торговли	Объем внешней торговли РФ	Объем внешней торговли ТР	Доля России %	Доля Турции %
2008	27,7	6,1	33,8	734,9	333,9	11,3	4,5
2010	20,3	4,9	25,2	625,9	299,4	8,7	4,0
2012	27,4	6,9	34,3	841,9	389,0	8,5	4,0
2016	13,4	2,1	15,5	460,5	341,1	5,0	3,3
2018	21,3	4,2	25,5	688,2	390,8	6,7	3,7
2019	21,0	4,9	26,0	267,2	374,3	7,2	9,7

В последнее время военно-техническое сотрудничество стало новой областью двусторонних отношений. Обострение региональных кризисов, создающих напряженность в непосредственной близости от турецких границ, радикально-террористические угрозы — все это подвигло турецкое руководство начать переговоры по закупкам систем ПВО, в первую очередь с США и странами НАТО. Турция — член НАТО, и ее военная техника, в том числе системы ПВО, должны быть ориентированы на комплексы этого блока и совместимы с ними. Несмотря на это и на неодобрение США, Турция вела переговоры о закупке систем ПВО также с Россией и Китаем. В 2017 г. между Россией и Турцией было подписано соглашение о закупке российских ЗРС ПВО С-400, поставки которых начались в 2019 г.

Турция стала первой из стран НАТО, которой Россия продала С-400. Это важный поворот в военно-технической политике Турции. С точки зрения прозападной внешнеполитической ориентации Турции это стратегический шаг, так как Турция закупала эти системы независимого от своих западных союзников по НАТО. Для России эта сделка — в широком смысле стратегический шаг, который сулил ей политические, коммерческие, а также репутационные дивиденды, способствовал продвижению российских систем ПВО на мировом рынке. В этом контексте военно-техническое сотрудничество Турции и России приобрело новое измерение. В настоящий период двусторонние отношения могут быть углублены в этой области наряду с такими вопросами, как передача российских военно-

²⁷⁰ Рассчитано по: URL: <https://ru-stat.com/>, <http://old.economy.gov.ru/minec/main/>, <https://ticaret.gov.tr>, <https://biruni.tuik.gov.tr> (дата обращения: 10.02.2020).

технических технологий в Турцию. Это определит направление отношений в области военно-технического сотрудничества.

Несмотря на то, что на глобальном уровне внешнеполитические приоритеты России и Турции пересекаются, в двусторонних отношениях на региональном уровне две страны часто конкурируют друг с другом. Их отношения во многом будут зависеть от развития региональной ситуации и, вполне вероятно, продолжат сочетать элементы сотрудничества и соперничества²⁷¹. Таким образом, на данном этапе региональные измерения российско-турецких отношений имеют смысл с точки зрения различных интересов двух стран на региональном уровне.

Региональная повестка. Турецко-российские отношения в региональном измерении основаны в целом на конкуренции двух стран и их стремлении поддерживать баланс национальных интересов. Исторически с имперских времен Россия и Турция являются региональными соперниками, интересы которых сталкивались на Балканах, в Закавказье и на Черном море. После распада Советского Союза появились новые регионы, в которых формируются российско-турецкие отношения, — Центральная Азия, Ближний Восток, Средиземноморский регион, а в настоящее время — Северная Африка. Россия и Турция активно пытаются развивать отношения с региональными странами и участвовать в урегулировании региональных кризисов.

В течение 1990-х годов характер региональных российско-турецких отношений можно оценивать скорее как соперничество национальных интересов. Хотя Турция и Россия не пережили полномасштабного кризиса, геополитически мотивированная конкуренция заставила две страны игнорировать возможности потенциального сотрудничества²⁷². В этот период внутренние экономические и политические проблемы ослабляли позиции как Турции, так и России. У них отсутствовала какая-либо общая политика регионального сотрудничества с применением общих политических и военных механизмов или многосторонних организаций для урегулирования экономических и политических кризисов, происходящих в Центральной Азии или на Кавказе и Балканах.

С 2010-х годов региональные российско-турецкие отношения резко активизировались. Всколыхнувшая весь арабский мир «Арабская весна» обострила противоречия во внешней политике России и Турции в Северной Африке на фоне кризиса и гражданской войны в Ливии, а также вызвала столкновение интересов России и Турции в ближневосточном регионе в ходе урегулирования сирийского кризиса. Усиление турецкой и российской политики в этих регионах также может быть истолковано как восполнение «пробелов»

²⁷¹ Aras B. Op. cit.

²⁷² Balta E. Op. cit. P. 75.

внешнего влияния из-за того, что США не проводят активную внешнюю политику в этих регионах.

В урегулировании вооруженных конфликтов Россия и Турция зачастую находятся по разные стороны баррикад, так как поддерживают разные политические группы и элиты в таких странах, как Сирия и Ливия. Несмотря на это, их интересы в регионах не только сталкиваются, но и пересекаются, например в деле борьбы с угрозой терроризма и экстремизма, безопасности собственных границ и т.п. Таким образом, в региональных конфликтах оба государства, и Россия, и Турция, с помощью политических и военных механизмов, а также с участием других региональных акторов, таких как Иран, Китай или региональные организации, могут предпринять общие эффективные шаги по разрешению региональных проблем.

Надо отметить региональное измерение российско-турецких отношений на пространстве, которое исторически является периферией России и Турции.

Несомненно, кавказский регион стал буферной зоной между Турцией и Россией после распада СССР. В настоящее время Россия и Турция являются стратегическими соперниками в Южно-Кавказском регионе. Взаимоотношения с Грузией и Азербайджаном определяют основные оси региональной политики Турции, а Армения является важным союзником России. Отношения между Россией и Азербайджаном также остаются стратегически важными, хотя и в меньшей степени. С 1990-х годов Турция, с поддержкой западных стран, проводит политику по созданию альтернативных маршрутов транспортировки энергоресурсов из каспийского бассейна через южнокавказский коридор в Европу. Частично эта политика была реализована посредством строительства трубопроводов и инфраструктуры.

Турция не была прямым участником урегулирования вооруженного конфликта ни между Азербайджаном и Арменией в 1990-е годы, ни между Россией и Грузией в 2008 г. Она была более ориентирована на то, чтобы решать конфликты через многостороннюю дипломатию, например, через предложенную в том же году инициативу «Кавказская платформа стабильности и сотрудничества». Эту инициативу предложил Р. Эрдоган после окончания Пятидневной войны в августе 2008 г., в ходе своего визита в регион для того, чтобы начать политический диалог между Турцией, Россией и Грузией²⁷³.

Несмотря на то, что Турция не имеет военного присутствия в регионе, она придает большое значение развитию экономических и культурных отношений. Россия имеет сильное

²⁷³ Оган С. Платформа сотрудничества и стабильности на Кавказе и усилия Турции по обеспечению региональной безопасности // Regnum. 11.12.2009. URL: <https://regnum.ru/news/1234391.html> (дата обращения: 05.05.2020).

военное присутствие в регионе через Армению и сохраняет военно-политические связи с Азербайджаном. В 2015 г., после того как между Турцией и Россией произошел ноябрьский кризис, Россия и Армения подписали соглашение о создании совместной системы ПВО. Это было воспринято Турцией как угроза национальным интересам. До настоящего времени Россия играла ведущую роль в сохранении статус-кво на Южном Кавказе, особенно в Нагорном Карабахе. В Карабахском конфликте между Арменией и Азербайджаном, который множество раз переходил из активной в замороженную фазу, Россия играет роль посредника, сохраняя военно-политические связи с обеими сторонами.

В сентябре 2020 г. Карабахский конфликт вновь вступил в фазу войны. Она завершилась подписанием 9 ноября 2020 г. трехстороннего Заявления о прекращении огня между Россией, Арменией и Азербайджаном. Азербайджан восстановил большую часть своей территории, оккупированной Арменией в 1990-х годах. На этот раз Турция оказала Азербайджану более сильную поддержку в сферах политического и военно-технического сотрудничества. В результате, в то время как положение Турции в регионе укрепилось, Россия не только разделила с Турцией роль в достижении перемирия, но и де-факто приобрела наблюдательные пункты в регионе, так как Заявление предусматривало развертывание российского миротворческого контингента в Нагорном Карабахе, а также создание совместного российско-турецкого миротворческого центра мониторинга в Азербайджане. Все это, несомненно, усилило присутствие России в регионе. Поэтому в предстоящий период развитие событий на Южном Кавказе может изменить ход турецко-российских отношений в региональном контексте.

Российская и турецкая политика в регионе Черного моря в целом направлена на сохранение статус-кво и поддержание региональной стабильности. То есть обе страны стремятся к региональной безопасности. Черноморский регион имеет геополитическое и экономическое значение и для российской, и для турецкой стороны. В 1990-е годы была создана Организация Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС) как политический механизм, объединяющий региональные государства на многосторонней платформе. Кроме того, в 2001 г. по инициативе прибрежных государств было создано Черноморское военно-морское сотрудничество (BLACKSEAFOR) в целях поддержания мира и стабильности в регионе.

В экономическом плане значимость региона для российско-турецких отношений трудно переоценить. Помимо торговли российской нефтью через проливы, Турция получает природный газ из России по трубопроводам через Черное море. Присоединение Крыма к России в 2014 г. не стало препятствием для развития экономических отношений России и Турции, хотя Турция не признает Крым российским. Но при этом Турция не участвовала в

экономических санкциях, которые западные страны ввели против России в результате украинского кризиса и присоединения Крыма. Турецкое руководство приняло такое решение независимо от западных стран, преследуя, однако, не столько политические цели, сколько перспективы экономической выгоды.

Такая двойственная позиция во многом обусловлена необходимостью балансирования экономических, внешнеполитических, а также внутривнутриполитических факторов. Так, в Турции проживает почти пятимиллионная крымская диаспора (это примерно 6% электората правящей власти), активисты которой время от времени организуют акции против присоединения Крыма к России. После присоединения Крыма Россия повысила свою гегемонию на Черном море, поэтому Турция стремится сохранить свои позиции в регионе, развивая двусторонние отношения с Украиной, которые имеют важную для обеих стран торгово-экономическую, а в последние годы и военно-политическую составляющую. То есть Украина является страной балансирования России для Турции в регионе Черного моря. Одновременно Турция пытается проводить политику балансирования между американским присутствием и российской гегемонией. В этом контексте турецко-украинские отношения имеют область противоречий. С одной стороны, турецкое руководство хочет предотвратить американское присутствие в Черном море, с другой стороны, она стремится увеличить свое присутствие в регионе при поддержке западных стран.

Центральная Азия с точки зрения исторических и культурных связей является важным регионом для России и Турции. В первой половине 1990-х годов Турция начала разрабатывать ряд политических стратегий, направленных на то, чтобы стать региональным игроком. Западными государствами турецкая политика была поддержана для того, чтобы сломить влияние Ирана в регионе. Однако стать важным региональным актором Турции мешали такие факторы, как отсутствие сухопутной границы со странами региона, недостаточность экономических и военных ресурсов, а также установление внешнеполитического приоритета Москвы в Центральной Азии как в ближнем зарубежье России. Поэтому Турция стала проводить свою политику в регионе преимущественно в экономической, культурной и образовательной сферах. С учетом военного и экономического присутствия России, а также усиления китайской политики в Центральной Азии, Турция к настоящему времени стала второстепенным внешнеполитическим актором.

Анкара пытается разработать долгосрочные экономические и культурные программы в Центральной Азии и проводить внешнюю политику в долгосрочной перспективе. Россия играет традиционную роль, сохраняя тесные связи с региональными странами в областях политического, экономического и военно-технического сотрудничества. Поэтому

центральноазиатский регион станет стратегическим пространством для российской и турецкой политики в контексте и сотрудничества, и соперничества.

В сентябре 2015 г., когда Россия отправила войска в Сирию, она стала ключевой страной в урегулировании сирийского конфликта. С ноября 2015 г., после того как турецкий истребитель сбил российский бомбардировщик Су-24, российско-турецкие отношения более чем на полгода были заморожены в глубоком политическом кризисе²⁷⁴. Ослабление доверия между Россией и Турцией заставило искать новые подходы на региональном уровне для урегулирования сирийского конфликта. Так, в январе 2017 г. в Астане был запущен процесс мирных переговоров с участием стран-гарантов — России, Турции и Ирана, официального Дамаска, а также представителей оппозиции. Астанинская платформа стала новой площадкой в российско-турецких отношениях по региональным вопросам. Иными словами, Турция и Россия взяли на себя инициативу по региональному урегулированию в зонах вооруженных конфликтов. В настоящее время российские и турецкие военные выполняют совместную миссию в Сирии, а также в Нагорном Карабахе.

Тот факт, что Россия и Турция имеют разные интересы и поддерживают разные стороны в сирийском конфликте, не мешает им развивать партнерские отношения в процессе урегулирования. Обе страны используют свои стратегические возможности на региональном уровне, находя баланс соперничества и сотрудничества. Поэтому можно сказать, что турецко-российские отношения на Ближнем Востоке, особенно в Сирии, обрели новое направление.

Аналогично в регионе Северной Африки: в ходе урегулирования военного конфликта в Ливии Россия и Турция, хотя поддерживали разные группы и преследовали разные интересы, смогли использовать опыт взаимодействия, приобретенный ими в процессе сирийского урегулирования.

Опыт взаимодействия России и Турции в горячих точках военных конфликтов в различных регионах позволяет говорить об институционализации турецко-российских отношений в будущем.

²⁷⁴ İmanbeyli V. 'Uçak Krizi' ve Türkiye-Rusya İlişkileri // SETA Perspektif. Aralık 2015. URL: http://file.setav.org/Files/Pdf/20151231165033_ucak-krizi-ve-turkiye-rusya-iliskileri-pdf.pdf (дата обращения: 01.11.2021).

2.2. Центральная Азия в мировой политике: малые державы и основные мировые тренды

2.2.1. Центральная Азия в международной системе: проблемы акторности

На современном этапе мировой политики регион Центральной Азии возник, когда распался Советский Союз. Пять республик, которые были сформированы как субъекты Союзу в 1930-е годы, провозгласили независимость в начале 1990-х годов. Постсоветское пространство, на котором расположены Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, в настоящее время называется регионом Центральной Азии.

В течение тысячелетия по территории Центральной Азии проходили торговые пути. Это сделало регион геополитически важным. С начала XIX века регион стал ареной борьбы за влияние между Россией и Британской империей, которая продолжалась практически столетие и получила название «Большая игра». А. Кулей пишет, что «в первоначальной Большой игре британские власти воспринимали расширяющуюся Российскую империю, которая продолжала захватывать большие территории на Кавказе и в Центральной Азии, как угрозу северным границам Индии, которая могла реализоваться в получение ею доступа к Индийскому океану и даже к самой колонии, которая столь ценилась британцами»²⁷⁵.

Геополитическая ситуация, возникшая после распада Советского Союза, породила новый вид игры. Эта новая геополитическая неопределенность поставила под сомнение существование новой большой игры²⁷⁶.

Несомненно, эта новая геополитическая неопределенность в Центральной Азии во многом отличается от Большой игры XIX века. Во-первых, в регионе появились новые независимые государства. Борьба за власть в регионе между двумя игроками больше не затухает. Для определения этих новых международных отношений в Центральной Азии выдвигаются различные подходы. По мнению Кавальского, присутствие множества действующих акторов в борьбе за власть в Центральной Азии может характеризоваться двойной динамикой: «новой большой игры» и «фрагментации гегемонии»²⁷⁷. В зависимости от глобальных и региональных событий определяются внешнеполитические предпочтения региональных государств. Но часто в этих предпочтениях происходят быстрые изменения.

²⁷⁵ Cooley A. *Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia*. Oxford University Press, 2012. P. 3.

²⁷⁶ Kavalski E. *Shanghained into Cooperation: Framing China's Socialization of Central Asia* // *Journal of Asian and African Studies*. 2010. Vol. 45. № 2. P. 131-145; Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: Мировая политика и Центральная Азия. М.: МГИМО МИД РФ, 2008. 382 с.; Fingar T. *The New Great Game: China and South and Central Asia in the Age of Reform*. Palo Alto: Stanford University Press. 2016. P. 360; Cooley A. *Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia*. Oxford University Press. 2012. P. 3.

²⁷⁷ Kavalski E. *Coming to Terms with the Complexity of External Agency in Central Asia* // *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 2. № 1. 2011. P. 26.

Как результат, заявления о политической солидарности с различными международными акторами не уменьшают конкурентный характер региональных отношений.

С другой стороны, модель фрагментации гегемонии предполагает, что государства Центральной Азии будут постоянно преследовать разные цели, нанося ущерб акторности региона. В то же время между ними могут образовываться достаточно парадоксальные союзы. Эта динамика фрагментации гегемонии препятствует появлению единой ведущей державы, которая доминирует в международных отношениях Центральной Азии, что это приводит к ожесточенным столкновениям между ними в регионе.

Региональные страны не имеют выхода к морю, поскольку Центральная Азия расположена в центре Евразийского континента. По этой причине коммерческая и военная деятельность стран региона ограничена и зависит от других стран. Эта ситуация напрямую влияет на определение статуса государств региона в международной системе, потому что геополитические ограничения государств препятствуют их укреплению. Это определяет также поведение стран Центральной Азии в международной системе. Тот факт, что Центральная Азия расположена между Россией, Китаем и Индией, делает этот регион буферной зоной между сильными странами.

Государства Центральной Азии имеют статус малых держав в международной системе, который определяется при иерархическом подходе и с точки зрения системного влияния. Они полностью зависят от зарубежных стран в политической, экономической, военной сферах и в сфере защиты собственной безопасности, так как у них нет национальных ресурсов для разработки независимой политики в этих областях. Эта ситуация в первую очередь делает государства Центральной Азии зависимыми от глобальных и региональных держав. С точки зрения их внутренней политики регионализм играет важную роль в процессе восстановления государственности стран региона: «в Киргизии это деление на Север — Юг, в Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане — на региональные кланы, в Казахстане — на старший, средний и младший жузы»²⁷⁸. Узбекистан и Казахстан являются самыми могущественными государствами региона с точки зрения экономической, военной мощи и численности населения. А Кыргызстан и Таджикистан являются менее многочисленными государствами, их экономики в значительной степени зависят от России и Китая. Туркменистан имеет статус «постоянного нейтралитета» в ООН, а ресурсы природного газа делают страну относительно экономически сильной в регионе. Однако в целом экспорт энергоносителей стран региона зависит от России со времен Советского

²⁷⁸ Кузьмина Е.М. Особенности внутривосточной и международной ситуации в Центральной Азии и их влияние на интеграционные процессы // ПОЛИТЭК. 2009. № 3. С. 94.

Союза. Эти ограничения стран Центральной Азии в отношении материальных ресурсов гарантируют их статус малых держав.

С другой стороны, неспособность региональных стран влиять на систему международных отношений с точки зрения их внешней политики также гарантирует невысокий статус этих государств. Согласно подходу, разработанному Р. Кеохейном, малые державы находятся на последнем месте в международной системе. Их внешняя политика во многом зависит от великих держав. В связи с этим малые державы в одиночку не могут обеспечить свою национальную безопасность и нуждаются в гарантиях безопасности. Поэтому они не являются эффективными государствами в международной системе. Это вынуждает их проводить внешнюю политику, основанную главным образом на маневрировании между различными векторами и силами. Малые державы в своей внешней политике маневрируют не только между великими державами, но и между средними державами, которые проводят политику в регионе, поскольку они определяют национальную безопасность, в основном исходя из региональных угроз. С другой стороны, маломощным государствам региона также не хватает институционализации, необходимой для решения стоящих общих задач.

В целом такая ситуация в международных отношениях в Центральной Азии создает две важные структурные проблемы в регионе. Первая из них — задача системного определения региона в мировой системе. Вторая — проблема акторности в Центральной Азии, где различные глобальные и региональные иностранные державы возвращаются на поле борьбы за влияние.

Во-первых, неопределенность ситуации в Центральной Азии свидетельствует об отсутствии достаточно развитых институтов в межгосударственных отношениях. Это является одной из причин неопределенного положения региона в международной системе. Хотя государства региона имеют общее прошлое, в котором на протяжении долгого времени доминировала Россия, период независимости этих государств пока недостаточен для формирования полноценного региона. Кроме того, именно между государствами региона не были сформированы институты и политические механизмы. Таким образом, «современная (да и историческая) Центральная Азия занимает чрезвычайно неопределенное положение относительно других частей мира»²⁷⁹. Без общих институтов между государствами также невозможно говорить об идентичности региона. В результате современная Центральная Азия сохраняет фрагментарность, приобретенную после распада Советского Союза.

Тот факт, что для региональных стран отсутствует единая региональная идентичность через создание общих институтов, превращает Центральную Азию в зону соперничества

²⁷⁹ Казанцев А.А. Указ. соч. С. 32.

внешних держав и повышает неопределенность до самого высокого уровня. По словам А. Казанцева, «теоретически неопределенность в регионе может существовать на разных уровнях: внутри новых независимых государств; в их внешних политиках; в отношениях между ними; в отношениях их с крупными внешними игроками»²⁸⁰. В результате Центральная Азия находится в весьма неоднозначной и мультиакторной ситуации. Это препятствует формированию региона и в то же время замедляет создание общих институтов государствами региона.

Во-вторых, проблема акторности, возникающая в результате региональной неопределенности, является еще одной из структурных проблем Центральной Азии. К этому добавляются процессы формирования национальной идентичности региональных государств, это приобретает многостороннее измерение. Соппротивление росту числа авторов в Центральной Азии объясняет динамику новой Большой игры и закономерности «фрагментации гегемонии» в регионе²⁸¹.

Общей характеристикой внешней политики государств региона является многосторонность: независимо друг от друга они проводят многовекторную внешнюю политику. Это также усиливает неопределенность в регионе. В настоящее время в Центральной Азии можно перечислить внешнеполитические векторы для региональных государств следующим образом: Россия, Китай, Исламский мир, Индия, Западный мир²⁸². Каждый из этих внешнеполитических векторов влияет на политику государств Центральной Азии в разных сферах и на разных уровнях. Также каждый из них имеет разные проекты в определенных областях. Эта ситуация, как выяснится в следующем разделе, время от времени вызывает дилеммы для внешнеполитических элит стран региона. Согласно Ивану Сафранчуку, дилеммы в Центральной Азии можно перечислить следующим образом: реформы против внутренней безопасности, региональное сотрудничество против секьюритизации, международная диверсификация против внешней безопасности, глобализация против регионализации, экономическое развитие против геополитики²⁸³.

Эти дилеммы являются не только результатом сложившейся региональной ситуации с участием многих внешних сил, на них влияют и события в глобальной системе. Примечательно, например, что военное вмешательство в Афганистане заставляет Центральную Азию играть важную роль в мировой политике, в то время как смещение внешнеполитических приоритетов крупных держав в различные регионы затрудняет

²⁸⁰ Казанцев А.А. Указ. соч. С. 30.

²⁸¹ Kavaliski E. Op. cit. P. 21.

²⁸² Казанцев А.А. Указ. соч. С. 32-36.

²⁸³ Подробнее см.: Safranchuk I. Central Asian Regimes: Stability and Reform // Eurasia on the Edge: Managing Complexity. Ed. by Piotr Dutkiewicz, Richard Sakwa, and Fyodor Lukyanov with Richard Burchill and Timofei Bordachev. New York, London: Lexington Books, 2018. P. 181.

обеспечение преемственности во внешнеполитических предпочтениях стран региона, поскольку, согласно А. Казанцеву, «в настоящее время неизвестно, какие крупные государства из каких регионов мира являются для региональных государств приоритетными партнерами в плане сотрудничества и интеграции. Существует несколько потенциально возможных геополитических “направлений”, в которых может “двигаться” Центральная Азия»²⁸⁴.

Таким образом, проблема становления региона Центральной Азии в сочетании с проблемой акторности создает региональную и многополярную международную неопределенность. По этим причинам нельзя говорить о стабильности во внешней политике государств региона, ибо желание местных внешнеполитических элит использовать разные векторы в разных сферах не приводит к равновесию их политики. С другой стороны, говорить о преемственности политики великих держав и региональных держав тоже невозможно. Кроме того, выполнение интеграционных проектов в первую очередь создает их конкуренцию. Дилеммы для региональных элит также способствуют региональной неопределенности. К этому добавляется институциональная депривация региональных государств между собой. В связи с этим великие и средние державы вынуждены проводить свою внешнюю политику как с учетом структурных проблем региона, так и в контексте границ собственных материальных ресурсов.

Проблема акторности в Центральной Азии и вопрос определения региональной идентичности не могут рассматриваться независимо от изменений в глобальной системе. Ослабление американской гегемонии в международной системе, переходящей от однополярности к многополярности, также влияет на региональную ситуацию и приводит к уменьшению американского присутствия в региональной политике. Вывод американских войск из Афганистана открывает, в частности, новые уязвимые места в области безопасности в регионе. Это создает больше пространства для других крупных держав. Политика безопасности, проводимая в гармонии с региональными режимами, может привести к сохранению в регионе многостороннего взаимодействия в форме своего рода статус-кво. Если постамериканский порядок будет сформирован в многополярной форме, конкуренция великих держав усилится, потому что не только они, но и средние и малые державы столкнутся с положительными и отрицательными последствиями такого изменения. Потому что международная система одновременно начинает определять новые элементы баланса, вопросы конкуренции, новые нормы и правила.

²⁸⁴ Казанцев А.А. Указ. соч. С. 32.

2.2.2. Политические процессы в Центральной Азии

Регион Центральной Азии с точки зрения его географического положения и угроз для региональной безопасности непосредственно подвержен влиянию политических процессов, происходящих на глобальном и региональном уровнях. Что означают для Центральной Азии такие политические процессы, как многополярность и глобализация? Как на регион влияет трансформация миропорядка? Могут ли центральноазиатские государства извлекать выгоду из проектов внешних акторов на балансе глобализации и регионализации? Есть ли необходимость для стран Центральной Азии делать геополитический выбор в пользу проектов великих держав? И что означает участие государств в процессах глобализации или регионализации для Центральной Азии по мере продвижения мировой системы от однополярности к многополярности? Наконец, в какой степени три глобальных стресс-теста²⁸⁵ оказали положительное или отрицательное влияние на интеграционные предпочтения центральноазиатских элит?

Ответы на эти вопросы важны для понимания места и роли Центральной Азии в мировой политической системе в предстоящий период. Изменения в мировых политических процессах, которые оказали влияние на государства Центральной Азии, можно оценить в трех условных категориях: независимость, стресс-тесты, дилеммы.

Независимость государств Центральной Азии и проекты США, России и Китая в период после окончания холодной войны. В 1990-е годы политика США в Центральной Азии и на Южном Кавказе была направлена на поддержку независимости государств постсоветского пространства и на формирование их единства в концепции большой Европы. Планировалось создать линию взаимодействия между новыми независимыми республиками Центральной Азии и Южного Кавказа с Европой.

В такой концепции центральноазиатская политика США формировалась по оси экономических связей и в сфере безопасности. Прежде всего для этого в 1991 г. был решен вопрос о денуклеаризации Казахстана. Затем основой региональной политики западных государств в Центральной Азии на протяжении 1990-х годов стала энергетическая повестка. Было запланировано строительство ряда трубопроводов для транспортировки энергоносителей из Каспийского бассейна на европейские рынки. В частности, это проявилось в активизации западных нефтяных компаний в Азербайджане и в создании проектов новых транспортных маршрутов, таких как ТРАСЕКА, а также трубопроводов «Транскаспийский» и «Трансафганский»²⁸⁶, для которых планировался коридор по линии

²⁸⁵ Сафранчук И.А. Указ. соч.

²⁸⁶ Казанцев А.А. Указ. соч. С. 134.

Азербайджана, Грузии и Турции, в обход России и Ирана. Эти планы в 1990-е годы не были реализованы, так как «Европа была слишком занята новым этапом интеграции, конфликтами в Югославии и на Ближнем Востоке, а затем и интеграцией Восточной Европы»²⁸⁷.

В военной сфере за инициативой центральноазиатских государств по формированию партнерства с НАТО последовала программа «Партнерство во имя мира». В то же время западные страны поддерживали Турцию в проведении более активной политики с концепцией «турецкой модели» в Центральной Азии и на Южном Кавказе. Такая политика обещала открыть новые возможности для Турции в регионе, однако не принесла большой экономической выгоды, равно как и не увеличила присутствие Турции в Центральной Азии.

В 1997 г. появилась инициатива партнерской платформы под названием ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова) — важный проект с точки зрения того, что он был поддержан западными государствами по таким позициям, как суверенитет, территориальная целостность, нерушимость границ, демократия, верховенство закона и уважение прав человека. Наконец, со второй половины 1990-х годов США и ЕС активно поддерживали планы внутрорегиональной интеграции в Центральной Азии (ЦАС, ЦАЭС, ОЦАС и проект «Центразбат»). Эта интеграция «виделась как способ нейтрализовать многие из недостатков, связанных с описанным выше характером региона»²⁸⁸.

В 2000-е годы американская внешняя политика в регионе выдвинула новую инициативу под названием «Большая Центральная Азия». Как пишет И. Сафранчук, «в середине 2000-х годов США планировали расширить Центральную Азию на юг, сформировать новый регион “Большой Центральной Азии”, в который вошли бы страны Центральной и Южной Азии, а Афганистан стал связующим звеном между ними»²⁸⁹. Когда Б. Обама стал президентом США, политика «Большой Центральной Азии» была объединена с новой концепцией под названием «Новый шелковый путь». Ни один из этих проектов не имел в реальности важных последствий для Центральной Азии. В результате, несмотря на то что до настоящего времени периодически проявлялся интерес США к Центрально-Азиатскому региону через эти концепции, американская внешняя политика в основном больше направлена на Ближний Восток, Иран, Китай. Поэтому центральноазиатские проекты США не были для стран региона, равно как и для американцев, успешными в долгосрочной перспективе.

²⁸⁷ Safranchuk I. Op. cit. P. 183.

²⁸⁸ Казанцев А.А. Указ. соч. С. 163.

²⁸⁹ Сафранчук И.А. Варианты глобализации и регионализации для Центральной Азии // Россия и Центральная Азия: новые перспективы: материалы междунар. науч. конф., посвященной 25-летию установления дипломатич. отношений между Рос. Федерацией и государствами Центральной Азии (Москва, 14 июня 2017 г.) / [отв. ред. А.Л. Чечевишников]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Ин-т междунар. исследований. Москва: МГИМО-Университет. 2018. С. 75.

Китай не проводил активную внешнюю политику в Центральной Азии до 2010-х годов, однако в 2013 г. выдвинул инициативу, получившую название «Один пояс, один путь», которую, несомненно, можно назвать самой всеобъемлющей региональной политикой Китая. Географическое положение Центральной Азии стало важной частью этого проекта. Китай стал важным поставщиком торговых, экономических инвестиций, технологий и экономических средств для государств Центральной Азии. С этой целью он инвестирует средства в реализацию инфраструктурных проектов в странах Центральной Азии. Это способно изменить баланс сил в регионе.

Российский центральноазиатский проект, подробно рассмотренный в разделе «Политика России в Центральной Азии», основан на экономической, политической и военной интеграции; его базовая идея — регионализация на постсоветском пространстве. После распада Советского Союза Россия начала проводить интеграционную политику на постсоветском пространстве по инициативе Содружества независимых государств (СНГ). В 1995 г. было подписано соглашение о Таможенном союзе между Россией, Беларусью и Казахстаном. Это был первый шаг к экономической интеграции. В 1996 г. к Таможенному союзу присоединился Кыргызстан, в 1999 г. — Таджикистан, тогда же страны подписали Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве (ЕЭП). В 2000 г. было образовано Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), а в 2010 г. возобновлен Таможенный союз между Россией, Казахстаном и Беларусью. В 2014 г. был подписан Договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В настоящее время членами Союза являются Россия, Казахстан, Армения, Беларусь и Кыргызстан. Тот факт, что только две региональные страны являются членами Союза, делает оценку успешности этого объединения преждевременной.

Наряду с экономической интеграцией страны налаживали сотрудничество в военной сфере и в сфере безопасности. В 2002 г. была создана Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в которую вошли Россия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Армения. Наконец, стоит отметить такой важный интеграционный проект в сфере безопасности, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в которую входят Россия, Китай, Индия, Пакистан и центральноазиатские страны за исключением Туркменистана. Гражданская война в Таджикистане, вызванная уязвимостью региональной безопасности, была завершена созданием этой организации в 2001 г.

Три глобальных стресс-теста и их влияние на Центральную Азию. После терактов 11 сентября 2001 г. военное вмешательство Америки в Афганистан повысило значение стран Центральной Азии в борьбе с международным терроризмом. Американское присутствие в регионе возросло. Соединенные Штаты разместили в Кыргызстане и Узбекистане военные

базы, что стало для этих стран, граничащих с Афганистаном, практически гарантией безопасности. Поддержка США со стороны России и других стран региона в этот период, несомненно, сыграла важную роль в борьбе с терроризмом. Американские военные базы были закрыты в 2005 г. в Узбекистане и в 2014 г. в Кыргызстане.

Первый стресс-тест на глобальную безопасность привел к еще большему военному вмешательству в Ирак. Создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в 2001 году и организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в 2002 году стали важными шагами для обеспечения безопасности Центральной Азии. С эвакуацией американских военных баз только российские военные базы в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане поддерживают региональную безопасность в Центральной Азии.

Второй стресс-тест для мировой системы — глобальный финансовый кризис в 2008 г. Этот кризис имел серьезные негативные последствия для центральноазиатских государств и региона в целом. Падение мировых цен на энергоресурсы и снижение импорта энергоресурсов европейскими странами негативно повлияли на экономики Туркменистана и Казахстана, которые являются важнейшими странами — экспортерами энергоресурсов региона. Кроме того, вопрос определения цен на энергоресурсы в российско-туркменских отношениях и вопрос предоставления второго гражданства русскоязычному населению в Туркменистане стали предметом переговоров в отношениях двух стран.

Последствия этого кризиса были глубже для Таджикистана и Кыргызстана — самых слабых стран региона, экономика которых зависит от России, в частности от денежных переводов трудовых мигрантов, работающих в России. В меньшей степени пострадали экономики Казахстана и Узбекистана.

Было отмечено, что третий стресс-тест, пандемия COVID-19, углубляет проблемы либерально-капиталистической системы. Можно сказать, что COVID-19 оказал ускоряющее воздействие на переходный процесс от либерально-капиталистической системы к новому миропорядку, который в настоящее время прогнозируется с помощью различных подходов, таких как многополярный, многосторонний или мультиплексный. Пандемия так или иначе оказала влияние на все страны Центральной Азии как в экономической, так и в социально-политической сферах. С того момента, как начал распространяться коронавирус, все страны закрыли свои границы. С разработкой вакцин, которые начали выпускаться в рамках борьбы с вирусом и его распространением, выявился новый тип дипломатии: государства наращивают свое региональное влияние в таком новом измерении, как их поставка. Например, тот факт, что Россия становится основным поставщиком вакцин в Центральной Азии, несомненно, в будущем укрепит ее позиции в регионе.

В странах Центральной Азии данные мониторинга заболеваемости вирусом относительно непрозрачны. Например, в Туркменистане ни в 2019 г., ни в 2020 г., по сообщениям властей, «случаи заболевания COVID-19 не зарегистрированы. Вместе с тем в стране введены масочный режим и ряд ограничений на работу транспорта, торговли, общепита, сервиса и т.д.»²⁹⁰, а в начале 2021 г. президент Г. Бердымухамедов дал указание обеспечить граждан вакциной. Это, с одной стороны, можно рассматривать как результат того, что страна управляется закрытым режимом, а с другой стороны, это может привести к манипулированию данными о заболеваемости.

Согласно имеющейся статистике²⁹¹, в 2020 г. во всех странах региона ожидалось снижение ВВП на несколько процентов: от 5,5% в Кыргызстане до 1,8% в Туркменистане. В 2020 г. общая сумма переводов из России в страны Центральной Азии (за исключением Туркменистана) уменьшилась на 1427 млн долл. по сравнению с 2019 г.: в Таджикистан на 32%, в Казахстан на 12%, в Кыргызстан на 12,5% и в Узбекистан на 6%, потому что «миллионы остались без работы, без защиты и в затруднительном положении, что имело серьезные последствия для экономик стран происхождения»²⁹². При этом в 2019 г. пандемия не только не смогла ослабить «Один пояс, один путь», но и способствовала повышению его значимости. Согласно статистике китайской таможни²⁹³, объем двусторонней торговли между Китаем и странами Центральной Азии (без учета Туркменистана) в первой половине 2020 г. составил всего 13,78 млрд долл., что на 27,3% меньше, чем годом ранее; среди них импорт из Центральной Азии составил 6,16 млрд долл., что на 9% меньше, чем в предыдущем году; а экспорт в Центральную Азию составил 7,616 млрд долл. — на 29% меньше показателя предыдущего года.

Влияние российского, китайского и американского проектов на международные отношения в Центральной Азии: дилеммы. Центральноеазиатские политические элиты почти каждое десятилетие, со времени обретения независимости, находились под влиянием глобальных и региональных кризисов, поэтому стояли перед дилеммой: либо выбирать один из процессов (безопасность, глобализация, регионализация), либо быть втянутыми в кризис,

²⁹⁰ В Туркмении, где официально нет COVID-19, поручили начать вакцинацию // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210129/koronavirus-1595064308.html> (дата обращения: 06.08.2021).

²⁹¹ Иманбекова Н., Хасанова С., Экономика и Covid-19 в Центральной Азии // CAA Network. 02.08.2020. URL: https://www.caa-network.org/archives/19734?fbclid=IwAR15222tM2kLeodh55EG1kBQ3V93i2OwcKPfzaEKuvmfVCHZyyjt_TpZCSg (дата обращения: 04.08.2020).

²⁹² Россия и Китай в Центральной Азии: геополитика и вакцинная дипломатия. Дайджест // Региональная аналитическая сеть Центральной Азии: продвижение мысли, знаний и амбиций. 23.02.2021. URL: <https://www.caa-network.org/archives/21472/rossiya-i-kitaj-v-czentralnoj-azii-geopolitika-i-vakczinnaya-diplomatiya-dajdzhest> (дата обращения: 08.06.2020).

²⁹³ Как коронавирус повлиял на проекты «Пояса и пути» в Центральной Азии: взгляд из Китая // CAA Network. 23.02.2021. URL: <https://www.caa-network.org/archives/21493/kak-koronavirus-povliyal-na-proekty-poyas-i-put-v-czentralnoj-azii-vzglyad-iz-kitaya> (дата обращения: 03.03.2020).

не предпочтя ни один из них. Достижение экономического роста путем обеспечения безопасности было главной целью региональных лидеров.

В результате проведения политики великих держав, таких как США, Китай и Россия, и второстепенных держав, таких как Турция, Иран и Япония, и трансформации мировой системы в Центральной Азии возникли различные дилеммы в качестве политических вариантов. Иван Сафранчук²⁹⁴ классифицирует эти дилеммы следующим образом:

- 1) реформы — внутренняя безопасность;
- 2) региональное сотрудничество — секьюритизация;
- 3) международная диверсификация — внешняя безопасность;
- 4) глобализация — регионализация;
- 5) экономическое развитие — геополитика.

Первая дилемма состоит в том, что в 1990-е годы центральноазиатские государства должны были, с одной стороны, обеспечивать свою внутреннюю безопасность; с другой — в них шли процессы формирования национальной и государственной идентичности. Этому должны были способствовать проводимые в этих странах реформы. Основным фактором, определяющим внутреннюю и внешнюю политику безопасности постсоветских республик Центральной Азии, была Гражданская война в Таджикистане и ее влияние на регион.

США и другие западные государства в Центральной Азии и на Южной Кавказе в течение 1990-х годов проводили внешнюю политику в основном в энергетической сфере. Центральноазиатские государства в той или иной степени находились под влиянием этой политики. Приоритет внутренней безопасности и стабильности ограничивал масштабы реформ, они могли проводиться до определенных пределов. Это дилемма «реформы против внутренней безопасности». В этот период региональные элиты пытались одновременно и проводить внутренние реформы, и решать внешнеполитические региональные проблемы, такие как пограничные конфликты, сохранение региональной безопасности и разделение водных ресурсов.

Независимая позиция государств в решении региональных проблем в сочетании с необходимостью балансирования между реформами и внутренней безопасностью привели в конце 1990-х годов ко второй дилемме: «региональное сотрудничество — секьюритизация». Отсутствие внутрирегиональных многосторонних механизмов между новыми республиками Центральной Азии обусловлено прежде всего их разобщенностью и неспособностью действовать сообща. Региональные лидеры не смогли объединиться вокруг общей политики,

²⁹⁴ Эта часть написана с использованием материала Ивана Сафранчука. См. подробнее: Safranchuk I. *Central Asian Regimes: Stability and Reform* // *Eurasia on the Edge: Managing Complexity*. Ed. by Piotr Dutkiewicz, Richard Sakwa, and Fyodor Lukyanov with Richard Burchill and Timofei Bordachev. New York, London: Lexington Books, 2018. P. 181.

что, в свою очередь, препятствовало непрерывности нужных реформ. В период мирового финансового кризиса и военного присутствия США в Афганистане государства укрепили свои представления о безопасности, как внутренней, так и внешней, так и не разрешив эти две дилеммы. Внешние страны играли решающую роль в сохранении безопасности через военные базы. Поэтому реформы не были реализованы до конца.

Третья дилемма — «международная диверсификация — внешняя безопасность». В 2008 г. наряду с финансовым кризисом в Центральной Азии наблюдалось столкновение явлений глобализации и регионализации²⁹⁵. Кризис 2008 г. нанес ущерб экономикам всех стран, а Россия ответила ускорением интеграции постсоветских республик в Евразийский экономический союз. Основанный на регионализации постсоветского пространства, этот проект является важным шагом против глобализации экономик центральноазиатских стран со стороны США и китайского проекта «Один пояс, один путь». В 2010-е годы государствам Центральной Азии пришлось выбирать свой путь развития: глобализация в сотрудничестве с Китаем/США либо регионализация под эгидой России. То есть Россия дала региону альтернативу регионализации, а США и Китай предложили разные модели глобализации. Это выявило дилемму «глобализации — регионализация». Здесь глобализация означает открытие экономик региональных стран для мировых рынков, а проект регионализации — альтернативную региональную структуру под эгидой России через создание единого экономического блока.

После финансового кризиса и до 2014 г. в Центральной Азии набирал обороты процесс, в котором все больше негосударственных субъектов проводили политику, специфичную для региона, в то время как крупные державы пытались включить государства региона в различные глобальные и региональные проекты. В результате возникла новая, пятая, дилемма: «экономическое развитие — геополитика», могут ли региональные страны стать с экономической точки зрения мощными, не сделав геополитического выбора между США, Россией, Китаем? Могут ли центральноазиатские государства обеспечить свое экономическое развитие с помощью какого-либо проекта, вытекающего из глобализации или регионализации? По словам И. Сафранчука, «с 2008 по 2014 г. назревали поиски де-геополитизации центральноазиатской повестки дня. Предполагалось, что геополитический нейтралитет будет способствовать экономическому росту; идея заключалась в том, чтобы отделить экономические проблемы от (гео)политизации. В современных условиях экономическому росту не обязательно способствует геополитический нейтралитет. Хуже

²⁹⁵ Сафранчук И.А. Указ. соч. С. 76.

того, геополитический нейтралитет может помешать экономическому сотрудничеству с некоторыми крупными иностранными партнерами»²⁹⁶.

Для постпандемического будущего Центральной Азии очень важен ответ на вопрос, в какой концепции будет развиваться в ближайшем будущем региональная политика таких стран, как Россия, Китай, США, Индия, Япония, арабские страны, Турция и Иран. Интерес США к Центральной Азии включает в себя временные и расходящиеся политические цели, в то время как китайский «Один пояс, один путь» и российский проект Евразийской экономической интеграции направлены на создание альтернативного будущего для Центральной Азии.

Международные отношения в Центральной Азии зависят от развития мировых политических процессов и ряда дилемм. Политика России в Центральной Азии способна в значительной степени определять политическое и экономическое будущее региона. С точки зрения международных отношений в Центральной Азии Турция и Россия являются важными внешними странами в регионе. В процессе развития их двусторонних отношений регион стал одной из площадок, где пересекаются их интересы двух стран. По этой причине рассмотрим сначала российско-турецкие отношения, затем оценим региональную политику России и Турции в контексте сотрудничества и соперничества в Центральной Азии.

2.2.3. Роль Центральной Азии в глобальных процессах

Понятие Центральной Азии как региона, в состав которого входят пять независимых государств (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), возникло после распада Советского Союза. Расположенный в центре Евразии, Центрально-Азиатский регион имеет с геополитической точки зрения большое значение в направлениях Восток — Запад и Север — Юг. Эта особенность сложилась исторически, так как по территории Центральной Азии пролегали важные торговые сухопутные пути. Аналогично и сегодня регион находится в центре глобальных и региональных проектов. В связи с этим, если провести концептуализацию в современных условиях, то в Центрально-Азиатском регионе пересекаются проекты великих держав — США, России и Китая. Региональные и внешние державы, такие как Южная Корея, Турция, Иран, Япония и др., проявляют интерес к расширению своего влияния в регионе через экономические отношения.

Евразийский континент, в центре которого расположен регион, представляет собой неоднородное пространство, где есть и великие державы, такие как Россия, Индия, Китай, и региональные, как Иран, Турция, с разными идеологиями и разными идентичностями.

²⁹⁶ Safranchuk I. Op. cit. P. 192-193.

Несомненно, что каждое государство на континенте имеет свою собственную евразийскую перспективу. По словам Р. Берчилла и Ф. Лукьянова, «Если Евразию рассматривать как пространство, возглавляемое Россией и Китаем, то, во-первых, Евразия уже никоим образом не является периферией. Она перестает быть объектом воздействия. Во-вторых, его роль как хранителя стабильности в мире растет по мере того, как стабильность становится все более дефицитной и прежние западно-центрические рецепты больше не работают. В-третьих, старые геополитические схемы работают по-новому, поскольку эпоха глобализации, взаимосвязи и взаимозависимости исключает прежние формы соперничества»²⁹⁷.

Если исходить из общего определения, что «только два океана, Атлантический и Тихий, кажутся наблюдателю видимыми — потому что жизнь человечества в Евразии в основном сосредоточена на берегах этих океанов; таким образом, Евразию можно описать либо как внутренне связанную массу земли, либо как архипелаг с его островами, соединенными морем»²⁹⁸, то отсутствие в Центральной Азии морского побережья с геополитической точки зрения является, пожалуй, одним из главных препятствий для развития региональных государств, окруженных такими странами, как Россия, Китай, Иран и Пакистан. Учитывая, что Каспийское море — внутреннее, центральноазиатские государства имеют выход к морю, а соответственно и возможности морских перевозок, только через эти страны. Это усиливает зависимость региональных государств от соседей, их роль в создании торговых и энергетических маршрутов сводится к сухопутному транзиту.

Тридцать лет назад республики Центральной Азии стали независимыми государствами в границах, установленных в составе СССР в 1920—1930-е годы. Для легитимации нового независимого существования и консолидации общества центральноазиатские элиты проводили активную внутреннюю политику идентичности и нациестроительства. В новом региональном порядке и вновь определенном регионе центральноазиатские страны получили возможность влиять на мировую политику независимо от российского государства, как это было на протяжении веков.

Однако регионализация Центральной Азии на институциональном уровне осуществляется через внешнее именование, а не через общую потребность региональных стран. Поэтому встречаются и такие названия региона, как «постсоветское пространство» и «Средняя Азия и Казахстан».

Тот факт, что в целом страны Центральной Азии проводят многостороннюю внешнюю политику независимо друг от друга, создает, наряду с особенностями их географического

²⁹⁷ Burchill R., Lukyanov F., Introduction // *Eurasia on the Edge: Managing Complexity*. Ed. by Piotr Dutkiewicz, Richard Sakwa, and Fyodor Lukyanov with Richard Burchill and Timofei Bordachev, New York, London: Lexington Books, 2018. P. 2.

²⁹⁸ Silaev N., Sushentsov A. Op. cit. P. 7-8.

положения, обширное пространство для маневра между внешними игроками. Это приводит к активной борьбе за сферы и степень влияния великих и средних держав за пределами региона в разных областях, с разной политикой и материальными ресурсами. То, как страны региона используют открывающиеся при этом возможности, зависит от маневренности исполнительной местных элит. Правящие элиты демонстрируют свои достижения во внешней политике в двух областях: добыча энергетических ресурсов и их транспортировка потребителям. С этой точки зрения в регионе реализуется множество энергетических и торговых проектов, среди которых:²⁹⁹

- транспортировка газа из Туркменистана через Афганистан в Пакистан и Индию (ТАПИ);
- энергопроект «Центральная Азия — Южная Азия» (CASA 1000);
- транспортные коридоры (включая железные дороги) Таджикистан — Афганистан — Туркменистан и Таджикистан — Афганистан — Иран; маршрут Индия — Иран — Афганистан через порт Чабахар;
- транспортный коридор Афганистан — Туркменистан — Азербайджан — Грузия — Турция («Лазуритовый коридор», Торгово-транспортный маршрут);
- транспортный коридор Мьянма — Бангладеш — Индия — Пакистан — Афганистан — Центральная Азия («Южный коридор»);
- китайская инициатива «Один пояс, один путь».

Политическая структура центральноазиатских государств, за исключением Кыргызстана, авторитарна, и во всех них клановые или семейные структуры активно влияют на систему управления. Возможно, это самая важная их общая черта. Во всех государствах идут процессы восстановления национальной идентичности. Население центральноазиатских стран, за исключением Таджикистана, — народы тюркоязычного мира.

С другой стороны, между странами Центральной Азии существует много характерных различий. В частности, их население различается как по структуре, так по культурным традициям, которые во многом определяются принадлежностью современных граждан к потомкам кочевых либо некочевых народов, населявших территорию современной Центральной Азии. Экономическая структура стран также разная. Хотя государственные системы управления демонстрируют сходные характеристики, это пока не способствует сближению государств: не создано механизмов для решения общих проблем, таких как межнациональные столкновения, неурегулированные пограничные споры, соперничество из-за водных и энергоресурсов, наркотрафик, рост радикальных исламистских движений,

²⁹⁹ Safranchuk I. Afghanistan's Political Future and Its Role in Eurasian Cooperation // India Quarterly. 2019. Vol. 75. № 1. P. 15-16.

представляющих угрозу безопасности. Все это напрямую способствует вмешательству внешних сил в региональную повестку, а также росту гегемонистских тенденций. Борьба за влияние в регионе продолжается.

Казахстан и Узбекистан в социально-экономическом, политическом и военном плане являются сильнейшими странами региона. Не исключено, что между ними есть конкуренция за возможное региональное лидерство, но есть и множество областей для сотрудничества. Обе страны проводят многовекторную внешнюю политику, однако их приоритеты дифференцированы. Внешняя политика Казахстана более ориентирована на сотрудничество с Россией. Он является первым членом всех многосторонних организаций, созданных под руководством России. Узбекистан с обретения независимости до настоящего времени скептически относится к интеграционным региональным проектам. Его членство в некоторых организациях, если и состоялось, то не было постоянным.

Кыргызстан и Таджикистан самые экономически слабые, малочисленными и наиболее зависимые от России страны. Значительную часть их ВВП составляют денежные переводы трудовых мигрантов из России. В Кыргызстане все еще господствует клановая структура общества, что является самым большим препятствием для политической стабильности. Правда, Кыргызстан — самое демократическое государство в Центральной Азии, однако это приводит к периодическим революциям в стране. В Таджикистане после гражданской войны в 1990-х годах с 2000-х годов наступила политическая стабильность.

Туркменистан с 1990-х годов проводит нейтральную и закрытую внешнюю политику. Нейтралитет Туркменистана как официальный статус признан Организацией Объединенных Наций. Страна богата природными ресурсами, которые использует в рамках двусторонних отношений с Россией и Китаем. Эти ресурсы также гарантируют нейтралитет страны. Такой внешнеполитический курс Туркменистана может сохраняться в той мере, в какой страна обеспечивает непрерывность экспорта энергоносителей.

От государств с подобными культурными особенностями ожидается, что они легче интегрируются. Однако для этого необходимо обеспечить общее историческое прошлое. В Центральной Азии ситуация несколько иная: за весь период независимости не получилось собрать пять стран региона в одном проекте интеграции, хотя попытки и предпринимались³⁰⁰: Центральноазиатское сотрудничество (ЦАС), Центральноазиатское экономическое сотрудничество (ЦАЭС) и Организация центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС). Таким образом, региональная идентичность этими странами еще не построена, процесс формирования национальной идентичности продолжается. Кроме того,

³⁰⁰ Сухроб Р. Центральная Азия — несложившаяся интеграция // Central Asian Analytical Network (CAAN). 04.06.2020. URL: <https://www.caa-network.org/archives/19909> (дата обращения: 12.11.2021).

двусторонние отношения между государствами региона недостаточно развивались на высшем уровне. Это создает трудности при определении Центральной Азии как региона. И хотя в Центральной Азии действует ряд многосторонних организаций с участием региональных стран (ЕАЭС, ШОС, «Тюркский совет» / Организация тюркских государств), но эти организации созданы под руководством таких стран, как США, Россия, Китай и Турция, то есть внешних сил.

Глобальное и региональное значение Центральной Азии сохраняется также из-за угроз безопасности, исходящих от этого региона. Проблемы безопасности резко обозначились после обретения странами региона независимости, которая в 1990-х годах привела к масштабной гражданской войне в Таджикистане. В Узбекистане в 1999—2001 гг. радикальные исламисты — члены таких организаций, как ИДУ (запрещено в РФ), не раз организовывали вооруженные выступления, что грозило серьезной дестабилизацией в Ферганской долине. В результате военного вмешательства США в Афганистан угрозы безопасности, идущие из региона, возросли и сохраняются до настоящего времени. Надо отметить, что в Узбекистане до 2010-х годов была обеспечена внутренняя безопасность, хотя присутствие радикальных исламистских движений сохранилось. Тот факт, что через Центральную Азию проходят маршруты торговли наркотиками, также увеличивает угрозы.

Для обеспечения безопасности евразийского пространства в целом при содействии внешних сил в Центральной Азии поддерживается региональный статус-кво: великие державы устанавливают свои отношения с региональными государствами через авторитарных лидеров, а воздействие мягкой силой оказывается в той мере, в какой это разрешается лидерами. Такая структура выявила региональную иерархическую и гегемонистскую структуру, в которой определенные государства первенствуют в определенных областях. Например, региональная безопасность обеспечивается Россией через военные базы, расположенные в регионе, в то время как Китай развивает двусторонние отношения со странами региона в основном за счет экономических инвестиций. Арабские страны пытаются быть активными в регионе посредством религиозной пропаганды, в то время как Турция проводит эффективную политику в экономической, образовательной и культурной областях.

Итак, Центральная Азия — важный регион меняющегося миропорядка с точки зрения своего геополитического значения, энергетических ресурсов, угроз региональной безопасности. Ослабление либерально-капиталистической и однополярной мировой системы, укрепление Евразийского континента как экономического и политического центра в системе международных отношений открывают возможности для великих держав, таких как Россия и Китай, стать более влиятельными в мировой политике. В то же время

Центральная Азия является центром борьбы второстепенных стран (средних держав), таких как Турция, Иран, Арабские страны и др., за влияние. Иными словами, в XXI веке кто больше влияет на Центральную Азию, тот усиливает свой статус в международной системе. На этом фоне на Центрально-Азиатский регион напрямую влияют многополярность международной системы и глобализация.

Выводы к главе

Эволюция международной системы от однополярной структуры к неопределенной многополярной структуре вызывает много вопросов. Один из них — о структурных изменениях в отношениях средних держав с незападными великими державами. Российско-турецкие отношения являются примером таких отношений: они отражаются на процессах стабилизации общих интересов в балансе сотрудничества и соперничества. Однако структурные проблемы в российско-турецких отношениях создают препятствия для их стабильного развития. Прежде всего, у государств разные статусы в международной системе. Более того, у обеих стран есть ряд проблем в связи с глобальными и региональными событиями в отношении стабильного сохранения этих статусов. Хотя Россия является великой державой, с одной стороны, она бросает вызов либерально-капиталистической системе во внешней политике, а с другой — строит свой статус великой державы как внешнеполитическую идентичность. Есть много аргументов в пользу того, чтобы Россия считалась великой державой. Данный статус подтверждается ее военно-экономическим потенциалом, географическим положением и численностью населения, участием в международных организациях и независимым осуществлением региональных интеграционных проектов в военно-экономической сфере на постсоветском пространстве. Эта ситуация становится важной альтернативой во внешней политике для средних держав, традиционно выступающих союзниками западных стран.

Турция в международной системе является средней державой. Материальные ресурсы страны, активная внешняя политика в решении региональных задачах поддерживают этот статус. Однако проблемы в отношениях с западными странами в последние годы становятся важной основой для развития отношений Турции с незападными великими державами, такими как Россия. Судя по уровню сотрудничества и соперничества, в этом контексте многополярность международной системы имеет ряд положительных и отрицательных последствий для турецкой внешней политики. Турция принимает более активное участие в решении региональных вопросов и разрабатывает общие механизмы решения проблем. Несомненно, это наносит ущерб союзу с западными странами и участию в институтах, что со

времен холодной войны было одним из важнейших принципов внешней политики Турции. Турецкое руководство из-за проблем с западными странами ищет различные направления военно-экономического и политического партнерства. Роль России на этом фоне повышается. Российско-турецкие отношения развиваются во многих областях и на разных уровнях. В 1990-е годы двусторонние отношения развивались в основном в экономической сфере, главным образом в энергетике. С 2000-х годов взаимоотношения перешли на два уровня: глобальный и региональный.

Параллельно с ослаблением американской гегемонии Россия и Турция стали принимать более активное участие в решении проблем Центральной Азии, что обусловило их партнерство. С другой стороны, это партнерство иногда приводит к тому, что более слабое государство асимметрично зависит от сильного. Если оценивать ситуацию с точки зрения подходов к балансированию и *bandwagoning*, то можно констатировать, что Турция использует Россию как элемент балансирования в отношениях с Западом, а с другой стороны — напрямую сближается с ней, чтобы избежать возможной угрозы безопасности с ее стороны.

Сирийский кризис и общие механизмы его урегулирования знаменуют собой новую эру в региональном измерении отношений между Турцией и Россией. В настоящее время интересы обеих стран пересекаются в таких регионах, как Ближний Восток, Черноморский регион, Южный Кавказ, Северная Африка и Центральная Азия, причем доминируют элементы соперничества.

Центральная Азия возникла как независимый регион на постсоветском пространстве после распада Советского Союза. Здесь происходит борьба за глобальное и региональное влияние. Регион богат природными ресурсами, в то же время несет угрозу безопасности региональному и глобальному порядку из-за напряженности в Афганистане и проблем формирования национальной идентичности государств региона. Все это и прочие факторы стали причиной того, что регион стал ареной борьбы для нерегionalных игроков. Кроме того, слабость механизмов сотрудничества между государствами региона приводит к тому, что они решительно следуют многостороннему пути в своей внешней политике.

Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан имеют статус малых держав, если оценивать их с точки зрения иерархии власти в международной системе. Это обусловлено нехваткой у этих государств материальных ресурсов и их зависимостью от поддержки внешних сил, а также тем, что безопасность региона полностью зависит от России. С географической точки зрения Центральная Азия становится центром проектов глобализации и регионализации великих держав. Наиболее экономически мощные внешние страны в регионе — Россия и Китай. Политика Америки по глобализации региона через

Европу, китайский проект «Один пояс, один путь» и проекты экономической и военной интеграции России на постсоветском пространстве превращают Центральную Азию в центр соперничества и создают проблему акторности в регионе. Эти проекты также ставят дилеммы перед национальными властями. С другой стороны, такие средние державы, как Турция и Иран, проводят в регионе свою политику — в большей степени «мягкой силы» и в экономической сфере. В тени глобальных кризисов и этих проектов малые державы Центральной Азии превратились в зону глобальной и региональной борьбы с участием многих действующих игроков.

ГЛАВА 3. ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

3.1. Политика России в Центральной Азии

Регион Центральной Азии является важным регионом для экономических, политических, региональных и глобальных интересов России. Расположенный в центре Евразийского континента, этот регион имеет для России стратегическое и геополитическое значение. Экономические и торговые связи России с центральноазиатскими государствами осуществляются через ее сухопутную границу с Казахстаном. В то же время торговые пути и трафик энергоресурсов из региона в другие страны исторически проходят через Россию.

С исторической точки зрения Центральная Азия — регион русского наследия. В XIX и XX веках народы Центральной Азии обрели свою национальную идентичность, были установлены межгосударственные границы, повысилась роль национальных языков. К концу 1990-х годов Россия отказалась от прозападных внешнеполитических приоритетов и стала проводить внешнеполитический курс на основе доктрины Примакова, одним из приоритетов которой «провозглашалось укрепление влияния на постсоветском пространстве, создание интеграционных проектов, в которых бы Россия играла ведущую роль»³⁰¹. Один из пяти фундаментальных факторов этой доктрины — «Признание российского первенства на постсоветском пространстве и в Евразии имеет основополагающее значение для всех дипломатических инициатив в отношении России»³⁰². Это стало поворотным моментом в отношениях России с центральноазиатскими странами. Немаловажные факторы внешнеполитического поворота России в направлении Центральной Азии — сложившаяся как историческое наследие экономическая, политическая и военная зависимость региона от России, а также оставшееся в регионе после СССР русскоязычное население.

В настоящее время Центральная Азия является приоритетным направлением российской внешней политики. Каждое государство региона в той или иной степени участвует в интеграционных проектах, формирующих будущий мировой порядок. Если говорить о будущей евразийской целостности, то в центре этой неоднородной целостности находится Центральная Азия. Россия является одним из самых мощных государств, влияющих на международные отношения в регионе. Независимые республики, естественно, зависят от России, однако, несмотря на это, центральноазиатская политика

³⁰¹ Куприянов А. Прагматичный реалист: почему доктрина Примакова актуальна и сейчас // Известия. 29.11.2019. URL: <https://iz.ru/937080/aleksei-kupriyanov/pragmatichnyi-realist-pochemu-doktrina-primakova-aktualna-i-seichas> (дата обращения: 11.09.2021).

³⁰² Доктрина Примакова и возвращение России на мировую арену. 06.11.2019. URL: <http://inosmi.info/doktrina-primakova-i-vozvraschenie-rossii-na-mirovuyu-arenu.html> (дата обращения: 11.09.2021).

таких внешних сил, как США, Китай, Индия, Турция и Иран, дает региональным государствам возможность маневрирования между ними во внешней политике. Благодаря этому создается региональная конкуренция. В таких областях, как региональная безопасность, военно-техническое сотрудничество, Россия выступает региональным гегемоном. Развитие, успех и преемственность российской региональной политики — важные факторы сохранения Россией статуса великой державы в международной системе.

После распада Советского Союза пятнадцать бывших республик СССР провозгласили независимость. Для этих государств первое десятилетие независимости, до конца 1990-х годов, стало периодом формирования их государственности во внутренней и внешней политике. Для Российской Федерации с геополитической точки зрения это было время потерь. Россия утратила стратегическое превосходство в регионе Черного моря, потеряла Балтийский, Центрально-Азиатский и Южно-Кавказский регионы. В результате вокруг страны появились новые нестабильные регионы и зоны вооруженных конфликтов, которые воспринимались российским руководством как угроза территориальной целостности страны. В этот период перед российской политикой встала еще одна проблема: около 30 млн русскоязычного населения осталось на постсоветском пространстве.

В декабре 1993 г. после референдума была принята новая Конституция Российской Федерации. Российская Армия, точнее Министерство обороны и Вооруженные силы Российской Федерации, официально были образованы 7 мая 1992 г. В 1996 г. Борис Ельцин был избран президентом России на второй срок подряд и управлял страной до конца 1990-х годов. Как показатель политической нестабильности при президентстве Ельцина — за период 1996—2000 гг. сменилось пять премьер-министров. За время нахождения Ельцина у власти в стране не были решены проблемы ни в политической, ни в экономической, ни в социальной сферах.

Серьезным вызовом для внутренней безопасности России в 1990-х годах стала угроза националистических сепаратистских движений в бывших республиках Советского Союза. Различные националистические движения активизировались в республиках еще в составе СССР в конце 1980-х годов, с началом объявленной Горбачевым «перестройки». В частности, деятельность чеченских сепаратистов привела к распаду в 1991 г. Чечено-Ингушской АССР и образованию самопровозглашенной Чеченской Республики — государства, не признанного ни одной страной, включая Россию. Нарастание внутривнутриполитического кризиса, вооруженные стычки с оппозицией, криминализация всех сфер жизни в Чечне привели в 1993 г. к гражданской войне, которая грозила дестабилизацией всего региона. В начале декабря 1994 г. начался ввод российских войск на территорию Чечни (официально — операция по восстановлению конституционного

порядка). Однако, несмотря на военную операцию против чеченских сепаратистов, проблема не была решена. В августе 1996 г. было подписано соглашение о перемирии, известное как Хасавюртовские соглашения. Неспособность России разрешить конфликт путем военного вмешательства говорит об ослаблении российской армии в тот период. Решение проблем, в том числе о статусе республики, было отложено до 2001 г. Российские войска были выведены с территории Чечни. За годы перемирия в Чечне на фоне разрушенной экономики и политической дестабилизации резко возросла организованная преступность, насилие, распространение наркотиков. Усиление радикально-исламистских движений и рост террористических бандформирований, поддерживаемые зарубежными странами, заинтересованными в дестабилизации прилегающих регионов, участвовавшие масштабные теракты как в самой Чечне, так и соседних республиках, — все это привело ко второй Чеченской войне (август 1999 — апрель 2009). Поводом для нее стало вторжение боевиков в Дагестан с территории Чечни в августе 1999 г.

Зоны вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве — войны в Чечне и Приднестровье, карабахский конфликт между Азербайджаном и Арменией, Гражданская война в Таджикистане — заставили Россию активизировать свою политику в сфере безопасности и сохранения территориальной целостности.

Кроме того, после распада советской экономической системы единая рублевая зона между постсоветскими республиками также была ликвидирована. Новые республики перешли к национальным валютам.

Внешняя политика России в 1990-е годы претерпевала трансформацию. Если российское руководство было вынуждено при вмешательстве в гражданскую войну в Таджикистане приводить проатлантическую внешнеполитическую линию, то ко второй половине 1990-х годов критика атлантизма в среде политиков стала звучать все громче³⁰³. Стремление стать частью Европейского мира преобладало в российской внешней политике довольно кроткий период и потом было оставлено. Когда Евгений Примаков стал министром иностранных дел (1996—1998) и премьер-министром (1998—1999), он изменил внешнеполитический вектор России, направив его на ближнее зарубежье. Согласно доктрине Примакова, в российской внешней политике, проводимой в контексте многополярной мировой системы, приоритетным направлением должно быть в первую очередь ближнее зарубежье. С начала 1993 г. внешняя политика России приобрела доктринальный характер. Тогда же по указу президента были разработаны Основные принципы внешней политики, в 1993 г. на этих принципах была составлена Военная доктрина Российской Федерации,

³⁰³ Барсенков А.С. История России. 1917—2009. 34-е изд. расш. и перераб. М.: Аспект. 2010. С. 756.

анонсировавшая военные приоритеты страны. В 1997 г. была представлена Концепция внешней политики Российской Федерации.

До конца 1990-х годов российская политика на постсоветском пространстве активировалась. Под руководством России в политической и экономической областях и в сфере безопасности были созданы международные организации, ставшие основной базой институционализации российской внешней политики на постсоветском пространстве, в том числе в Центральной Азии. Наиболее известные из них — Содружество независимых государств (СНГ) и Соглашение о коллективной безопасности, или Ташкентское соглашение (далее ОДКБ). В экономической сфере созданный в 2010-х годах сначала Таможенный союз (ТС), а потом Евразийский экономический союз (ЕАЭС) явились базами к евразийской экономической интеграции. Соглашение о создании союзного государства с Белоруссией — одно из важных интеграционных соглашений между двумя государствами на постсоветском пространстве, но в настоящее время переговоры по этому соглашению все еще продолжаются.

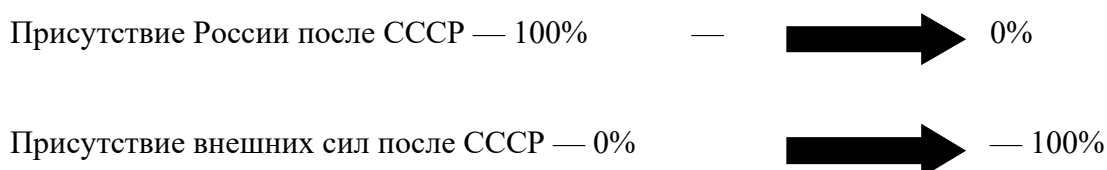
3.1.1. Формирование российской политики в Центральной Азии

После распада СССР бывшие республики советской Средней Азии (Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) а также Казахстан провозгласили независимость. В новый период в современных исследованиях вместо наименования «Средняя Азия и Казахстан» для обозначения этого региона чаще пользуются названием «Центральная Азия».

Значение Центрально-Азиатского региона для России многомерно. Прежде всего, он является естественным выходом на территории к востоку и югу от границ России. Поэтому регион стал важным геополитическим пространством для национальной безопасности России, ее экономических и военных интересов, а также политического будущего. Военно-экономическая зависимость государств Центральной Азии от России демонстрирует ее превосходство в регионе как по природным ресурсам, так и в области наукоемких и военных технологий. Помимо этого, проводить активную политику в регионе Россию обязывают культурно-исторические связи с народами Центральной Азии. Важно и то, что внутренние проблемы в сфере безопасности Центральной Азии напрямую влияют на безопасность России, поэтому в течение 1990-х годов российская политика в Центральной Азии в большей степени формировалась вокруг приоритетов в области военно-политического сотрудничества и в сфере безопасности. Россия играла традиционно ведущую роль в обеспечении безопасности региона.

После распада Советского Союза Россия перестала быть региональным гегемоном в Центральной Азии. Несмотря на то, что у России есть исторические, географические, экономические и культурные основания, чтобы быть ведущим игроком в регионе,³⁰⁴ новые независимые республики начали развивать отношения и с другими средними и великими державами. Можно сказать, что 1990-е годы стали периодом становления многосторонней системы международных отношений в Центральной Азии (см. Схему № 2).

Схема № 2. Присутствие России в Центральной Азии



Это привело к тому, что в течение 1990-х годов наблюдалось ослабление присутствия России в регионе. Итак, центральноазиатскую политику России в 1990-е годы можно разделить на два периода в связи с двумя президентскими сроками Бориса Ельцина: 1991—1996 и 1996—2000 гг.

Первый период (1991—1996). Первую половину 1990-х годов можно назвать периодом дезинтеграции тесных связей, сохранившихся после распада СССР. В этот период приоритетом во внешней политике России была прозападная ориентация, при этом постсоветское пространство, в том числе Центральная Азия, российским руководством практически игнорировалось.

После распада Советского Союза перед Россией встало множество задач, которые необходимо было решить именно на постсоветском пространстве: военное и ядерное присутствие как наследие СССР в бывших республиках, экономический кризис, появление зон вооруженных конфликтов и оставшееся русскоязычное население во всех бывших советских республиках. Основным направлением формирования центральноазиатской политики России в этот период стала сфера безопасности. Россия помогла Таджикистану завершить Гражданскую войну в (1992—1996) с помощью своей 201-й мотострелковой дивизии (201МСД), в подписании соглашения о перемирии решающую роль сыграла именно Россия. Таким образом, в Центральной Азии начался период стабильности по военной сфере, который продлится до настоящего времени. Кроме того, Россия обеспечивала безопасность на границах всех центральноазиатских государств. В этот период не только западные, но и

³⁰⁴ Грозин А.В., Миграян А.А. Евразийская интеграция в Центральной Азии и глобальные геополитические трансформации // Постсоветский материк. 2014. № 3 (3). С. 21.

региональные страны, такие как Иран, Турция и Китай, начали развивать свои отношения со странами Центральной Азии.

В течение 1990-х годов важнейшим партнером для России среди центральноазиатских республик стал Казахстан. Такие факторы, как стратегическое положение Казахстана, его природные ресурсы, положительная интеграционная политика с Россией, привели к активному развитию отношений между двумя странами. Кроме того, Россия и Казахстан совместно решили проблему денуклеаризации Казахстана. Семипалатинский ядерный полигон в Казахстане закрылся 29 августа 1991 г., затем в 1994 г. Казахстан подписал Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО)³⁰⁵. В том же году между Великобританией, Россией и США был подписан Меморандум о гарантиях безопасности Казахстана³⁰⁶. Кроме того, космическая база Байконур в Казахстане была сдана в аренду России на 20 лет по соглашению 1994 г., в том же году между странами был подписан Договор о военном сотрудничестве³⁰⁷. Тогда же Н. Назарбаев высказал идею создания Евразийского союза государств; и хотя в тот период инициатива не стала актуальной, она получила развитие в 2015 г.

В этот период России и бывшим советским республикам удалось перезагрузить свои двусторонние торговые и экономические отношения и связи, которые были ослаблены или утрачены после распада СССР. Были восстановлены также торговые и энергетические маршруты. Отрицательным последствием распада Советского Союза была ликвидация в 1993 г. рублевой зоны, из-за чего все новые республики были вынуждены создать свои национальные валюты. Этот период, который можно также назвать процессом экономической дезинтеграции, позволил формировать двусторонние экономические отношения в новой структуре. Нужно подчеркнуть, что в 1992—1993 гг. товарооборот России со странами Центральной Азии упал почти в 10 раз по сравнению с 1991 г., а в период 1994—1995 гг. оставался на низком уровне³⁰⁸.

Наконец, русскоязычное население (около 30 млн человек) оказалось после распада СССР за границей Российской Федерации. Российское руководство хотело решить эту проблему путем выдачи двойного гражданства в странах их проживания, но такие

³⁰⁵ Соглашение между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы от 26 апреля 1996 года // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3879 (дата обращения: 05.05.2020).

³⁰⁶ Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Республики Казахстан к Договору о нераспространении ядерного оружия (5 декабря 1994 года) // Параграф. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1016870 (дата обращения: 12.06.2020).

³⁰⁷ Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о военном сотрудничестве (Москва, 28 марта 1994 г.) // Параграф. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1010416 (дата обращения: 12.06.2020).

³⁰⁸ Парамонов В.В. Строков А.В., Столповский О.А. Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность / под общей редакцией Парамонова В.В. Бишкек, 2008. С. 14.

соглашения были достигнуты только с Туркменистаном в 1993 г. и с Таджикистаном в 1995 г. Однако в Туркменистане в 2000-е годы двойное гражданство было запрещено. В остальных странах эта задача сохраняет свою актуальность.

Второй период (1995—2000). Постсоветское пространство, в том числе Центральная Азия, стало приоритетом внешней политики Российской Федерации в начале 2000-х. Проблемы национальной безопасности вынудили Россию проводить активную политику в своем ближнем зарубежье. Борьба за политическое влияние также требовала возвращения внимания к Центральной Азии и сохранения связи с постсоветскими республиками.

Первым официальным документом, отразившим изменение приоритетов внешней политики РФ, был подписанный президентом Ельциным Указ от 14 сентября 1995 г. «Об утверждении Стратегического курса РФ с государствами — участниками СНГ»³⁰⁹. В этом документе указано, что постсоветский регион является приоритетом российской внешней политики. Другой значительный шаг в этом направлении — назначение министром иностранных дел Евгения Примакова в 1996 г. Основные принципы его внешней политики получили название доктрины Примакова, согласно которой Россия является одной из великих держав в многополярной системе мировой политики. Как независимый политический центр, Россия должна установить свое региональное влияние в военной и экономической областях и в сфере безопасности на постсоветском пространстве. То есть начался процесс постсоветской интеграции. С точки зрения доктринальных документов СНГ начал становится внешнеполитическим механизмом в постсоветском пространстве. В Концепции национальной безопасности Российской Федерации 1997 г. обозначено, что Россия нацелена на развитие равноправных и взаимовыгодных отношений в составе СНГ³¹⁰. В результате этой трансформации отношения между Россией и республиками Центральной Азии стали развиваться через двусторонние отношения и формирование многосторонних организаций.

Военно-политические отношения России со странами Центральной Азии в этот период были основаны на взаимодействии по обеспечению безопасности внешних границ, военно-техническом и военно-экономическом сотрудничестве. В 1992 г. Россия с Казахстаном и Кыргызстаном подписали Договор о дружбе и сотрудничестве. В 1993 г. к ним присоединился Таджикистан. За этот период укрепились роль России в обеспечении безопасности Центральной Азии. Центральнoазиатские военнослужащие получали

³⁰⁹ Указ Президента Российской Федерации об утверждении стратегического курса Российской Федерации с государствами — участниками Содружества независимых государств от 14.09.1995 № 940 (ред. от 31.08.2005). URL: <https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-14091995-n-940/> (дата обращения: 08.06.2021).

³¹⁰ Указ Президента Российской Федерации об утверждении концепции национальной безопасности Российской Федерации от 17.12.1997 г. № 1300 // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782> (дата обращения: 04.11.2021).

образование в России. По данным статистики, с 1993 по 2006 г. около 2500 граждан Казахстана, с 1992 по 2007 г. 800 офицеров из Кыргызстана, с 1993 по 2007 г. около 500 граждан Таджикистана, и начиная с 1992 г. более 250 узбекских офицеров прошли в обучение в России по военным дисциплинам³¹¹.

До конца 1990-х годов экономические отношения России со странами Центральной Азии реализовывались в двух измерениях: двусторонние торговые отношения и создание общего экономического пространства. Ко второй половине 1990-х годов значительно сократились объемы торговли России со странами Центральной Азии. В 1996 г. общий товарооборот России с региональными странами составил 7,2 млрд долл., а в 1999 г. он снизился почти до 3,7 млрд долл.³¹²

В энергетической сфере основным направлением российской политики была транспортировка туркменского газа и казахстанской нефти через Россию на внешние рынки. Россия пыталась сохранить за собой ведущую роль в транспортировке энергоресурсов в третьи страны, время от времени сокращая закупки природного газа из Туркменистана, вводя квоты на нефть из Казахстана.

Наконец, нужно рассматривать политику интеграции России на постсоветском пространстве как часть ее региональной политики.

Содружество независимых государств (СНГ). СНГ — многосторонняя военно-политическая организация, созданная бывшими республиками СССР. В 1993 г. был принят Устав организации³¹³. В 1990-е годы к соглашению о Создании содружества присоединились все центральноазиатские республики.

Россия — ведущая страна Содружества в военной, политической и экономической сферах. Когда постсоветское пространство было признано приоритетом внешней политики России, СНГ стало базовым инструментом, с помощью которого Россия легализовала свою политику по урегулированию угроз безопасности в Центральной Азии. В 1995 г. президент Ельцин подписал документ об утверждении Стратегического курса России с государствами — участниками СНГ³¹⁴. В том же году в Алматы было подписано главами государств — участников СНГ Соглашение о создании объединенной системы противовоздушной обороны

³¹¹ Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А. Указ. соч. С. 82-83, 90-91, 97, 103.

³¹² Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А. Указ. соч. С. 23.

³¹³ Устав Содружества Независимых Государств (г. Минск, 22 января 1993 года) // Исполнительный комитет СНГ. URL: <https://cis.minsk.by/page/180/ustav-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv-g-minsk-22-anvara-1993-goda> (дата обращения: 13.10.2020).

³¹⁴ Об утверждении Стратегического курса Российской Федерации с государствами — участниками Содружества, Независимых Государств, от 14 сентября 1995 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102037342> (дата обращения: 18.05.2020).

стран СНГ³¹⁵, а в 1999 г. — Договор о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом³¹⁶. Наконец, что важно, Содружеству удалось смягчить последствия распада СССР для постсоветских республик.

Однако при создании СНГ его задачи виделись несколько шире и были нацелены на экономическую интеграцию. В дальнейшем эти ожидания не оправдались. СНГ в плане экономической интеграции оказалось неэффективным объединением — в силу хотя бы того, что его формат предполагал интеграцию всех со всеми, а независимые республики предпочитали строить свои отношения на двусторонней основе. В силу снижения авторитета Содружества его решения стали носить «абсолютно необязательный характер и никем не выполнялись»³¹⁷. Как доказательство — в рамках содружества в этот период было подписано около двух тысяч соглашений, большая часть из них не была реализована³¹⁸. Поэтому интеграционные цели, поставленные изначально перед СНГ, не были достигнуты. Даже политика интеграции России в СНГ в конце этого периода начала подвергаться критике. Например, А. Мигранян считал, что интеграция в СНГ слишком затратная для России. Он выступал против того, чтобы Россия оставалась лидером в такой интеграции. По его оценке, «за последние несколько лет стало абсолютно ясно, что все попытки интегрировать постсоветское пространство ни к чему не привели. СНГ едва способно функционировать»³¹⁹. В этом же ключе в феврале 2001 г. секретарь Совета безопасности С. Иванов заявил, что предыдущие попытки интеграции СНГ обошлись России очень дорого, поэтому теперь она должна отказаться от интеграционного проекта в пользу «прагматичного» курса двусторонних отношений³²⁰. По мнению К. Боришполец и С. Чернявского³²¹, СНГ не стало и не могло стать «полноценным связующим звеном» между членами. Таким образом, российская политика в указанный период носила «декларативный характер»³²². Но все-таки до конца 1990-х годов Содружество оставалось базой формирования российской политики на постсоветском пространстве.

³¹⁵ Об объединенной системе противовоздушной обороны стран СНГ 25.09.2019 // Исполнительный комитет СНГ. URL: <http://cis.minsk.by/news/12024/ob-obedinennoj-sisteme-protivovozdusnoj-oborony-stran-sng> (дата обращения: 10.06.2020).

³¹⁶ Договор о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом // Антитеррористический центр государств — участников СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/152/275> (дата обращения: 12.10.2020).

³¹⁷ Казанцев А.А. Указ. соч. С. 138.

³¹⁸ Барсенков А.С., Вдовин А.И. Указ. соч. С. 764.

³¹⁹ Tsygankov A. Vladimir Putin's Vision of Russia as a Normal Great Power // *Post-Soviet Affairs*. 2005. Vol. 21. № 2. P. 132-158: Author's footnote: *Nezavisimaya Gazeta*, October 27, 2000.

³²⁰ Tsygankov A. Op. cit. P. 142.

³²¹ Боришполец К.П., Чернявский С.И. Содружество Независимых Государств и задачи евразийской интеграции // *Международная аналитика*. 2015. № 3. С. 15.

³²² Там же. С. 18.

Ташкентское соглашение о коллективной безопасности. С распадом СССР и деградацией единого военно-промышленного комплекса военно-техническое сотрудничество России со странами Центральной Азии в 1990-е годы формировалось двусторонними соглашениями. Параллельно развивались переговорные процессы по созданию коллективной безопасности. Угрозы безопасности, возникшие из-за Гражданской войны в Таджикистане, подвигли центральноазиатские государства создать коллективную военную организацию внутри СНГ под руководством России. 15 мая 1992 г. в результате запроса Узбекистана на военную интеграцию в Ташкенте главы шести государств — участников СНГ (Армении, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана и Узбекистана) подписали Договор о коллективной безопасности стран Содружества — Ташкентский договор³²³. В ноябре 1993 г. были сформированы коллективные миротворческие силы СНГ, а также создана Межкомиссия по военно-экономическому сотрудничеству СНГ.

Ввиду растущих угроз региональной безопасности также активизировалось двустороннее сотрудничество. Здесь надо отметить Договор между Россией и Таджикистаном о сотрудничестве в военной области, подписанный сторонами в январе 1994 г., на основании которого Россия участвовала в Гражданской войне в Таджикистане на правовой основе.

Шанхайская пятерка. В апреле 1996 г. в китайском Шанхае состоялись переговоры лидеров пяти стран (Казахстана, Китая, Кыргызстана, России и Таджикистана), в результате которых было подписано Соглашение об укреплении доверия в военной сфере в пограничных районах³²⁴. Таким образом, была заложена основа многосторонней организации — стран Центральной Азии со странами, с которыми они граничат, — в области безопасности. Соглашение имело важное значение не только для стран пятерки, но для безопасности и стабильности в АТР в целом.

На этой встрече было принято решение о ежегодных встречах и переговорах Шанхайской пятерки. Руководители пяти стран встретились в 1997 г. в Москве, в 1998 г. в Алматы, в 1999 г. в Бишкеке и в 2000 г. в Душанбе. На этих встречах был подписан ряд соглашений: о взаимном сокращении вооружений в приграничных районах; об утверждении Центрально-Азиатского региона как зоны безопасности; о пространстве, свободном от ядерного оружия; о борьбе с терроризмом.

³²³ Договор о коллективной безопасности (15 мая 1992 года, г. Ташкент) // Исполнительный комитет СНГ. URL: <https://cis.minsk.by/page/9866> (дата обращения: 26.03.2020).

³²⁴ Соглашение между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы от 26 апреля 1996 года // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3879 (дата обращения: 05.05.2020).

Попытки экономической интеграции. Ко второй половине 1990-х годов экономическая интеграция на постсоветском пространстве стала приоритетом в российской экономической политике. Начались попытки регионализации экономической политики России на постсоветском пространстве, в том числе в Центральной Азии. С этой целью в 1995 г. между Россией, Беларусью и Казахстаном было подписано Соглашение о формировании таможенного союза³²⁵. В 1996 г. Кыргызстан присоединился к этому соглашению. Затем они подписали Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях³²⁶. Более того, в 1999 г. Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан подписали Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве³²⁷. Все эти шаги по реализации экономической интеграции с постсоветскими странами стали правовой базой при формировании российской регионализации в 2000-е годы.

Итак, можно ли говорить об успешной центральноазиатской политике России в 1990-е годы?

Прежде всего, отметим, что этот период также стал началом международных отношений в Центральной Азии. Таким образом, у России, в плане осуществления ее политики в Центрально-Азиатском регионе, появились внерегиональные соперники, такие как Китай, США, Турция, Иран. Поэтому в регионе началась международная конкуренция за политическое, экономическое и культурное влияние на центральноазиатские страны в процессе формирования их государственности. Таким образом, в течение 1990-х годов российская политика в регионе носила гибкий характер: Россия, с одной стороны, потеряла роль единственной великой державы в регионе, а с другой — начала проводить политику сохранения этой роли. Зависимость государств Центральной Азии от России в экономической, политической, военной сферах и в области безопасности также обязывала Россию активизировать свою политику в регионе. Одновременно Россия была единственной страной, оказывающей центральноазиатским государствам военную помощь в целях сохранения безопасности и защиты их независимости против радикальных и террористических угроз внутри и за пределами региона³²⁸.

³²⁵ Соглашение о таможенном союзе (Москва, 20 января 1995) // ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/10101417/> (дата обращения: 12.05.2020).

³²⁶ Договор между Республикой Белоруссия, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях (Москва, 29 марта 1996 г.) // Параграф. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1010630 (дата обращения: 11.02.2020).

³²⁷ Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 года // ЕврАзЭС. URL: <http://www.evrazes.com/docs/view/3> (дата обращения: 11.12.2020).

³²⁸ Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: учеб. пособие для студентов вузов / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.Г. Коргун и др.; отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект, 2011. С. 281.

Необходимо подчеркнуть, что в этот период между Россией и США установилось соперничество в плане энергетической политики в регионе Каспийского моря. В результате проводимой США политики еще одним конкурентом России в этом регионе стала Турция с поддержкой западных стран.

С военной точки зрения программа НАТО «Партнерство ради мира» не привела к изменению военного баланса в Центральной Азии. В то время как Казахстан проводил сбалансированную, но более пророссийскую внешнюю политику, узбекская внешняя политика была более независимой. В Таджикистане Гражданская война закончилась в 1996 г., эта страна вместе с Кыргызстаном стали более зависимыми странами от России, особенно в экономической сфере. По Туркменистану в 1995 г. Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию о постоянном нейтралитете этой страны³²⁹.

Политика России в сфере военной и экономической интеграции в этот период служила также гарантом упорядоченной трансформации режимов постсоветских стран. Ко второй половине 1990-х годов российская дипломатическая деятельность достигла положительных результатов в процессе заключения мирных соглашений в Молдове и в Таджикистане³³⁰. Эффективность многосторонних организаций для российской политики в краткосрочной перспективе оказалась под вопросом. Значительная часть заключенных соглашений не была реализована. Встречи, проводимые государствами — членами этих организаций, периодически превращались в формальные площадки для общения лидеров друг с другом. Эти организации позволили, по крайней мере, более спокойно завершить переходный период 1990-х годов. В любом случае не следует забывать, что российское влияние и материальное присутствие в 1990-е годы были минимальны.

3.1.2. Основные направления внешней политики России в Центральной Азии в 2000-е годы

После того как Владимир Путин был избран президентом Российской Федерации, началась трансформация во внешней и внутренней политике страны. Эта трансформация привела к политической и экономической стабильности России в течение 2000-х годов. Другими словами, Россия вышла из глубокого политического, экономического и социального кризиса 1990-х годов. Поэтому данный период можно назвать укреплением государственности Российской Федерации. Российская экономика постоянно росла до 2008

³²⁹ Постоянный нейтралитет Туркменистана, Резолюция генеральной ассамблеи Организации объединенных наций от 12 декабря 1995 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901739070> (дата обращения: 01.06.2020).

³³⁰ Цыганков А.П. Указ. соч. С. 148.

г.³³¹ Этот рост увеличил военную и политическую мощь России, что позволило ей проводить более активную политику на региональном и глобальном уровнях.

Начиная с 2000 г. приоритеты российской внешней политики определялись в следующих документах: Концепции внешней политики (2000, 2008, 2013, 2016) и Стратегии национальной безопасности (2000, 2009, 2015, 2021). Эти документы доктринально определяют внешнеполитические приоритеты, угрозы национальной безопасности России. Следовательно, постсоветское пространство, в том числе Центральная Азия, постепенно стало одним из важнейших элементов Концепций внешней политики и Стратегии национальной безопасности. Согласно Концепции внешней политики 2016 г., российская политика нацелена укрепить взаимное доверие и партнерство с региональными странами в сфере безопасности³³². В документе 2013 г., значение Центральной Азии для российской политики в составе СНГ выражается в «совместном противодействии общим вызовам и угрозам, прежде всего международному терроризму, экстремизму»³³³.

Данный регион также является важнейшей частью Стратегий национальной безопасности 2015 и 2021 гг. В этих документах Центральной Азии придается важное значение наращиванию политического и экономического потенциала ШОС и СНГ³³⁴.

В таком контексте Центрально-Азиатский регион приобретает все большее значение для защиты национальных интересов России, при президенте В. Путине евразийский вектор и постсоветская интеграция стали внешнеполитическими приоритетами в соответствии с доктриной Примакова. Многополярная международная система и постсоветская интеграция — ключевые постулаты доктрины Примакова — к первой половине 2000-х годов были заменены экономической модернизацией и прагматичными средствами утверждения великодержавных интересов России в мировой политике³³⁵. Когда В. Путин был назначен пример-министром в 1999 г., он впервые посетил с официальным визитом Узбекистан и

³³¹ GDP Current (US dollar), Russian Federation // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2018&locations=RU&start=1988&view=chart> (дата обращения: 16.06.2020).

³³² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 20.05.2020).

³³³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным от 12 февраля 2013 г. № 640 // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 04.11.2021).

³³⁴ Указ президента Российской Федерации о стратегии от 31.12.2015 г. № 683 // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 04.11.2021); Указ президента Российской Федерации о стратегии от 02.07.2021 г. № 400 // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 04.11.2021).

³³⁵ Tsygankov A. Op. cit. P. 153.

Таджикистан. Это показало, что новое российское руководство планирует проводить более активную политику на постсоветском пространстве.

В начале 2000-х годов для России была важна стабильность режимов в Центральной Азии. В этом приоритете авторитарные режимы также стали гарантами присутствия России в регионе. Одновременно российская политика была направлена на сохранение своего политического, экономического и военного влияния в регионе. Например, в сфере энергетики усилия были сосредоточены на блокировании строительства нефтепровода и газопровода в Каспийском регионе в обход России и на сохранении северного маршрута.

Стабильность в Центральной Азии и снижение уровня угроз на этом направлении имеют важное значение для национальной безопасности России. Многими наблюдателями и экспертами регион справедливо воспринимается как очаг религиозного экстремизма и терроризма³³⁶. С этой точки зрения Центральную Азию во внешней политике России можно охарактеризовать как важную зону ответственности за национальную безопасность. При этом, однако, Россия не вмешивается активно в решение пограничных, этнических и энергетических проблем между странами региона. Это, по сути, напоминает систему Советского Союза: правящие элиты сохраняют свою власть, продолжая отношения с Москвой, и в то же время сохраняют свой авторитет. Кроме того, они расширяют свои связи с внешними силами в торгово-экономической и культурно-образовательной сфере.

К первой половине 2000-х годов политику России в Центральной Азии в основном определяла военная операция в Афганистане, в процессе которой США и Россия сотрудничали в борьбе против терроризма. В результате этого сотрудничества открылись военные базы США в Узбекистане и Кыргызстане.

Другим важным фактором, повлиявшим на российскую внешнюю политику на постсоветском пространстве, в том числе в Центральной Азии, стали цветные революции: в Грузии в 2003 г., на Украине в 2004 г., в Кыргызстане в 2005 и 2010 гг. И хотя Россия не совершала никакого прямого военного вмешательства в эти страны в ходе революций, однако эти события вызвали ослабление политики антитеррористической коалиции с США. После Андижанских событий в Узбекистане в 2005 г. американские военные базы были постепенно свернуты в Узбекистане, а затем в Кыргызстане. Таким образом, военное присутствие в регионе внешних сил, кроме российских, завершилось. Произошедшие спустя несколько лет события, такие как Пятидневная война с Грузией в 2008 г. и присоединение Крыма к России в 2014 г., не привели к радикальным изменениям военно-экономического присутствия России в Центральной Азии.

³³⁶ Толипов Ф. Знают ли в России Центральную Азию // Независимая газета. 28.06.2020. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2020-06-28/11_7896_asia.html (дата обращения: 30.06.2020).

Еще одной, причем наиболее «болезной», проблемой³³⁷ в региональной политике России является положение соотечественников в Центральной Азии. В 1990-х годах во внешнеполитических документах решение этой проблемой выступало как приоритетное направление российской политики на постсоветском пространстве. Однако она не была решена ни в плане получения двойного гражданства, ни в плане соблюдения прав российских граждан. С 1990-х годов численность русскоговорящих в Центральной Азии постепенно сокращалась. Правительство России создало некоторые институты для выработки политики по защите прав соотечественников, например Совет по гуманитарному сотрудничеству государств — участников СНГ и Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. По данным на начало 2019 г., в Казахстане численность россиян составляет 19,32% населения страны (3 553 232 человек), тогда как в 1999 г. на их долю приходилось около 30% населения (4 480 675 человек).³³⁸ По данным Госкомстата Узбекистана, на 1 января 2017 г. в Республике проживало около 750 тыс. русских, на долю которых приходилось 2,2% населения Республики³³⁹. В Кыргызстане россияне составляют лишь 5,4% населения страны, около 349 тыс. человек³⁴⁰. В Таджикистане перепись 2010 г. зарегистрировала 34 тыс. 838 русских, что составляет 0,5% населения страны³⁴¹. Наконец, в Туркменистане 221 тыс. человек — русские, это всего около 4% населения страны³⁴².

Нельзя говорить о каких-либо политических правах русского населения в странах Центральной Азии. В Туркменистане права русских стали «предметом торга» на туркменский газ в Россию. Уже даже в этой связи вопрос о двойном гражданстве оказался одним из важнейших аспектов отношений двух стран с 1990-х годов. Когда в 2003 г. было подписано два соглашения между Россией и Туркменистаном о закупках всего экспортного

³³⁷ Россия и Центральная Азия: новые перспективы: материалы междунар. науч. конф., посвященной 25-летию установления дипломатич. отношений между Рос. Федерацией и государствами Центральной Азии (Москва, 14 июня 2017 г.) / [отв. ред. А.Л. Чечевишников]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Ин-т междунар. исследований. Москва: МГИМО-Университет, 2018. 251 с.; С.И. Чернявский. Россия и Центральная Азия — проблемы двустороннего сотрудничества: новые перспективы: материалы междунар. науч. конф., посвященной 25-летию установления дипломатич. отношений между Рос. Федерацией и государствами Центральной Азии (Москва, 14 июня 2017 г.) / [отв. ред. А. Л. Чечевишников]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Ин-т междунар. исследований. М.: МГИМО-Университет, 2018. С. 111.

³³⁸ Ткачев О. Русские и русский язык в Казахстане. Итоги экспедиции РГО // Русский Мир. 04.12.2019. URL: <https://russkiymir.ru/publications/266083/> (дата обращения: 21.06.2020).

³³⁹ Русские и русский язык в Узбекистане. Итоги экспедиции РГО // Русский Мир. 09.10.2019. URL: https://russkiymir.ru/publications/263357/?sphrase_id=966346 (дата обращения: 25.06.2020).

³⁴⁰ Национальный состав населения // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/312/> (дата обращения: 21.06.2020).

³⁴¹ Сколько русских осталось в республиках Центральной Азии // AsiaPlus. 14.07.2019. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/20190714/skolko-russkih-ostalos-v-respublikah-tsentralnoi-azii> (дата обращения: 21.06.2020).

³⁴² The World Factbook // Central Intelligence Service. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/tx.html> (дата обращения: 21.06.2020).

газа Туркменистана и о денонсации соглашения 1993 г. о двойном гражданстве, эти два соглашения сразу стали называть «газ — люди»³⁴³. Кроме того, Туркменистан в 1999 г. отказался от безвизового режима СНГ. Соглашение о двойном гражданстве с Туркменистаном было подписано в 2003 г., но не применяется из-за проблем в двусторонних отношениях. Сообщается, что Миграционная служба Туркменистана начала прием документов на выдачу туркменских загранпаспортов гражданам, получившим российские документы после июня 2003 г.³⁴⁴

Итак, с обретения независимости центральноазиатских государств до настоящего времени во внешней политике России складывается следующая региональная картина.

Россия традиционно является ведущей внешней державой региона в плане обеспечения его военной, экономической и политической стабильности. Она также является единственным поставщиком электроэнергии в регион. Несмотря на то, что у России в Центральной Азии «до последнего времени не была сформулирована четкая стратегия»³⁴⁵, она пытается сохранить свою роль на постсоветском пространстве, в том числе в Центральной Азии путем создания ряда моделей интеграции, к примеру в рамках Евразийского экономического союза. Однако Россия не единственная страна во внешней политике региональных стран. Другие игроки, влияющие на баланс сил в Центральной Азии, — США, Китай, европейские страны, Япония, Турция, Иран и некоторые арабские страны.

В последние годы в российской политике в Центральной Азии наблюдается новый подход, в котором Россия рассматривает регион Центральной Азии как единое целое в формате «ЦА+1»³⁴⁶. Похожие форматы региональной интеграции в разной степени использовали также США, ЕС и Япония. 15 октября 2020 г. в третий раз в таком формате состоялась видеоконференция министров иностранных дел России и государств Центральной Азии. В совместном заявлении участников переговоров³⁴⁷ подчеркиваются готовность сторон «ЦА+1» активно сотрудничать в политико-дипломатической и энергетической сферах, в сфере безопасности, в борьбе с терроризмом, в сфере торгово-экономического сотрудничества и в области обеспечения санитарно-эпидемиологических мер. Этот формат показывает, что Россия нацелена на более активную региональную

³⁴³ Панфилова В. Русских в Туркменистане узаконят // Независимая газета. 20.08.2020. URL: https://www.ng.ru/cis/2020-08-20/5_7943_turkmenistan.html (дата обращения: 25.08.2020).

³⁴⁴ Русских в Туркмении легализуют // Независимая газета. 07.07.2019. URL: https://www.ng.ru/cis/2019-07-07/5_7616_turkmenistan.html (дата обращения: 21.06.2020).

³⁴⁵ Толипов Ф. Указ. соч.

³⁴⁶ Черненко Е. Москва становится Центральной в Азии // Коммерсантъ. 16.10.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4531609> (дата обращения: 18.10.2020).

³⁴⁷ Заявление министров иностранных дел государств Центральной Азии и Российской Федерации о стратегических направлениях сотрудничества, 15 октября 2020 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4390973 (дата обращения: 20.11.2020).

политику с каждой из республик Центральной Азии. Такая политика также может ускорить их присоединение к евразийской интеграции. Но для того, чтобы формат «ЦА+1» стал новой стратегией России в регионе, необходимо его активно использовать в ближнесрочной перспективе. Однако существует мнение, что подход в формате «ЦА+1» является скорее россиоцентричным, чем регионоцентричным³⁴⁸.

Экономическая политика. С 2000-х годов существует несколько аспектов экономической политики России в Центральной Азии. Первый из них — создание общего экономического пространства. Эта задача была решена с созданием Евразийского экономического союза в 2015 г. Второй аспект — это расширение двусторонних торговых связей России с государствами Центральной Азии; третий — российские инвестиции в экономику региональных стран. И, наконец, существуют такие аспекты, как центральноазиатские трудовые мигранты, работающие в России, и российская международная помощь странам Центральной Азии.

Россия сохраняет роль лидера на тепловом рынке Центральной Азии. Если Казахстан, Туркменистан и Узбекистан выступают энергоэкспортерами России, то страны — энергоимпортеры из России — Кыргызстан и Таджикистан. Ключевым партнером России в регионе является Казахстан. Россия закупает, а также осуществляет маркетинг казахстанских природных ресурсов, поставляемых на внешние рынки. Транзит нефти из Казахстана в Россию реализуется по таким нефтепроводам, как: Алтау — Самара, Каспийский трубопроводный консорциум «Тенгиз — Новороссийск». Более того, Россия также скупает газ из Туркменистана для внутреннего потребления и реэкспорта в третьи страны. Главной задачей экономических отношений с Туркменистаном является транспортировка туркменского газа в Россию. В 2019 г. Россия начала закупать туркменский газ по магистральному газопроводу «Средняя Азия — Центр». Можно также упомянуть о политике Туркменистана по диверсификации энергетических маршрутов. В настоящее время основными проектами газопроводов Туркменистана в обход России являются следующие³⁴⁹: «Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия», Транскаспийский газопровод, четвертая нитка (D) газопровода «Туркменистан — Китай».

В Таблице № 3 представлен товарооборот России с центральноазиатскими республиками с 2000 по 2019 г. По данным за 2013-2019 гг., Казахстан занимает 12-е место по товарообороту торговли с Россией, а Узбекистан — 34-е.

³⁴⁸ Толипов Ф. Геополитическая арифметика «5+1» в Центральной Азии // CABARASIA. 06.11.2020. URL: <https://cabar.asia/ru/geopoliticheskaya-arifmetika-5-1-v-tsentralnoj-azii> (дата обращения: 10.10.2020).

³⁴⁹ Основные газопроводы Туркменистана // МИД Туркменистана. URL: Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tm/ru/energy/news/84>. (Дата обращения: 25.06.2020).

Таблица № 3. Торговля России со странами Центральной Азии (млн долл. США) ³⁵⁰

Год	Товарооборот	Экспорт России в ЦА	Импорт России из ЦА
2000	6 469	2 730	3 739
2004	10 463	6 103	4 360
2008	26 753	18 282	8 471
2012	31 989	20 741	11 248
2015	20 969	15 530	5 439
2017	22 812	16 465	6 347
2019	28 133	20 887	7 246

По данным МИД Российской Федерации³⁵¹, до настоящего времени между Россией и республиками Центральной Азии осуществлялось более 900 двусторонних договоров и межправительственных соглашений, 70% которых — в сфере экономики. Российские инвестиции в страны региона составляют около 20 млрд долларов. Более того, 76 субъектов Российской Федерации развивают экономические связи с Казахстаном, 71 — с Кыргызстаном, 80 — с Таджикистаном, 60 — с Туркменистаном и 75 — с Узбекистаном. Инвестируют в страны региона такие российские компании, как Газпром, Роснефть, Лукойл, КАМАЗ и т.д.

Еще одним аспектом экономических отношений России и стран Центральной Азии являются трудовые мигранты в России. Денежные переводы мигрантов в свои страны — важный компонент ВВП этих стран, особенно таких слабых, как Таджикистан и Кыргызстан. Жители трех республик — Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана — являются крупнейшими получателями денежных переводов из России. Согласно имеющимся данным, в России на постоянной основе находятся более 4 млн граждан из стран Центральной Азии; в

³⁵⁰ Рассчитано: 2000-2004 гг.: Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А. Указ. соч. С. 137; 2008-2015 гг.: Е. М. Кузьмина. Экономическое сотрудничество России с государствами Центральной Азии. С. 167; Россия и Центральная Азия: новые перспективы: материалы междунар. науч. конф., посвященной 25-летию установления дипломатич. отношений между Рос. Федерацией и государствами Центральной Азии (Москва, 14 июня 2017 г.) / [отв. ред. А.Л. Чечевишников]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Ин-т междунар. исследований. Москва: МГИМО-Университет, 2018. С. 251; 2017-2019 гг.: International Trade Center. URL: <http://www.intracen.org> (дата обращения: 15.06.2020).

³⁵¹ Россия и Центральная Азия // МИД России. URL: https://www.mid.ru/rossia-i-problemy-central-noj-azii?p_p_id=56_INSTANCE_8HUIfqWAVDZI&_56_INSTANCE_8HUIfqWAVDZI_languageId=ru_RU (дата обращения: 22.06.2020).

2013-2018 гг. ими переведено в страны проживания более 55,2 млрд долл.³⁵² По оценкам ряда экспертов, трудовые мигранты создают около 10% ВВП России³⁵³, поэтому любое ослабление российской экономики приведет к снижению доходов трудовых мигрантов. Действительно, в результате экономических санкций против России в период 2014-2016 гг. значительно снизились денежные переводы из России в региональные страны³⁵⁴.

Наконец, в период с 2000 по 2009 г. Россия оказала странам Центральной Азии международную помощь в размере около 9,8 млрд долл.³⁵⁵, а с 2008 по 2019 г. она помогла странам региона на сумму, превышающую 6 млрд долл.³⁵⁶ Кроме того, в 2012 г. Россия и Кыргызстан согласовали списание всех долгов Кыргызстана на сумму 488,9 млн долларов до 2025 г.³⁵⁷; аналогично в 2016 г. для Узбекистана — на сумму 865 млн долл.³⁵⁸

Региональная интеграция. Важным аспектом региональной политики России в 2000-е годы стала институционализация многосторонних отношений через создание модели интеграции. В частности, как продолжение политики 1990-х годов, российская внешняя политика сосредоточена на интеграционных моделях в сфере экономики и безопасности. До 2010-х годов российское руководство было нацелено на постепенное создание региональной интеграции на постсоветском пространстве. Можно перечислить такие организации под эгидой России, как СНГ, ОДКБ, ЕЭС и ШОС. Их создание — важные шаги в направлении региональной интеграции Евразийского континента. Интеграционную политику России отличает то, что в этих проектах (за исключение ШОС) не участвуют никакие страны за пределами постсоветского пространства.

Казахстан является членом всех организаций под эгидой России. С этой точки зрения он основной союзный партнер России среди центральноазиатских стран. Кыргызстан и Таджикистан зависят от России из-за их относительно небольших и слабых экономик, поэтому они также поддерживают интеграционную политику России. Узбекистан и Туркменистан — два относительно независимых от России государства, их отношение к российской интеграционной политике время от времени меняется.

³⁵² Там же.

³⁵³ Там же.

³⁵⁴ Трилинг Д. Как сильно сокращение денежных переводов из России ударило по странам Центральной Азии? // EurasiaNet. 30.05.2015. URL: <https://russian.eurasianet.org/node/61951> (дата обращения: 16.06.2020).

³⁵⁵ Синицина И. Экономическое взаимодействие России и стран Центральной Азии: тенденции и перспективы // Университет Центральной Азии, Институт государственного управления и политики. 2012. ДОКЛАД № 5. URL: <https://ucentralasia.org/Content/Downloads/UCA-IPPA-WP5-RussiaInfluence-Rus.pdf> (дата обращения: 12.03.2020).

³⁵⁶ Шестаков Е. Деньги решают не все // Российская газета. 19.02.2020. URL: <https://rg.ru/2020/02/19/chem-i-kak-rossija-pomogaet-centralnoj-azii.html> (дата обращения: 12.06.2020).

³⁵⁷ Путин подписал документ о списании Кыргызстану госдолга // Радио Азаттык. 06.02.2018. URL: <https://rus.azattyk.org/a/29021617.html> (дата обращения: 09.08.2021).

³⁵⁸ Россия списала Узбекистану \$865 млн долга // Sputnik Узбекистан. 06.04.2016 (обновлено: 13:08 10.03.2021) URL: <https://uz.sputniknews.ru/20160406/2403583.html> (дата обращения: 09.08.2021).

Содружество независимых государств (СНГ). СНГ является первым региональным интеграционным проектом России и единственной организацией на постсоветской территории, в которой преобладают члены — бывшие республики СССР: Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Узбекистан. Среди центральноазиатских республик только Туркменистан не стал членом организации, в 2006 г. он стал ассоциированным членом СНГ.

По мнению российского руководства, в 2000-е годы СНГ было необходимо для «цивилизационного развода»³⁵⁹ после распада СССР, потому что другого эффективного в политическом и экономическом смысле механизма у постсоветских республик не было. В принципе, СНГ больше похож на клуб глав государств, где они периодически встречаются друг с другом. «СНГ даже не стал ни инструментом давления России на менее мощных партнеров, ни средством их коллективного воздействия на нее»³⁶⁰.

Одной из причин неэффективности СНГ является относительно стабильная политическая структура стран-участниц и отсутствие координации между ними. Кроме того, как уже отмечалось, членами СНГ являются не все бывшие республики СССР. В настоящее время самой важной причиной, по которой ставится под сомнение эффективность СНГ, является слабая реализация принятых в рамках Содружества соглашений. Невыполнение большинства подписанных соглашений, особенно в экономической сфере, привело к тому, что для реализации политики экономической интеграции Россия вынуждена была искать альтернативы. Итак, можно сказать, что российская политика по экономической интеграции развивалась на базе от СНГ до ЕАЭС.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Перед странами Центральной Азии в 2010-е годы стояла задача выбора из трех проектов:³⁶¹

- 1) Российско-казахстанский (региональный центр развития);
- 2) Американский (подключение региона к нероссийским транспортным коридорам);
- 3) Китайский (превращение региона в безопасную зону сухопутного транзита Китая в направлении Европы и Ближнего Востока).

Реализация этих проектов зависит от региональных и глобальных тенденций. Самая важная особенность проекта Евразийского экономического союза заключается в том, что его целью является создание собственного регионального экономического блока. Проекты, предлагаемые Америкой, и китайские — «Новый шелковый путь», «Один пояс, один путь» — являются не региональными, а глобальными проектами.

³⁵⁹ Сафранчук И.А. Указ. соч. С. 4.

³⁶⁰ Богатуров А.Д. Указ. соч. С. 319.

³⁶¹ Сафранчук И.А. Указ. соч. С. 76.

С 2000-х годов российская политика по региональной интеграции начала реализовываться как альтернатива китайскому и западному проектам. В 2000 г. главы России, Беларуси, Казахстана, Таджикистана и Кыргызстана подписали Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС)³⁶². В 2002 г. наблюдателями стали Армения, Украина и Молдова. К 2005 г. Организация Центрально-Азиатского сотрудничества (ОЦАС), которая была создана в 2002 г. между центральноазиатскими государствами, за исключением Туркменистана, объединилась с ЕврАзЭС. Необходимо отметить, что Россия присоединилась к ОЦАС в 2004 г. Затем, с 2006 г., Узбекистан периодически присоединялся к сообществу — в зависимости от ухудшения/улучшения отношений с западными странами. Кроме того, в том же году в межгосударственном совете ЕврАзЭС было принято решение о создании в 2010 г. таможенного союза между Россией, Беларусью и Казахстаном. После возобновления таможенного союза в конце 2010 г. в Москве были достигнуты договоренности о создании Евразийского экономического союза на базе Единого экономического пространства Беларуси, Казахстана и России. В мае 2014 г. в Астане президентами России, Беларуси и Казахстана был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе (далее ЕАЭС)³⁶³. К 1 января 2015 г. на базе Таможенного союза и Единого экономического пространства России, Казахстана и Беларуси была создана международная организация региональной экономической интеграции под названием Евразийский экономический союз (ЕАЭС)³⁶⁴. В настоящее время государствами — членами союза являются Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия. С 2018 г. Молдова стала государством-наблюдателем.

Экономическая политика по региональной интеграции составляет важный аспект центральноазиатской политики России. С 2000-х годов эта политика усиливает институциональную основу. Евразийский проект экономической интеграции, который Россия предлагает постсоветским странам, представляет собой важную альтернативу для этих республик. Среди центральноазиатских республик только Казахстан и Кыргызстан стали членами ЕАЭС. В ближайшие годы может стать членом Таджикистан; возможность участия Узбекистана в ЕАЭС обсуждается время от времени, он является государством-наблюдателем в ЕАЭС³⁶⁵.

³⁶² Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 года // ЕврАзЭС. URL: <http://www.evrases.com/docs/view/3> (дата обращения: 11.12.2020).

³⁶³ Договор о Евразийском экономическом союзе // Евразийский экономический союз. URL: https://docs.eaeunion.org/sites/storage0/Lists/Documents/a089f4c6-02da-4461-b033-3f5d122e0020/e57db9f2-9589-4b26-be1e-b1a43862c6ed_635375701449140007.pdf (дата обращения: 20.02.2020).

³⁶⁴ Там же.

³⁶⁵ Узбекистан получил статус наблюдателя в ЕАЭС // ГАЗЕТА.УЗ. 11.12.2020. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/12/11/eaeu/> (дата обращения: 01.02.2020).

Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Россия традиционно обеспечивает безопасность Центральной Азии и нацелена сохранить эту роль в интересах своей национальной безопасности. С этой целью в 2000 г. в составе СНГ был создан Антитеррористический центр СНГ (АТЦ). После 11 сентября 2001 г., во время военной операции США и стран НАТО в Афганистане, АТЦ на короткий период поддержал действия США против террористических движений. После того как американские военные базы в Узбекистане (в середине 2000-х годов) и Кыргызстане (в середине 2010 годов) были закрыты, Россия стала ведущей страной в обеспечении региональной безопасности Центральной Азии.

По поводу коллективной безопасности: несмотря на то, что создание в 1992 г. ОДКБ (Ташкентский договор) было важным шагом на пути к коллективной безопасности, Организация не создала желаемого механизма между государства-членами. 7 октября 2002 г. шестью государствами — Арменией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией и Таджикистаном — договор о коллективной безопасности был обновлен³⁶⁶, в частности были подписаны Соглашение о правовом статусе организации и Устав ОДКБ. В 2005 г. было принято решение о создании межгосударственной комиссии по военно-экономическому сотрудничеству. Из стран Центральной Азии государствами — членами ОДКБ являются Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Узбекистан дважды присоединялся к Договору (в 1992 и 2006 гг.) и дважды выходил из него (в 1999 и 2012 гг.). С апреля 2013 г. государствами-наблюдателями при парламентской ассамблее ОДКБ стали Сербия и Афганистан.

До настоящего времени организация не участвовала ни в каких военных операциях. В рамках ОДКБ осуществляются поставки государствам-членам российской военной техники по льготным ценам³⁶⁷. Можно сказать, что ОДКБ гарантирует присутствие и сохранение российских военных объектов на постсоветском пространстве³⁶⁸. Практически не наблюдалось никакой реакции вовремя столкновении между Арменией и Азербайджаном. Более того, неясно, какую роль в регионе будет играть ОДКБ после вывода американских войск из Афганистана.

Основу боевой мощи ОДКБ составляют созданные в 2009 г. Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР, 17-22 тыс. человек) и сформированные в 2001 г.

³⁶⁶ Соглашение о правовом статусе Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года // Официальный сайт ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/soglashenie_o_pravovom_statuse_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (дата обращения: 10.10.2020).

³⁶⁷ Богатуров А.Д. Указ. соч. С. 335.

³⁶⁸ Малащенко А.В. Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? Моск. Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 59.

Коллективные силы быстрого развертывания (КСБР, 5 тыс. человек), предназначенные для ликвидации внезапно возникших угроз военного характера³⁶⁹. В рамках ОДКБ ежегодно проводятся военные учения, такие как «Рубеж», «Кобальт», «Нерушимое Братство», «Гром». Государства — члены ОДКБ сотрудничают в таких областях, как противодействие незаконному обороту наркотиков, реагирование на чрезвычайные ситуации, противодействие незаконной миграции и торговле людьми, безопасность информационного пространства³⁷⁰. Так, страны ОДКБ ежегодно проводят совместные спецоперации против незаконной миграции. Мероприятия по противодействию преступности в сфере информационных технологий реализуются в формате операции постоянного действия «ПРОКСИ».

Политика России в Центральной Азии в сфере безопасности и военно-технического сотрудничества поддержана российскими военными инфраструктурами, которые в настоящее время находятся в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане.

В Таджикистане, в Душанбе и Бохтаре, дислоцирован один из крупнейших военных объектов России за рубежом — 201 российская военная база (201 РВБ). В соответствии с подписанным сторонами Соглашением, база будет располагаться в Таджикистане до 2042 г. Одна из важных функций 201 РВБ — противодействие военной угрозе, международному терроризму и наркотрафику из Афганистана. В настоящее время в связи с уходом американских войск из Афганистана значение российской 201 базы сохраняется.

В Кыргызстане расположены: военная авиабаза Кант в Чуйской области; в этой же области, в поселке Чалдовар — узел дальней связи ВМФ России «Прометей», обеспечивающий передачу сигналов боевого управления подводными лодками; испытательная база противолодочного вооружения ВМФ России на озере Иссык-Куль; а также в городе Майлуу-Суу в Джалал-Абадской области, автономный сейсмический пункт, который предназначен для контроля за испытаниями ядерного оружия на территории Китая и стран Южной Азии.

В отличие от российских военных объектов на территории Кыргызстана и Таджикистана, основная задача которых — поддержание безопасности региона в целом, российская военная инфраструктура в Казахстане является составной частью национальной обороны России и используется на правах аренды. Россия ежегодно оплачивает аренду Казахстану за использование его территории около 140 млн долларов. Арендуемыми

³⁶⁹ Завкасин А. «Российскому НАТО» 25 лет: что сегодня представляют собой силы ОДКБ // RT на русском. 15 мая 2017. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/389693-25-let-dogovor-o-kollektivnoi-bezopasnosti> (дата обращения: 19.06.2020).

³⁷⁰ От Договора к Организации // Официальный сайт ОДКБ. URL: <https://odkb-csto.org/25years/> (дата обращения: 16.06.2020).

объектами в Казахстане являются «Космодром Байконур» (до 2050 г.), полигон «Сары-Шаган» на озере Балхаш, радиотехнический узел «Балхаш-9» и входящая в его состав РЛС «Днепр» и объекты 929-го Государственного летно-испытательного центра. Кроме того, с Казахстаном в 2013 г. была создана единая система ПВО.

Тесные отношения России с этими тремя странами по военно-техническим вопросам сохраняются.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). В 1996 г. в Центральной Азии появилась Шанхайская Пятерка под руководством России и Китая. Это формирование превратилось в Шанхайскую организацию сотрудничества по соглашению 2001 г.³⁷¹ Для российской политики, оно является площадкой координации отношений с Китаем³⁷².

В том же году было принято решение о создании региональной антитеррористической структуры в составе ШОС. В настоящее время ШОС объединяет Россию, Китай, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан, Индию и Пакистан. Государствами-наблюдателями при ШОС являются Монголия, Иран, Афганистан и Беларусь. Статус партнера по диалогу с ШОС предоставлен Шри-Ланке, Турции, Азербайджану, Камбодже и Непалу. Структурой сотрудничества выступают Совет глав государств-членов, Совет глав правительств государств-членов и Совет министров иностранных дел государств-членов³⁷³. Приоритетным направлением ШОС является развитие регионального сотрудничества в сфере безопасности, экономики, образования, культуры. В качестве региональной организации безопасности на евразийском континенте ШОС объединяет страны, которые составляют большинство населения мира, а также обладают, суммарно, значительной частью мирового экономического и военного потенциала. С этой точки зрения ШОС состоит из стран, способных влиять на мировую политику.

13-14 июня 2019 г. в Бишкеке состоялось очередное заседание организации. Лидеры утвердили: Рабочий план на 2019-2020 гг. по реализации Программы действий в рамках Антинаркотической стратегии ШОС в 2018-2023 гг.³⁷⁴, Регламент Форума глав регионов государств — членов ШОС, Программу развития межрегионального сотрудничества государств — членов ШОС, Концепцию сотрудничества государств — членов ШОС в сфере цифровизации и информационно-коммуникационных технологий, План мероприятий по реализации Концепции сотрудничества государств — членов ШОС в области охраны окружающей среды на период 2019-2021 гг.

³⁷¹ Декларация о создании ШОС от 15.06.2001 // ИНФОРОС. URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=37> (дата обращения: 12.02.2020).

³⁷² Кузьмина Е.М. Новые тенденции в экономическом сотрудничестве в ШОС // РСМ. 2017. № 4 (97). С. 172.

³⁷³ Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). URL: <http://rus.sectsco.org> (дата обращения: 20.06.2020).

³⁷⁴ Справочный материал по ШОС // МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/4025930 (дата обращения: 20.06.2020).

Таким образом, анализируя результаты деятельности ШОС в Центральной Азии, можно сказать, что эта организация, в которую входят и центральноазиатские страны, Китай, и Индия, за пределами России закрывает регион внешним силам в сфере безопасности и военного сотрудничества. Она также помогает защищать национальную безопасность стран Центральной Азии. Важным результатом этого баланса является ограничение возможностей внерегиональных держав, особенно западных стран, в сфере безопасности и военного влияния в Центральной Азии. Нужно отметить, что интересы России и Китая в рамках ШОС выглядят сбалансированно. Система военно-политической безопасности финансируется в основном Россией и Китаем.

«Мягкая сила». Помимо традиционных внешнеполитических приоритетов России в Центральной Азии, российское руководство с 2000-х годов активизировало использование элементов «мягкой силы» в культурно-образовательной сфере международных отношений. Главными целями российской политики на данном направлении являются сохранение и расширение единства русской культуры и русского языка во всем мире, в том числе в регионе, через создание государственных учреждений, открытие российских учебных заведений, обучение центральноазиатских студентов в России, присутствие российских СМИ в Центральной Азии. Необходимость сохранения исторических и культурных связей с регионом обусловлена и тем фактом, что в Центральной Азии все еще проживет русскоязычное население.

Одним из важнейших институтов, созданных по указу президента в 2007 г., является Фонд Русского Мира. При Фонде работают Кабинет и Ассамблея Русского Мира. Главной целью фонда является сохранение и распространение русского языка. С 2008 г. центры Фонда начали открываться во всем мире, в том числе в странах Центральной Азии (за исключением Туркменистана). Другое государственное учреждение — Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), оно было создано в 2008 г. также по указу президента Российской Федерации. Целью организации является использование мягкой силы в соответствии с приоритетами гуманитарно-культурной политики России. Как и Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016-2020 гг.³⁷⁵, агентство реализует программы по сохранению и развитию русского языка за рубежом. В настоящее время отделения агентства, как и Русского мира, открылись во всех странах Центральной Азии, за исключением

³⁷⁵ Концепция федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016-2020 годы. Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 20 декабря 2014 г. No 2647-р. URL: <http://rs.gov.ru/uploads/document/file/13/fcp2016.pdf>. (дата обращения: 26.06.2020).

Туркменистана. Кроме того, Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова проводит ежегодную «Школу по Центральной Азии» для молодых специалистов-международников, ученых, журналистов и общественных деятелей из государств Центральной Азии и России. Ежегодно обновляемая программа по самой актуальной тематике из сферы российско-центральноазиатского сотрудничества способствует более глубокому пониманию молодыми политиками региональных процессов.

Сохранение роли русского языка на постсоветском пространстве, в том числе в регионе Центральной Азии, также является одним из внешнеполитических приоритетов российской политики. В странах Центральной Азии до настоящего времени продолжают процессы, начавшиеся после распада СССР, — десоветизация и формирование национальной идентичности. Эти процессы являются важными элементами внутренней политики независимых государств. В формировании национальной идентичности важную роль играет укрепление национальных языков во всех сферах политической и общественной жизни — образование, культура, СМИ, управление и делопроизводство, с русских на национальные меняются топонимы. И хотя эти процессы в разных республиках имеют свои особенности, тренд у них общий — дерусификация. Сокращается количество русских школ и СМИ на русском языке, переименовываются города, улицы и т.п.³⁷⁶ Во всех госучреждениях, на производственных предприятиях и т. д. в качестве обязательного вводится государственный язык. Собственно, государственный язык — это де-факто язык титульной нации данной республики, который законодательно (в конституции и/или законе о языке страны) имеет статус государственного. Но тогда какой же статус у русского языка в постсоветских государствах Центральной Азии?

В Казахстане казахский язык — государственный; официальный статус русского языка в Конституции определен в следующей (несколько расплывчатой) формулировке: «В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык». Понятие «официальный язык» в Конституции Казахстана отсутствует³⁷⁷.

В Кыргызстане «Кыргызский язык — государственный язык Кыргызской Республики. Порядок применения государственного языка определяется конституционным законом. В Кыргызской Республике в качестве официального используется русский язык»³⁷⁸.

³⁷⁶ Малащенко А. Указ. соч. С. 34.

³⁷⁷ Конституция Республики Казахстан. 20.02.2020. URL: <http://www.constitution.kz/razdel1/> (дата обращения: 10.03.2020).

³⁷⁸ Конституция Кыргызской Республики. 17.10.2020. URL: <https://www.gov.kg/ru/p/constitution> (дата обращения: 10.03.2020).

В Таджикистане «Государственным языком Таджикистана является таджикский язык. Русский язык является языком межнационального общения»³⁷⁹.

В Узбекистане узбекский язык — государственный; статус русского языка законодательно не определен, так как никаких упоминаний о нем вообще нет. Косвенно к русскому языку можно применить обобщенную формулировку «Республика Узбекистан обеспечивает уважительное отношение к языкам, обычаям и традициям наций и народностей, проживающих на ее территории, создание условий для их развития»³⁸⁰.

В Туркменистане туркменский язык — государственный; русский язык в конституции страны не упоминается, но обобщенная формулировка гласит: «Всем гражданам Туркменистана гарантируется право пользования родным языком»³⁸¹. При этом в республике в 2001 г. все русскоязычные школы были преобразованы в смешанные и переведены на заимствованную из Турции 9-летнюю систему обучения. Правда, в 2002 г. в Ашхабаде была основана совместная туркмено-российская средняя общеобразовательная школа имени А.С. Пушкина с 11-летней программой обучения.

Еще больше размежует языковое пространство между Россией и постсоветскими республиками их переход с кириллицы на латинский алфавит. Латинизация уже завершена в Узбекистане и Туркменистане. В Казахстане такое завершение ожидается к 2025 г.

Несмотря на то, что русский язык в государствах постсоветской Центральной Азии продолжает подвергаться дискриминации, он де-факто остается языком международного общения во всех странах Центральной Азии; он востребован, активно используется в межличностном и межнациональном общении, остается языком СМИ. Сокращение культурно-языкового влияния России в странах региона — явление закономерное на фоне укрепления национальных идентичностей и языков. И постсоветским государствам «видимо, потребуется определенное время для осознания значимости русского языка в экономическом, геополитическом и социокультурном развитии»³⁸².

По данным МИД России³⁸³, в сфере высшего образования, в регионе функционируют представительства и филиалы ведущих российских вузов: МГУ им. М.В. Ломоносова, РЭУ им. Г.В. Плеханова, МАИ, Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина, НИТУ «МИСиС», НИУ «МЭИ»; в Узбекистане открыт первый на пространстве

³⁷⁹ Конституция Республики Таджикистан. 14.09.2019. URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (дата обращения: 10.03.2020).

³⁸⁰ Конституция Республики Узбекистан. 14.09.2019. URL: <https://constitution.uz/ru/clause> (дата обращения: 10.03.2020).

³⁸¹ Конституция Туркменистана. 10.06.2020. URL: <https://alpagama.org/pravovaya-baza-turista/konstitutsiya-turkmenistana> (дата обращения: 10.03.2020).

³⁸² Шипилов А.В. Правовой статус русского языка в новых независимых государствах центральноазиатского региона // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2012. Т. 2. № 196. С. 73.

³⁸³ Россия и Центральная Азия. Указ. соч.

СНГ филиал МГИМО МИД России. Совместные высшие учебные заведения в Кыргызстане и Таджикистане: Кыргызско-Российский Славянский университет и Российско-Таджикский (Славянский) университет.

Россия является важным образовательным центром для студентов из Центральной Азии. Наряду с российскими учебными заведениями в регионе, ежегодно большое число студентов проходит обучение в высших учебных заведениях в России. Это, с одной стороны, способствует тому, что значительная часть государственной элиты Центральной Азии оканчивает российские ВУЗы. Одновременно эти студенты обеспечивают продолжение культурно-языковой традиции в регионе. По данным за 2018 г., в российских вузах обучается 172 тыс. студентов из стран региона, в том числе 59 тыс. за счет федерального бюджета³⁸⁴. По данным погранслужбы ФСБ, всего в России проходят обучение в вузах около 241 тысяч иностранных студентов, больше четверти из них — из Казахстана (59,3 тыс.), далее — из Китая (21,2 тыс.), из Узбекистана (14 тыс.), из Украины (13,7 тыс.)³⁸⁵.

Наконец, элементом российской «мягкой силы» являются российские средства массовой информации. В Центральной Азии в этой области у России есть много конкурентов. Такие государства, как США, Турция, Китай, Япония, некоторые арабские страны и др. нацелены влиять на региональные процессы через СМИ. В настоящее время в странах Центральной Азии, в зависимости от разрешения местной власти, смотрят такие телеканалы, как «НТВ», «Россия24», «Россия1», «Россия Культура», «Звезда», «Матч», и др. Кроме того, можно найти некоторые российские газеты (большинство в Казахстане и Кыргызстане), а также газеты на русском языке, которые выходят под контролем государства, например, «Казахстанская правда», «Известия-Казахстан», «Аргументы и факты-Кыргызстан», «Российская газета», «Московский комсомолец» и «Нейтральный Туркменистан». Кроме того, агентство «Спутник» и российские интернет-платформы, социальные сети («ВКонтакте», Mail.ru) имеют активных пользователей в Центральной Азии. Это, в свою очередь, устанавливает связь народов Центральной Азии с Россией и способствует сохранению интереса к русскому языку. Однако в ряде центральноазиатских государств под давлением авторитарных режимов такие СМИ могут время от времени закрываться.

³⁸⁴ Россия и Центральная Азия. Указ. соч.

³⁸⁵ Горская Э. Иностранцам будет проще найти работу в России // Русский мир. 22.01.2020. URL: <https://ruskiymir.ru/publications/267807/> (дата обращения: 22.06.2020).

3.1.3. Роль Турции в российской политике в Центральной Азии

В балансе сил Центральной Азии Турция является второстепенной державой. Одна из причин ее влияния на региональные страны заключается в историко-культурной общности народов Турции и центральноазиатских республик. Во-первых, население центральноазиатских стран, за исключением Таджикистана, относится к тюркоязычным народам. Во-вторых, подавляющее большинство центральноазиатского населения — сунниты, приверженцы самого многочисленного течения ислама. Несмотря на реформы Ататюрка, религия в Турции (ислам с преобладанием суннизма) сохраняет важное значение. На этом сходстве формируется общее культурное и духовное пространство как предпосылка политического влияния.

Турция также является членом НАТО и до настоящего времени не отказалась от цели членства в ЕС. Поэтому во внешней политике центральноазиатских стран она стала альтернативным направлением. Ее можно рассматривать как новый центр силы на региональном уровне, который пытается расширить свое влияние на политическое и культурное пространство стран Центральной Азии. Поскольку у России в Центральной Азии есть собственные региональные интересы, то в целом политику этих двух государств можно рассматривать в контексте регионального соперничества. Если бы не этот факт, Турция могла бы расширить свое влияние в регионе.

Центральноазиатскую политику Турции лучше рассматривать, разделив ее на два периода — 1990-е и 2000-е годы, поскольку подходы и динамика в эти периоды различались.

После распада Советского Союза появление Турции в качестве нового актора в Центральной Азии — проводника «турецкой модели» привело к тому, что в 1990-е годы Турция стала конкурировать с Россией в Центральной Азии. В этот период на короткое время турецкая «нереалистическая внешнеполитическая риторика» подогревала национальный энтузиазм не только в постсоветской Центральной Азии, но и среди мусульманских и тюркских народов России. Все это, с учетом вышеупомянутой общности народов, несомненно, беспокоило российское руководство. Более того, готовность Турции оказать помощь чеченским сепаратистам во время Чеченской войны сохраняла актуальность в течение 1990-х годов, что также не могло не беспокоить Россию. Однако одновременно курдские сепаратисты в Турции были политическим козырем России против Турции. Можно сказать, что взаимная напряженность сбалансировала политику двух стран в отношении друг друга в 1990-х годах. То есть обе стороны не использовали политические козыри друг против друга.

До середины 1990-х годов игнорирование России турецким руководством на постсоветском пространстве рассматривалось как геополитическая возможность для Турции после окончания холодной войны. Выстраивая двусторонние отношения с новыми республиками Центральной Азии, турецкое руководство хотело развивать отношения и с тюркскими народами в России. Эта политика привела к тому, что между Россией и Турцией возникло соперничество, которое грозило геополитическим кризисом. Можно сказать, что в 1990-е годы Турция была для российского политического сознания таким же «фантомным кошмаром», каким Иран был для американского³⁸⁶.

В этот период турецкая политика в контексте продвижения тюркской модели в Центральной Азии совпала с политикой западных стран в этом регионе, что существенно потеснило российское политическое и экономическое присутствие на регионе. В плане энергетической политики в 1990-е годы Турция и Россия конкурировали в сфере строительства трубопроводов для транспортировки природных ресурсов из Каспийского бассейна. Но для реализации таких масштабных проектов Турции недоставало материальных ресурсов и политической решимости. Западные страны также не поддерживали, главное финансово, планы Турции. Поэтому уже к концу 1990-х годов наблюдался спад российско-турецкого соперничества в Центральной Азии.

После первого десятилетия 2000-х годов турецкая политика в Центральной Азии осуществлялась на более реалистической основе. В экономической и культурно-образовательной сфере Турция активизировала элементы «мягкой силы». В основном интересы Турции в Центральной Азии включают развитие двусторонних экономических отношений, расширение культурных и образовательных связей, использование Тюркского совета (Организация тюркских государств) в качестве эффективного механизма для сохранения мира и стабильности в регионе.

Однако, если Турция будет расширять свое влияние в культурно-образовательной и экономической сферах, а такая возможность всегда актуальна, то такое усиление Турции может рассматриваться Россией как угроза ее интересам, особенно в контексте евразийской интеграции под эгидой России.

В последние годы заметно расширение военно-технического сотрудничества Турции с региональными странами, что также представляется (хотя и незначительным) фактором российско-турецкого соперничества в регионе. Однако надо подчеркнуть, что региональная политика Турции все же фокусируется главным образом на экономическом и культурном направлениях и остается ограниченной в военной сфере и сфере безопасности. Таким образом, Россия играет ведущую роль в сферах, где возможности Турции ограничены. Это

³⁸⁶ Казанцев А.А. Указ. соч. С. 202.

минимизирует прямое соперничество турецкой и российской политики. Более того, планы Турции по строительству энергетических трубопроводов не стали препятствием для развития -российско-турецких отношений в этой сфере. Напротив, в настоящее время политика Турции в энергетической сфере направлена не на создание альтернативы России, а на увеличение разнообразия источников энергоресурсов для Турции.

Создание в 2009 г. под эгидой Турции «Тюркского совета», в который на тот момент вошли Турция, Азербайджан, Казахстан и Кыргызстан, привлекло внимание России. Эта организация стала первым объединением, созданным внешним игроком с независимыми постсоветскими республиками. Цели и задачи Совета, зафиксированные в Нахичеванском соглашении, — углубление всестороннего сотрудничества между тюркоязычными государствами по внешнеполитическим, экономическим, гуманитарным направлениям, а также в сфере безопасности. В этом отношении, учитывая традиционную роль России в регионе, организация важна для российской политики в Центральной Азии. С одной стороны, Турция стремится, хотя и не прямо, создать угрозу интересам России в регионе. Однако, с другой стороны, в Совете есть потенциал для расширения сотрудничества. С этой точки зрения Турция не играет на равных с Россией, а скорее создает альтернативу многосторонней внешней политике региональных стран, где Организация тюркских государств (до 2021 г. — Тюркский совет) играет роль одного из внешнеполитических векторов.

Необходимо также оценить значение турецкой политики «мягкой силы» для России в регионе. Турция, как и другие страны в регионе, пытается влиять на формирование национальной идентичности постсоветских республик Центральной Азии инструментами «мягкой силы» в области культуры и образования. Таким образом она повышает свой гуманитарный рейтинг и степень влияния на региональные элиты, усиливает свое присутствие в регионе. Для России такая политика может рассматриваться как элемент соперничества в контексте реализации российской политики через инструменты «мягкой силы» в регионе. Поэтому имеет место пропагандистская, косвенная борьба в этих областях, и не только между Россией и Турцией, но и между всеми внешними силами в регионе.

Прямых угроз своим интересам в регионе Россия со стороны Турции не видит. Есть потенциальные области соперничества, в которых две страны могут геополитически соперничать друг с другом, это военно-политическое сотрудничество, сфера безопасности, культурно-образовательная политика. Но это прямо пропорционально материальному потенциалу, который Турция как член НАТО предоставила странам региона. Напряженные конкурентные зоны могут возникнуть на фоне роста активности турецкой политики в регионе, что априори будет воспринято Россией как геополитический вызов. В настоящее

время политика Турции развивается больше в направлении двусторонних экономических и гуманитарных отношений, чем глубокого военно-технического партнерства. Исходя из исторического опыта и особенностей российско-турецких отношений, можно сказать, что элементы соперничества и сотрудничества будут балансировать в зависимости от колебаний военного и экономического потенциала двух стран. Соответственно, роль как России, так и Турции в Центральной Азии может изменяться на фоне трансформации двусторонних отношений этих стран, возможной дестабилизации региона и прочих факторов.

Наконец, для российской центральноазиатской политики Турция является важной страной на региональном уровне, учитывая развитие отношений обеих стран. Ослабление однополярного миропорядка даст возможность отношениям между двумя странами перейти в новую плоскость. Центрально-Азиатский регион как приоритетное направление внешней политики двух стран является важным вектором развития региональных отношений Турции и России в условиях баланса партнерства и конкуренции.

3.2. Политика Турецкой Республики в Центральной Азии

Турция является одной из внешних сил в Центральной Азии, она играет второстепенную роль в международных отношениях в регионе. Есть две причины, почему ее роль считается второстепенной. Во-первых, Турции не хватает материальных ресурсов для поддержания эффективной внешней политики в таких сферах, как военно-техническое сотрудничество и обеспечение безопасности. Во-вторых, в зависимости от первой причины Турция, как государство средней державы, определяет свою региональную политику через некоторые ограничения, обусловленные этим статусом. Начиная с 2010-х годов Турция активизировала свою политику в регионе, и в настоящее время ее политика в Центральной Азии должна оцениваться в рамках отношений с Россией. Такая оценка также поможет определить характер турецко-российских отношений в региональных вопросах.

Внешняя политика Турции в течение холодной войны в основном проводилась в рамках союзничества с западными странами. Так, в 1952 г. Турция стала членом НАТО, в 1963 г. подписала соглашение о Создании ассоциации с Европейским экономическим сообществом³⁸⁷, а в 1987 г. подала заявку на полноправное членство в этом обществе. До конца холодной войны в Турции произошли три военных переворота (в 1960, 1971 и 1980 гг.) в защиту революции Ататюрка и для восстановления политической и социальной

³⁸⁷ Ankara Anlaşması. 12.09.1963 // Türkiye Büyük Millet Meclisi. URL: https://www.tbmm.gov.tr/kutuphane/AB/ankara_antalasmasi.pdf?TSPD_101_R0=08ffcef486ab2000a410efecb3cf731f4f6f9c194275116324b839c33191801c31b50df51acb2610080e6dfb8b14300085e1890c8602ab63d540e175176eff92594d85107bbb5e9f69dc1ea0d005a28b19d5d19e244e681cfceb5b3d92b26511 (дата обращения: 12.01.2021).

стабильности. Через военные перевороты турецкая армия проводила прозападную внешнюю политику на основе реформ М.К. Ататюрка. Поэтому, чтобы понять принципы формирования внешней политики Турции после окончания холодной войны, необходимо рассматривать ее внешнеполитическую структуру, сформированную после военного переворота в 1980 г.

В 1980-е годы государственная идеология была принята военной администрацией в концепции «тюркско-исламского синтеза». Эта идеология заключается в принятии тюркской и исламской культуры в качестве базовых элементов турецкой идентичности и защитного механизма национальной культуры и самобытности от иностранного влияния.

Центральноазиатскую политику Турции в 1980-е годы необходимо оценивать в контексте «тюркского единства». Согласно этому пониманию, гарантии территориальной целостности и национальной безопасности Турецкой Республики основаны на принципах исламской веры и тюркской идентичности. До конца 1980-х годов это направление в политике Турции имело большое влияние во всех сферах, от государственного управления до культурной политики. В сфере национальной безопасности в Турции с середины 1980-х годов обострилась проблема курдов. К этому времени террористическая организация «Рабочая партия Курдистана» (РПК), образованная в 1978 г. и имеющая целью создание курдского государства в юго-восточной части страны, смогла создать свою военную структуру. В 1984 г. сепаратисты начали террористические акты против турецкой армии и гражданского населения, фактически объявив войну правительству, которая продолжается до сегодняшнего дня. Поэтому борьба с терроризмом всегда составляла повестку дня турецкой внешней политики в течение 1980-х годов.

Одним из активных проводников турецкой внешней политики в период ее трансформации, с 1980-х годов до 1993 г., был Тургут Озал. Его политическая деятельность продолжалась около 11 лет. С 1980 по 1989 г. Тургут Озал занимал должность сначала заместителя премьер-министра, а затем (1983—1989) премьер-министра. В 1989 г. он был избран президентом Турецкой Республики. Правительство Озала пробовало проводить активную и многостороннюю внешнюю политику, сам Озал играл важную роль в формировании внешней политики Турции в Центральной Азии и на Южном Кавказе в 1990-е годы — период, когда, по мнению ряда политиков, многие страны не могли сразу определить свои позиции после распада СССР. Он верил, что трансформация глобальной и региональной политики после окончания холодной войны открывает перед Турцией новые возможности для того, чтобы стать региональной державой. Тургут Озал искал альтернативы прозападному вектору турецкой внешней политики. Однако прозападная политика Турции сохранялась в течение 1990-х годов.

К первой половине 1990-х годов одной из главных целей западной политики в постсоветской Центральной Азии и на Южной Кавказе было создание альтернативных маршрутов транспортировки энергоресурсов через Турцию в Европу. Внешнеполитическим приоритетом США и западных стран было не допустить усиление в регионе России и Ирана. Поэтому они поддерживали турецкую политику в Центральной Азии и на Южном Кавказе. Однако в новый период, как следствие событий 1980-х годов, начало развиваться энергетическое сотрудничество Турции с Россией. В 1987 г., после завершения строительства Трансбалканского газопровода, Турция начала закупать через этот газопровод российский газ.

После распада Советского Союза западные страны представили новым независимым государствам Центральной Азии и Южного Кавказа «турецкую модель» как успешный в политическом и экономическом отношении тип государственного устройства (аналогичная презентация была сделана Западом для исламского мира к концу 2000-х годов, когда началась «Арабская весна»). В этом контексте в 1990-е годы турецкое руководство прилагало усилия к тому, чтобы Турция стала одним из геополитических векторов постсоветских государств Центральной Азии, выступая в качестве части западной политики и одновременно исламского и тюркского мира. В рамках «турецкой модели» Турция позиционировала себя как пример для формирования демократической и либеральной системы в этих новых республиках. Часть турецкого истеблишмента также рассматривала этот период как историческую возможность геополитической экспансии Турции в регионе на базе идеологии тюркско-исламского синтеза. В 1991 г. президент Тургут Озал заявил в своем выступлении в Национальном Собрании, что новый период после распада СССР является прекрасной возможностью для Турции в отношениях с тюркским миром. Он хотел, чтобы Турция стала региональным лидером. По его словам, такая возможность появилась впервые за последние 400 лет, поэтому Турция не должна ее упускать³⁸⁸.

В целом в течение первой половины 1990-х годов постсоветское пространство стало приоритетом внешней политики Турции. Президент Озал сам играл активную роль в определении внешней политики в новых независимых государствах. Из других представителей турецкой правящей элиты, повлиявших на трансформацию турецкой политики в этот период, можно назвать Сулеймана Демиреля (премьер-министра в 1991-1993 гг., после кончины Тургута Озала до 2000 г. — президент Турции), а также Хикмета Четина, министра иностранных дел Турции в 1991-1994 гг. Все они являются приверженцами идеи

³⁸⁸ Aydın M. Kafkasya ve Orta Asya ile İlişkiler // Türk Dış Politikası: Kurtuluş Savaşı'ndan Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar. Ed. Baskın Oran, Cilt 2: 1980-2001, İletişim Yayınları, 2001. P. 370.

политического, экономического и культурного объединения новых независимых тюркских государств под эгидой Турции.

Итак, после окончания холодной войны главной задачей во внешней политике Турции являлось определение внешнеполитических приоритетов при поддержке западных стран в новом геополитическом порядке. Одновременно турецкое руководство сохранило прозападную ориентацию во внешней политике страны. С геополитической точки зрения Турция видела угрозу для своей национальной безопасности из-за возникающих нестабильных регионов по соседству.

3.2.1. Формирование внешней политики Турции в Центральной Азии

Прежде чем определить центральноазиатскую политику Турции, следует выяснить, что означает Центральная Азия для Турции и как этот регион видится с точки зрения турецкой внешней политики.

Центральная Азия считается центром общей тюркской идентичности и культуры. Такое понимание тюркской идентичности берет начало с XIX века. После того как в 1923 г. была провозглашена Турецкая Республика, турецкая идентичность получила конституционный статус как гражданская нация. Согласно Конституции, турком является тот, кто имеет гражданство Турецкой Республики. Кроме того, в этом понимании тюркоязычное население всего остального мира, без гражданства Турецкой Республики, признается внешними турками. Основным параметром такого определения является общность языка.

Согласно лингвистическому подходу, турецкая идентичность определяется через знание турецкого языка, в котором нет такого различия, как в английском «turkish/turkic» или в русском «тюркский/турецкий». То есть пользуются только словами «turkish — турецкий» для обозначения граждан Турции и всех тюркоязычных сообществ: турок/турчанка (Türk — для всех) или внешние турки (dış Türkler). После распада Советского Союза население постсоветских республик, равно как и тюркоязычные народы, проживающие на территории России, в политическом и общественно-научном дискурсе в Турции назывались «турецкими республиками», или «турецкими народами». Иными словами, новые независимые государства в Центральной Азии рассматриваются Турцией как «турецкие республики», а языки, на которых они говорят, называются «узбекско-турецким» и «казахско-турецким». Аналогично население центральноазиатских государств — это «узбекские турки», «казахские турки» и т.д. Все эти народы описываются на турецком языке как «турецкий мир» или «внешние турки», а на русском — «тюркский мир» или «тюркоязычные народы».

В данном исследовании используется русскоязычный формат терминов: «тюркский мир», «тюркоязычные народы».

С другой стороны, как и в английском или русском языках, название «Центральная Азия», «Central Asia» (Merkez Asya) официально не используется в турецком политическом и академическом дискурсе. Вместо этого используется «Средняя Азия» (Middle Asia / Orta Asya). Под «Средней Азией» (Orta Asya) в Турции понимаются Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, а при упоминании тюркских/турецких республик, в эту группу вместо Таджикистана добавляется Азербайджан. Таким образом, после распада СССР появились два направления в турецкой внешней политике: тюркские республики в Центральной Азии и тюркские народы на постсоветском пространстве.

В марте 1991 г. президент Тургут Озал совершил свой первый официальный визит на высшем уровне в Москву и в тогда еще Советские Республики Казахстан и Азербайджан³⁸⁹. Можно сказать, что с этого визита, собственно, и начались отношения Турции с тюркоязычными республиками, но тогда — больше в культурной сфере; республики еще не были независимыми. Уже в конце 1991 г. Турцию посетили президенты новых независимых государств — Нурсултан Назарбаев, Сапармурат Ниязов, Ислам Каримов и Аскар Акаев. Когда 21 декабря Советский Союз официально распался, Турция стала первым государством, признавшим независимость всех новых постсоветских государств. Политика Турции в Центральной Азии в 1990-е годы будет рассматриваться в двух временных периодах.

Первый период — Турецкая модель (1991—1993). Понятие «турецкая модель» как новая концепция западной политики на постсоветском пространстве, в том числе в Центральной Азии, вошло в политический дискурс западных лидеров и СМИ в первой половине 1990-х годов. «Турецкую модель»³⁹⁰ можно рассматривать как обобщенный инструмент прозападного и тюрко-исламского влияния на процессы формирования государственности новых независимых республик Центральной Азии и Южного Кавказа. Например, президент США Джордж Буш и генеральный секретарь Совета Европы Катрин Лялюмьер подчеркивали возможности Турции как «модельной страны» — образца и примера для новых постсоветских государств. В таких СМИ, как The Economist, Associated Press, Newsweek, The Washington Post и т.д., поддерживалась такая концепция. Во время первых официальных визитов центральноазиатских лидеров в Турцию президенты приветствовали поддержку Турции. Известно, что Аскар Акаев уподоблял Турцию «утренней звезде», а Ислам Каримов называл ее «старшим братом». С другой стороны, президенты Н. Назарбаев, И. Каримов, С. Ниязов и А. Акаев ожидали от Турции поддержку

³⁸⁹ Özdemir H. Turgut Özal ve Avrasya // Avrasya Dünyası. April 2018. № 2. P. 6-8.

³⁹⁰ Bal İ. Uluslararası Politikada Türk Modelinin Yükselişi ve Düşüşü // Bilig. Yaz 2000. Vol. 14. P. 3.

в процессе признания независимости своих республик на международной арене. Они полагали, что эта поддержка также поможет республикам приобрести членство в некоторых международных организациях. Под влиянием идеологии «тюркско-исламского синтеза» в турецких общественно-политических кругах к первой половине 1990-х годов возникло мнение о возможности создания тюркского единства — как общности с постсоветским тюркоязычным/исламским пространством под эгидой Турции.

Итак, каковы же особенности Турции, которые делают ее моделью для стран Центральной Азии и Южного Кавказа?

Ориентация Турецкой республики в долгосрочной перспективе на прозападную внешнюю политику; светская конституционно-демократическая система управления; либеральная экономическая модель; ее членство в НАТО и нацеленность на вступление в Европейский союз — благодаря всем этим факторам Турция была поддержана западными государствами как «модельная страна» на постсоветском пространстве. Нужно отметить, что экспорт этих особенностей Турции в новые независимые республики был нацелен прежде всего на то, чтобы защитить их политическую и экономическую независимость от России и Ирана в концепции евразийского единства. Несомненно, что расширение влияния Ирана в Центральной Азии в этот период воспринималось как угроза для политики западных стран. Эта модель была с энтузиазмом поддержана многими турецкими политическими деятелями при доминировании «тюрецко-исламского синтеза» во внутренней политике государства. Это также воспринималось как прекрасная возможность для Турции стать региональной державой. Даже такая риторика, как «гигантский тюркский мир от Адриатики до Великой Китайской стены» и «XXI столетие должно быть столетием Турции и турков»³⁹¹, часто использовалась в выступлениях турецкого руководства. Турция хотела принять на себя роль «старшего брата» в процессе формирования политической и экономической системы центральноазиатских государств. Однако, забегаая вперед, ко второй половине 1990-х годов Турция отказалась от этой роли для новых независимых республик. Что примечательно, президент Казахстана Н. Назарбаев в своей книге 1996 г. «На пороге XXI века» написал, что «Многим казалось, что Турция сможет решить все наши проблемы... Но что это означало на деле? Это значило отказаться от только что обретенной независимости, разорвать традиционные отношения с соседями, вместо одного “старшего брата” посадить себе на шею другого».³⁹²

³⁹¹ Yayman H. Türkiye'ye Yön Veren Konuşmalar Turgut Özal'ın Mirası. İstanbul: Doğan Kitap. 2018. P. 27.

³⁹² Дружиловский С. Б. Турция: привычка управлять // Россия в глобальной политике. 13.12.2005. № 6. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/turcziya-privychka-upravlyat/> (дата обращения: 03.11.2021).

Вопрос об объединении нового тюркского мира под эгидой Турции часто поднимался во внутривластных турецких кругах. Более того, такой подход обсуждался в академических кругах как «неосманизм» и «пантюркизм» во внешней политике и как экспансионистский подход на постсоветском пространстве. Хотя турецкие лидеры неоднократно заявляли, что опасения по поводу возрождения пантюркизма как продолжения усилий Турции в Центральной Азии и на Кавказе необоснованны, подозрения ее соседей продолжали преследовать Турцию³⁹³.

В этот период турецкая внешняя политика была сосредоточена одновременно на развитии экономических и культурных отношений с новыми государствами в Центральной Азии. За эти два года, то есть до конца 1993 г., было подписано более 140 двусторонних соглашений между Турцией и новыми республиками в разных областях, и 1170 турецких делегаций посетили Центральную Азию. В области экономики Турция начала развивать свою политику по двум направлениям.

Первое — это предоставление кредитов и помощи этим республикам. В 1992 г., во время визита премьер-министра Сулеймана Демиреля в Центральную Азию, турецкая сторона обещала предоставить этим странам кредиты и иностранную помощь на сумму 1,1 млрд долларов через турецкий Eximbank³⁹⁴. Однако проекты экономической интеграции, такие как создание системы единой валюты на турецкой лире и общего рынка, были поставлены под сомнение. Они не были реализованы в ходе переговоров, не обсуждалась даже возможность их реализации эти годы.

А второе направление — это турецкие инвестиции в центральноазиатские страны. Турция поддержала создание систем телефонных и коммуникационных сетей в Центральной Азии. Более того, в этот период открылись авиарейсы между Турцией и центральноазиатскими столицами.

В формате государственных организаций, 27 января 1992 г. было создано Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТИКА), чтобы оказать помощь новым независимым республикам в области образования, здравоохранения и экономического развития.

В том же году в ходе апрельского визита Сулеймана Демиреля в Центральную Азию в ходе переговоров была намечена встреча глав тюркоязычных государств, которая состоялась в Анкаре 30-31 октября 1992 г. На этой встрече было инициировано создание общих алфавитов тюркоязычных государств на основе латиницы.

³⁹³ Aydın M. Geopolitics of Central Asia and Caucasus: Continuity and Change since the End of the Cold War // The Turkish Yearbook. 2001. Vol. 32. P. 187.

³⁹⁴ Aydın M. Op. cit. P. 429.

В 1993 г. впервые состоялся «Съезд дружбы, братства и сотрудничества тюркских государств и общин», который был проведен в Анталье. Вскоре началось вещание турецких телеканалов, таких как «TRTTurk» и «TRT Евразия, на Центральную Азию.

В сфере образования Турция также реализовала свою политику. Министерство национального образования Турции, турецкие общественные фонды, в том числе религиозные группы, открыли турецкие школы во всех новых независимых государствах региона с целью расширить влияние Турции через изучение турецкого языка и культуры. Одновременно около 2000 стипендиатов из стран Центральной Азии (за исключением Таджикистана) начали обучаться в Турции в рамках «Большого студенческого проекта». Наконец, Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), известная как ЮНЕСКО тюркского мира, была создана в 1993 г. для укрепления солидарности между тюркскими народами.

Второй период (1993—2000). Президент Тургут Озал скончался 17 апреля 1993 г. после рабочего визита в Центральную Азию. Его преемником был избран Сулейман Демирель, занимавший до этого пост премьер-министра, премьером стала Тансу Чиллер — первая женщина в Турции, избранная на этот пост.

За этот период Турция предоставила Азербайджану, Грузии и центральноазиатским республикам кредитов в общей сложности на 2 млрд долл. до конца 1990-х годов, но только треть из них была использована этими государствами³⁹⁵. Инвестиции Турции в Центральную Азию к концу 1990-х годов достигли 2 млрд долл. Все региональные государства, включая Таджикистан, извлекли из этого выгоду. Самым важным торговым партнером Турции в Центральной Азии до 1995 г. был Узбекистан (со второй половины 1990-х — Казахстан). К середине 1990-х годов Турция занимала первое место по объему иностранных инвестиций в Узбекистане, который также в экономической и культурной сфере был более ориентирован на Турцию. В 1995 г. на долю Турции приходилось 22% экспорта и 29% импорта государств региона из стран Азии³⁹⁶. До конца 1990-х годов турецкими компаниями были завершены проекты в Центральной Азии на общую сумму 7 млрд долл.; также в регионе насчитывалось 2,5 тыс. совместных предприятий, а объем инвестиций достиг 8,4 млрд долл.³⁹⁷

Проекты строительства газопроводов и нефтепроводов из Туркменистана, Азербайджана и Казахстана в Турцию при поддержке западных стран были в этот период приоритетом энергетической политики Турции. Одним из таких проектов является нефтепровод «Бак — Тбилиси — Джейхан». Еще один проект строительства газопровода

³⁹⁵ Aydın M. Op. cit.

³⁹⁶ Богатуров А.Д. Указ. соч. С. 273-274.

³⁹⁷ Там же. С. 273.

был подписан во время визита президента Сулеймана Демиреля в Туркменистан в 1994 г., но построить его не удалось. Главная причина нереализованности таких проектов заключалась в отсутствии экономических средств Турции.

Также в экономическом плане турецкая политика была направлена на развитие своего торгового пути из Центральной Азии — через Грузию и Азербайджан в обход Ирана, России и Армении — в Европу. Кроме того, Турция, поддерживая Азербайджан, официально занимала нейтральную позицию в конфликте между Арменией и Азербайджаном по Нагорному Карабаху³⁹⁸. С другой стороны, военная операция России в Чечне в 1994 г. изменила формат отношений России с Турцией.

В образовательной сфере происходили следующие процессы. До конца 1990-х годов 11 500 студентов приехали в Турцию из Центральной Азии и Азербайджана в рамках «Большого студенческого проекта». Однако примерно половина из них, не окончив образовательные программы, вернулись в свои страны до конца 1990-х годов. Узбекистан в этот период не отправлял своих студентов в Турцию, так как узбекско-турецкие отношения обострились из предоставления Турцией убежища узбекскому оппозиционеру Мухаммаду Салиху. Более того, президент Каримов закрыл турецкие школы в Узбекистане.

До конца этого периода более 300 дипломатов из государств Центральной Азии получило образование в Турции. Также продолжали свою деятельность такие организации, как ТЮРКСОЙ и ТИКА. За этот период состоялось пять саммитов глав государств тюркоязычных стран — в Стамбуле, в Бишкеке, в Ташкенте, в Астане и в Баку. В 1994 г. в Измире состоялась вторая встреча в формате «Съезд дружбы, братства и сотрудничества тюркских государств и общин». Выступая на нем, премьер-министр Тансу Чиллер отметила, что между тюркскими государствами может быть создано такое же объединение, как Европейский союз. Однако на тот момент это не представлялось реальным.

Несмотря на это, Турция не смогла стать политической и экономической моделью для развития стран Центральной Азии. Причины этого лежат в идеологической, политической, экономической и культурно-образовательной плоскости.

Идеологически новые независимые государства Центральной Азии, включая Азербайджан после Э. Эльчибея, не признавали единую тюркскую идентичность, предложенную Анкарой. Такая политика подвергалась критике и воспринималась как часть экспансионистской идеологии Турции, такой как «пантюркизм», «неоосманизм». В постсоветских странах этот подход был встречен настороженно: не окажется ли так, что Турция быстро станет новым «старшим братом» вместо СССР?

³⁹⁸ Sariahmetoğlu N. Karabağ Sorunu'nun Çözüm Sürecinde Türkiye ve Rusya // Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi. Sonbahar 2016. Vol. 3. No. 2. P. 96-97.

Центральноазиатские элиты в процессе становления государственности ждали от Турции поддержки в плане признания независимости, членства в международных организациях и финансовой помощи. Турция же претендовала на роль нового «старшего брата» для независимых тюркских государств постсоветского пространства, такая идеологическая политика не могла найти взаимопонимания, поэтому не была реалистичной. К концу 1990-х годов Анкара по идеологическим причинам стала отказываться от политики «турецкой модели» и от подходов в рамках тюркского единства. Одновременно США и западные страны прекратили в Центральной Азии и на Южном Кавказе политику в концепции «большой Европы», которая во многом опиралась на Турцию, в частности на идею тюркского единства.

Политически Турция была ориентирована на расширение сферы влияния в Центральной Азии через концепцию «турецкой модели». Это отвечало интересам западных государств. Турция установила дипломатические отношения со всеми постсоветскими странами, в центральноазиатских столицах были открыты посольства Турецкой Республики. Кроме того, Турция поддержала их членство в международных организациях, таких как Исламская конференция и Организация экономического сотрудничества. Ежегодный Саммит глав тюркоязычных государств, организованный по инициативе Турции, оставался востребованным на всем протяжении 1990-х годов. После кончины президента Тургута Озала в 1993 г. первоначальный внешнеполитический энтузиазм Турции на центральноазиатском направлении стал ослабевать. Виной тому стала и внутренняя напряженность — обострилась курдская проблема и активизировалась РПК, как следствие — возросло число террористических и протестных акций сепаратистов, начался экономический кризис и политическая нестабильность. Анкара вынуждена была в большей мере переключиться на решение внутренних проблем и ограничить свою вовлеченность в дела постсоветских республик.

Как же и в чем Турция могла служить моделью для новых независимых государств? Эти государства должны были принять модель турецкой демократии, или ее экономики, или ее систему секуляризма, который у них уже есть? Напротив, Турция не могла найти на государственном уровне поддержки для своей политики со стороны центральноазиатских стран и Азербайджана. Например, Северный Кипр официально не был признан ни одним из них. Армянский вопрос не был поддержан ими на международном уровне. Что касается двусторонних отношений, то турецко-узбекские отношения ухудшились ко второй половине 1990-х годов. Ислам Каримов обвинил турецкое руководство в поддержке радикальных исламских движений в Узбекистане, в предоставлении Турцией убежища узбекским оппозиционерам и т.д.

Экономически Турция, как и другие страны в регионе и в мире, пострадала от глобального финансового кризиса второй половины 1990-х годов. Анкаре пришлось в этот период решать ряд проблем в финансово-экономической сфере внутри страны. Поэтому поддержка экономик стран постсоветского пространства Турцией была в этот период ограниченной. Центральноеазиатские государства не получили тот объем кредитно-финансовых ресурсов, на который рассчитывали именно от Турции. Они также надеялись, что культурная, религиозная и языковая общность облегчит получение иной помощи от Турции, но даже и ограниченные турецкие кредиты не были ими погашены. Осложняло экономические отношения Турции с центральноазиатскими странами и отсутствие сухопутных границ между ними. Как следствие, Турция должна была развивать свою центральноазиатскую экономическую политику параллельно и взаимосвязанно с политикой на Южном Кавказе. Это ограничивало возможности Турции, которая была страной-экспортером в регионе на протяжении 1990-х годов. Проекты по транспортировке энергоресурсов Каспийского бассейна в Европу через Южный Кавказ и Турцию были далеки от реализации также из-за нехватки финансовых ресурсов.

Культурно-образовательная составляющая турецкой политики в регионе в 1990-х годах была сравнительно успешной, хотя не все из намеченных планов удалось воплотить. Общий тюркский алфавит на основе латинской графики был введен в Азербайджане в 1992 г., в Туркменистане и в Узбекистане в 1993 г. Казахстан планирует перейти на латиницу к 2025 г. Несмотря на общность, между алфавитами этих стран есть различия. Более того, было решено написать книгу по тюркской истории, но она также не могла быть подготовлена до 2000-х годов.

В этот период активно развивались учебно-образовательные связи на двусторонней основе. Министерство образования Турецкой Республики, турецкие общественные и религиозные группы сразу создали образовательные учреждения в тюркоязычных странах. Открылись регулярные авиарейсы между столицами и были установлены коммуникационные линии. В сфере высшего образования стартовал «Большой студенческий проект», но ожидаемый результат не был достигнут до конца 1990-х годов. Около половины студентов вернулись в свои страны, не окончив образовательные программы. Поэтому успех проекта дискуссионен. В целом можно отметить, что турецкая политика 1990-х годов в Центральной Азии формировалась на энтузиазме и идеях пантюркизма. Единство тюркского мира сразу же стало приоритетом внешней политики Турции, а инструментом влияния — «турецкая модель», которая на начальном этапе, казалось бы, вызвала ответный энтузиазм у центральноазиатских элит. В концепции «турецкой модели» начали развиваться политические, экономические и культурно-образовательные отношения Турции с

постсоветскими республиками. Относительно стабильная политическая и экономическая система Турции в рамках концепции «турецкой модели» была поддержана западными странами.

3.2.2. Основные направления внешней политики Турции в Центральной Азии в 2000-е годы

В 2002 г. в Турции пришла к власти Партия справедливости и развития (ПСР). Новая турецкая элита, состоящая из представителей консервативных и умеренно-исламистских кругов, обеспечила экономическую и политическую стабильность страны. Во внутренней политике правительство разработало ряд мер и предприняло конкретные шаги по разрешению затянувшихся конфликтов, таких как курдский и кипрский вопросы, отношения с Арменией и Грецией, членство в Европейском союзе.

До настоящего времени некоторые глобальные и региональные события определяли внутреннюю и внешнюю политику Турции: террористические атаки 11 сентября, военные операции в Афганистане и Ираке, цветные революции на постсоветском пространстве, Пятидневная война 2008 г. и движения «Арабской весны» в 2010 г., присоединение Крыма к России и, наконец, пандемия COVID-19. В первом десятилетии 2000-х годов в основном сохранялась прозападная ориентация во внешней политике Турции. В экономическом плане европейские страны сохранили для Турции свою значимость, тем не менее турецкое руководство начало расширять торгово-экономические отношения с незападными странами. Значительно возросли объемы товарооборота с Россией, Китаем, Ираном и региональными странами Южного Кавказа, Ближнего Востока и Африки. В результате турецкая экономика начала неуклонно расти.

Следует отметить, что к первой половине 2010-х годов основные внешнеполитические подходы Турции при правительстве ПСР сформировались вокруг идей из книги Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина: международное положение Турции»³⁹⁹. Он работал советником министра иностранных дел Турции (2003—2009), затем был назначен министром иностранных дел (2009—2014) и, наконец, был избран премьер-министром (2014—2016), поэтому у него была возможность применять свои внешнеполитические концепции на практике. Согласно Давутоглу, стратегическая глубина Турции основана на ее исторических и географических характеристиках; внешнеполитический потенциал Турции заложен в ее истории, культуре, языке, религии и уникальном географическом положении между континентами. Поэтому Турция должна проводить активную политику в своем ближнем зарубежье через многостороннюю дипломатию. Ближнее зарубежье Турции означает

³⁹⁹ Davutoğlu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre. 2001. 600 p.

регионы Ближнего Востока, Балкан и Южного Кавказа. Во внешнеполитических подходах Давутоглу использовалась такая риторика, как «центральное государство», «ноль проблем с соседями», «многосторонняя внешняя политика», «ритмичная дипломатия». Примерно до 2016 г. внешняя политика Турции формировалась на основе именно этих приоритетов. Такой подход подвергался критике некоторыми западными и отечественными экспертами как экспансионистский и неоосманистский. С уходом Ахмета Давутоглу в отставку в мае 2016 г. можно говорить об окончании его внешнеполитической эпохи.

В связи с ухудшением отношений Турции с западными странами она начала проводить более самостоятельную внешнюю политику, расширяя ее возможности на евразийском направлении. Поэтому с 2010-х годов Турция пытается институционализировать свою внешнюю политику в Центральной Азии. Если в первом десятилетии 2000-х годов Анкара во внешней политике игнорировала Центральную Азию, то к концу 2000-х годов, после того как Абдуллах Гюль был избран новым президентом страны в 2007 г., этот регион оказался в центре внимания в контексте продвижения идеи «Тюркского совета». Можно сказать, что в этот период Турция начала предпринимать конкретные шаги к развитию двусторонних отношений с тюркоязычными странами. Стоит также отметить, что, по словам С. Дружиловского и В. Аваткова, «сегодня Турция понимает: в краткосрочной перспективе сложно претворить в жизнь идеи о создании новой тюркской империи на основе *старшебратства* Турции»⁴⁰⁰.

Новое партнерство основывается на реализации взаимовыгодных проектов. Можно говорить о новой внешней политике Турции в регионе, на этот раз далекой от любых идеологических подходов. Анкара более направлена влиять на государства и местные элиты Центральной Азии и на формирование их национальной идентичности через политику «мягкой силы» и расширять свое влияние на повестку дня региона.

По данным МИД Турции⁴⁰¹, у турецкой внешней политики в Центральной Азии следующие приоритеты:

- содействие стабильности и демократическим ценностям путем развития двусторонних и многосторонних отношений;
- расширение деятельности многосторонних организаций, таких как «Тюркский совет» / «Организация тюркских государств», ТЮРКСОЙ и ТИКА;
- развитие сотрудничества с государствами через такие механизмы, как экономические комиссии, советы стратегического сотрудничества высокого уровня;

⁴⁰⁰ Аватков В.А., Дружиловский С.Б. Указ. соч. С. 16

⁴⁰¹ Orta Asya Ülkeleri ile İlişkiler // Türkiye Cumhuriyeti Dış İşleri Bakanlığı. URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-orta-asya-ulkeleri-iliskileri.tr.mfa> (дата обращения: 23.02.2020).

- расширение экономической поддержки;
- улучшение экономических и торговых связей;
- увеличение экономических инвестиций в регионе.

В новый период Турция развивает двусторонние отношения с государствами Центральной Азии более прагматично. В целом присутствие Турции как внешнерегionalной державы в Центральной Азии определяют отношения с Казахстаном и Узбекистаном. Более того, она пытается институционализировать свои отношения с региональными странами. С этой целью во время визита президента Назарбаева в Анкару в 2009 г. между Турцией и Казахстаном был подписан Договор о стратегическом партнерстве⁴⁰², а в 2012 г. был создан Высший совет стратегического сотрудничества. Кроме того, в рамках двусторонних отношений также проводятся заседания Совместной группы стратегического планирования и Смешанной экономической комиссии.

Отношения Турции с Узбекистаном носили нестабильный характер до самой кончины Ислама Каримова и избрания Шавката Мирзиёева на пост президента. Как отмечалось выше, в 1990-е годы президент Каримов обвинил Турцию в поддержке политических оппозиционеров и религиозных группировок Узбекистана. Он также закрыл турецкие школы в Узбекистане и отказался отправлять в Турцию узбекских студентов. Поэтому проблемы в турецко-узбекских отношениях продолжались и в 2000-е годы. В 2005 г. Турция выступила против Узбекистана в ООН в связи с андижанскими событиями. Турецкие негосударственные фонды с участием узбекских оппозиционеров провели в Турции ряд мероприятий, на которых прозвучали обвинения в адрес узбекского руководства, ответственного, по мнению оппозиции, за андижанские события.

Некоторое потепление в узбеко-турецких отношениях наметилось в 2014 г. после визита министра иностранных дел Турции Ахмета Давутоглу в Узбекистан. О нормализации двусторонних отношений можно говорить начиная с 2016 г. — после того как Ш. Мирзиёев был избран президентом Узбекистана. В 2018 г. был создан Высший совет стратегического сотрудничества. Регулярно проводятся заседания Смешанной экономической комиссии между председателями обеих стран. Более того, в 2020 г. в рамках соглашения между двумя странами создан Координационный совет для мониторинга реализации совместных проектов по расширению сотрудничества.

Отношения Турции с Кыргызстаном, Туркменистаном и Таджикистаном носят стабильный характер. С Кыргызстаном Высший совет стратегического сотрудничества был

⁴⁰² Договор о стратегическом партнерстве между Республикой Казахстан и Турецкой Республикой (Анкара, 22 октября 2009 года) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000471> (дата обращения: 12.12.2020).

создан в 2011 г. В области культуры между двумя странами ежегодно организуется множество мероприятий через турецкие государственные организации, такие как ТИКА (Турецкое Агентство по международному сотрудничеству и развитию) и ТЮРКСОЙ (Международная организация тюркской культуры). Турецко-туркменские отношения больше развивались в области экономики. Турецкие экономисты стали советниками президента Туркменистана. В 2000-е годы были осуществлены некоторые взаимные визиты. Так, во время встречи министров иностранных дел Мевлюта Чавушоглу и Рашида Мередова была подписана Программа сотрудничества между Турцией и Туркменистаном на 2019—2020 гг. Регулярные встречи государственных деятелей играют важную роль в двусторонних отношениях. Отношения Турции с Таджикистаном начали нормализоваться поздно из-за гражданской войны в этой стране. В 2003 г. премьер-министр Реджеп Эрдоган посетил Таджикистан. Это можно считать началом нового периода в турецко-таджикских отношениях. В 2012 г. было подписано совместное заявление о создании Совета сотрудничества между Турецкой Республикой и Республикой Таджикистан, а также реализован План сотрудничества между министерствами иностранных дел на период с 2017 по 2020 г.

Турецкую политику в Центральной Азии настоящее время можно оценить по четырем направлениям: экономическое сотрудничество, военно-техническое сотрудничество, интеграция и «мягкая сила».

Экономическое сотрудничество. Экономическая политика Турции в Центральной Азии основана на развитии отношений в сфере энергетики, взаимной торговли и инвестиций в страны региона, а также донорской помощи им. Экономическое присутствие Турции в Центральной Азии будет зависеть от реализации экономических проектов великих держав в регионе. Такими проектами являются Евразийский экономический союз — как проект региональной экономической интеграции и глобальный проект «Один пояс, один путь», который был предложен Китаем в 2013 г.

Турецкая экономика относительно растет с 2002 г. Среднегодовые показатели роста составляют 5,37%⁴⁰³. Центральная Азия становится важным регионом для расширения экономических возможностей Турции, а Казахстан и Узбекистан являются ее крупнейшими экономическими партнерами в регионе. В 2018 г. объем торговли между Турцией и центральноазиатскими государствами составил 6 млрд долл. — 15% от общего объема внешней торговли Турции, а в период с 2014 до 2018 г. объем взаимного товарооборота

⁴⁰³ Real GDP Forecast // OECD. URL: <https://data.oecd.org/gdp/real-gdp-forecast.htm> (дата обращения: 06.04.2020).

между Турцией и странами Центральной Азии составлял 38,94 млрд долл.⁴⁰⁴ Более того, к 2018 г. турецкие инвестиции в регион достигли 15 млрд долл.⁴⁰⁵ Турция списала 49,2 млн долл. долга Кыргызстану в 2012 г.⁴⁰⁶ Важно, что, если в 1990-е годы Турция была страной-экспортером в Центральной Азии, то в 2000-е годы она стала страной-импортером региона благодаря росту импорта энергоресурсов.

В 2000-е годы энергетическая политика стала приоритетом во внешней политике Турции. Она стремится стать энергетическим хабом благодаря своему географическому положению между континентами, поэтому пытается играть определяющую роль в транспортировке нефти и газа из Каспийского бассейна в Европу. В этом контексте Казахстан, Туркменистан и Азербайджан, обладающие богатыми энергетическими ресурсами, являются важными партнерами для диверсификации поставки энергетических ресурсов Турции. Более того, географически регион Южного Кавказа является коридором не только для транспортировки энергоресурсов из таких стран, но и для торговых маршрутов из Центральной Азии (даже из Китая) в Европу через Турцию. Как известно, между Центральной Азией и Турцией нет прямой сухопутной границы. Поэтому в данном случае страны Южного Кавказа — Азербайджан и Грузия — являются партнерами Турции в регионе.

С 1990-х годов разрабатываются различные проекты нефтегазопроводов. Одним из них является нефтепровод «Баку — Тбилиси — Джейхан», по которому поставка нефти началась в 2006 г. Турция включила в этот проект казахстанскую нефть. «Трансанатолийский газопровод» (TANAP) был построен между Азербайджаном и Турцией и открыт в 2018 г. Турция стремится добавить в этот проект туркменский газ. Еще один проект — строительство железной дороги «Баку — Тбилиси — Карс», строительство которого было завершено в 2017 г. Наконец, Турция интересуется китайским проектом «Один пояс, один путь». В этом направлении в 2015 г. между Китаем и Турцией был подписан меморандум о взаимопонимании по согласованию инициативы «Один пояс, один путь» и «Среднего коридора»⁴⁰⁷.

⁴⁰⁴ Türk Cumhuriyetlerine 5 Yılda 24.5 Milyar Dolarlık İhracat // Anadolu Ajansı. 15.10.2019. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/turk-cumhuriyetlerine-5-yilda-24-5-milyar-dolarlik-ihracat/1614208> (дата обращения: 06.04.2020).

⁴⁰⁵ Orta Asya Ülkeleri ile İlişkiler // Türkiye Cumhuriyeti Dış İşleri Bakanlığı. URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-orta-asya-ulkeleri-iliskileri.tr.mfa> (дата обращения: 23.02.2020).

⁴⁰⁶ Türkiye Kırgızistan'ın Borcunu Sildi // TRT Haber. URL: <https://www.trthaber.com/haber/dunya/turkiye-kirgizistanin-borcunu-sildi-38045.html> (дата обращения: 16.04.2020).

⁴⁰⁷ Президент Турции: мы поддерживаем китайский проект «Один пояс, один путь». 03.07.2019. URL: <https://regnum.ru/news/2659256.html> (дата обращения: 01.07.2020).

В регионе работает более 4000 турецких компаний, инвестиции этих компаний в настоящее время достигли 86 млрд долл.⁴⁰⁸ В зависимости от развития экономических связей Турции с ЕЭС и китайским проектом в регионе могут открыться новые возможности для Турции.

Наконец, Турция является одной из стран, которая предоставляет Официальную помощь для развития (ОПР) странам Центральной Азии (на английском языке: Official Development Assistance). По данным QWIDS-OECD⁴⁰⁹, с обретения независимости стран Центральной Азии по 2018 г. турецкая ОПР в Казахстан оценивается на 668 млн долл. (второе место после США), а в Кыргызстан — 1,156 млрд долл. (первое место). ОПР в Туркменистан оценивается в общей сложности в 206,18 млн долл., а в Узбекистан — в 116,98 млн долл. В основном турецкая ОПР передается странам Центральной Азии через ТИКА на развитие сельского хозяйства, улучшение материальной инфраструктуры, сохранение общего культурно-исторического пространства, расширение сотрудничества в области образования и здравоохранения.

Военно-техническое сотрудничество. Турция неактивна в сфере безопасности и военного сотрудничества в Центральной Азии. В течение 1990-х годов она не нашла для себя места в этих областях из-за своих ограниченных ресурсов. Роль Турции также была ограничена в программе «Партнерство ради мира» НАТО в 1994 г. Однако по соглашению о военной помощи она предоставляет финансовую помощь и военную подготовку офицерам вооруженных сил из стран региона. Однако это сравнительно малоэффективные программы.

Более значимой является военная помощь Узбекистану в размере 1,2 млн долл. в марте 2002 г.⁴¹⁰ В 2003 г. с Узбекистаном было подписано Соглашение о сотрудничестве в борьбе с терроризмом⁴¹¹. В зависимости от нормализации двусторонних отношений Турции с Узбекистаном ускоряются темпы военного сотрудничества. В 2017 г. между странами было подписано Соглашение о совместном производстве турецкой военной техники (Ejder Yalçın) в Узбекистане. По сообщениям, она была введена в эксплуатацию Вооруженными силами

⁴⁰⁸ Orta Asya Ülkeleri ile İlişkiler. Op. cit.

⁴⁰⁹ Омуралиев А. Какую международную помощь получили страны Центральной Азии с 1991 года? САБАР. 30.04.2020. URL: <https://cabar.asia/ru/kakuyu-mezhdunarodnuyu-pomoshh-poluchili-strany-tsentralnoj-azii-s-1991-goda> (дата обращения: 21.11.2020).

⁴¹⁰ Özbekistan'a Askeri Yardım // NTV Arşiv. URL: <http://arsiv.ntv.com.tr/news/141424.asp> (дата обращения: 20.04.2020).

⁴¹¹ Türkiye Cumhuriyeti Hükümeti ile Özbekistan Cumhuriyeti Hükümeti Arasında Uluslararası Terörizmle Mücadelede İş Birliği Anlaşması, 19 Aralık 2003 // TBMM. URL: https://www.tbmm.gov.tr/kanunlar/k5207.html?TSPD_101_R0=08ffcef486ab2000a131fabd36186be4f805ac0b20aa40e4b5ca2bc5f24ee9e1f9bc65082f00dfa80898531c32143000eb081826cbc276f0a8414f7de28d6ecac4b025bda051d277fcd9efal106d170d2ef8d338afdbbb97da529e714ba48f8b (дата обращения: 01.06.2020).

Узбекистана⁴¹². Более того, в 2018—2019 гг. турецкие и узбекские военнослужащие участвовали в совместных военных учениях, включая антитеррористическую подготовку.

Военно-техническое сотрудничество с Казахстаном носило ограниченный характер. В 2005 г. в Алматы между генштабами Турции и Казахстана был подписан Протокол о военной помощи Казахстану в размере 900 тыс. долл. С 2010 г. казахстанские студенты военных академий проходят обучение в Турции. В 2019 г. в Турции обучалось 34 военных, 16 турецких военных получали образование в Казахстане⁴¹³. В 2012 г. между турецкой оборонно-промышленной компанией ASELSAN и компанией Kazakhstan Engineering было подписано соглашение на сумму 44 млн долл.⁴¹⁴ Более того, в 1998 и 2018 гг. между странами были подписаны соглашения о военном сотрудничестве.

Кыргызстану с 2000 до 2013 г. Турция предоставила военно-техническую помощь на общую сумму 13 млн долл.⁴¹⁵ Киргизские солдаты время от времени проходят подготовку в турецких вооруженных силах. Нужно подчеркнуть, что с точки зрения региональной безопасности Турция принимала участие в военной миссии НАТО в Афганистане под командованием международных сил содействия безопасности (ISAF). Присутствие группировки в Афганистане было продлено на два года, начиная с января 2019 г. После ухода американских военных из Афганистана возникли новые основания для военного присутствия Турции в этой стране. По словам президента Эрдогана, Турция будет управлять аэропортом, если договорится об условиях с США⁴¹⁶.

Основным партнером Турции в регионе в области военно-технического сотрудничества является Туркменистан. В период с 2012 по 2016 г. доля Турции в импорте вооружений в Туркменистан составляла 36%⁴¹⁷. Экспорт Турции в Туркменистан в 2014—2018 гг. составил 43% от общего объема ее экспорта⁴¹⁸.

В настоящее время турецкая политика в сфере военно-технического сотрудничества с государствами Центральной Азии активизируется. В 2019 г. в Анкаре встретились министр обороны Турции Хулуси Акар и посол Кыргызстана Кубанычбек Омуралиев. Они

⁴¹² Ejder Yalçın Zırhlıları Özbekistan Ordusunda. CNN Türk. URL: <https://www.cnnturk.com/ekonomi/ejder-yalcin-zirhlilari-ozbekistan-ordusunda> (дата обращения: 18.11.2020).

⁴¹³ Kazakistan'dan Türkiye Askeri Alanda Ortağımız Açıklaması // Kırım Haber Ajansı. 20.11.2019. URL: <https://qha.com.tr/haberler/kazakistan-dan-turkiye-askeri-alanda-ortagimiz-aciklamasi/117859/> (дата обращения: 02.07.2020).

⁴¹⁴ Satke R. Michel C. and Korkmaz S., Turkey in Central Asia: Turkic Togetherness? // The Diplomat. 28 November 2014. URL: <https://thediplomat.com/2014/11/turkey-in-central-asia-turkic-togetherness/> (дата обращения: 29.02.2020).

⁴¹⁵ Türkiye'den Kırgızistan'a Askeri Yardım, Dünya Bülteni. 28.02.2013. URL: <https://www.dunyabulteni.net/orta-asya/turkiyeden-kirgizistana-askeri-yardim-h249364.html> (дата обращения: 12.08.2020).

⁴¹⁶ Турция готова управлять аэропортом Кабула, заявил Эрдоган // РИА Новости. 20.07.2021. URL: <https://ria.ru/20210720/kabul-1741972685.html> (дата обращения: 09.08.2021).

⁴¹⁷ Trends In International Arms Transfers. SIPRI 2016. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/Trends-in-international-arms-transfers-2016.pdf> (дата обращения: 20.11.2020).

⁴¹⁸ SIPRI 2016. Op. cit.

договорились о создании совместного военного института в Кыргызстане⁴¹⁹. Также в итоге визитов министра обороны Турецкой Республики Х. Акара в Пакистан, Казахстан и Узбекистан в конце октября 2020 г. между Турцией и Узбекистаном в Ташкенте было подписано Соглашение о военном и военно-техническом сотрудничестве Узбекистана и Турции⁴²⁰. Все это говорит о том, что в новый период Турция может взять на себя более активную роль в военно-технической сфере и предложить странам региона новые пути сотрудничества в этой области.

Интеграция. «Тюркский совет» является наиболее успешным примером интеграционной политики Турции в тюркоязычном мире. В основе создания этой организации лежит процесс проведения саммитов глав тюркоязычных стран в течение 1990-х годов. Как уже упоминалось в соответствующем разделе, первый саммит в 1992 г. не был успешным для турецкой политики. На первом саммите обсуждались некоторые вопросы в культурной и экономической сфере, также было принято решение о создании ТЮРКСОЙ. До 2009 г. состоялось восемь саммитов. Нахичеванский саммит (девятая встреча, состоявшаяся в 2009 г.) стал важным шагом для создания «Тюркского совета». По итогам переговоров было подписано Нахичеванское соглашение о Создании совета сотрудничества тюркоязычных стран. В 2010 г. было официально объявлено о создании «Тюркского совета». В настоящее время из представителей «тюркского мира» только Туркменистан не входит в состав Совета. Десятый саммит состоялся в Стамбуле в 2010 г. Структура «Тюркского совета» включает секретариат в Стамбуле, Совет президентов, Совет министров иностранных дел, Комитет старших должностных лиц, Совет старейшин (аксакалов) тюркоязычных государств, Парламентская ассамблея (ТюркПА) в Баку, Тюркская академия в Нур-Султане и Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) в Анкаре⁴²¹. Совет нацелен на развитие взаимных отношений в тюркоязычном мире, обеспечение экономического и технического сотрудничества, а также на расширение культурных, туристических и гуманитарных связей между государствами-членами.

«Тюркский совет» / «Организация тюркских государств» является наиболее важной многосторонней организацией для институционализации политики Турции в Центральной Азии и создания общего пространства тюркоязычных стран. В то же время это единственная организация в Центральной Азии, членом которой не являются Россия или Китай. Кроме

⁴¹⁹ Türkiye Kırgızistan Ordusu için Askeri bir Üs Kurma Niyetini Doğruladı // Dünya Bülteni. 25.06.2019. URL: <https://www.dunyabulteni.net/orta-asya/turkiye-kirgizistan-ordusu-icin-askeri-bir-enstitu-kurma-niyetini-dogruladi-h444231.html> (дата обращения: 18.11.2020).

⁴²⁰ Грязев А. Армейская дружба: как Турция ищет союзников в Средней Азии // Российская газета. 28.10.2020. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/10/28_a_13337641.shtml (дата обращения: 28.10.2020).

⁴²¹ Узбекистан вступает в Тюркский совет // Агентство Анатолии. 12.09.2019. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/турция/узбекистан-вступает-в-тюркский-совет-/1580118> (дата обращения: 10.04.2020).

того, формирование «Тюркского совета» стало важным шагом для расширения присутствия Турции в Центральной Азии. Совет также является внешнеполитической альтернативой во внешней политике региональных стран. После того как отношения между Узбекистаном и Турцией начали нормализоваться в 2016 г., Узбекистан принял решение вступить в Совет с 2019 г. В 2021 г. «Тюркский совет» переименован в «Организацию тюркских государств». В рамках работы восьмого саммита Туркменистан был принят в организацию в качестве страны-наблюдателя⁴²².

«Мягкая сила». Турция пытается влиять на формирование национальной идентичности государств Центральной Азии, укрепляя свои позиции в образовательной и культурной сфере путем использования потенциала «мягкой силы». Турецкая политика сосредоточилась на развитии отношений не только через региональные правительства, но и через население Центральной Азии, которое в массе своей принадлежит к тюркоязычным народам и в основном исповедует ханафитский мазхаб суннитского ислама. Религиозная и языковая общность являются инструментами «мягкой силы». Такие межгосударственные организации, как ТЮРКСОЙ и ТИКА, продолжают свою деятельность в регионе. ТИКА имеет 57 филиалов по всему миру, пять из них работает в столицах всех центральноазиатских государств. ТЮРКСОЙ — это международная организация по сотрудничеству в сфере культуры. За исключением Таджикистана, все страны региона, Азербайджан и Турция являются членами этой организации.

Кроме ТИКА и ТЮРКСОЙ, другой государственный инструмент — институт Юнуса Эмре — также был создан в 2007 г. Он играет важную роль в распространении турецкого языка во всем мире, выполняя миссию по ознакомлению с турецкой культурой и искусством. Институт имеет филиалы в 58 странах по всему миру. Но в Центральной Азии он был открыт только в Нур-Султане, столице Казахстана, поэтому его образовательный потенциал в регионе не реализован в полной мере. Еще одним учреждением является Управление по делам соотечественников, проживающих за рубежом, и родственных сообществ (YTB), созданное в 2010 г.⁴²³ Образовательная программа турецких стипендиатов «Большой студенческий проект», начатая в Турции в 1992 г., продолжалась до 2012 г. За это время в рамках проекта центральноазиатским республикам было выделено 22 тыс. квот, из них только 15 тысяч были использованы⁴²⁴. Для политики Турции в данной сфере этот проект не был очень успешным, поэтому был реорганизован в 2012 г. в рамках YTB и переименован в

⁴²² Тюркский совет переименовали в Организацию тюркских государств // ТАСС. 12.11.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12912505> (дата обращения: 13.11.2021).

⁴²³ T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı // Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı. URL: <https://www.ytb.gov.tr/kurumsal/baskanligimiz-2> (дата обращения: 06.04.2020).

⁴²⁴ Aydın M., Kafkasya ve Orta Asya'yla İlişkileri, P. 506: Türk Dış Politikası: Kurtuluş Savaşı'ndan Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar. Ed by Baskın Oran, Cilt 3: 2001-2012, İstanbul: İletişim, 2013. 885 p.

«турецкие стипендии» (Türkiye Bursları). Общее количество центральноазиатских студентов, обучающихся в Турции по этой программе, представлено в таблице № 4. Согласно статистике, с 2013 по 2019 г. количество студентов, обучающихся в Турции, увеличилось с 10 023 до 23 423 человек.

Таблица № 4. Количество центральноазиатских студентов в Турции по годам⁴²⁵

Страны	2013-2014	2014-2015	2015-2016	2016-2017	2017-2018	2018-2019
Казахстан	1306	1799	1986	2015	2065	2191
Киргизстан	1410	1819	1994	2032	1926	1937
Таджикистан	469	624	701	692	656	649
Туркменистан	6941	9092	9903	10418	12247	17571
Узбекистан	371	556	652	736	840	1075
Всего	10 028	13 890	15 236	15 893	17 734	23 423

Кроме того, турецкие университеты и учебные заведения продолжают свою деятельность в Центральной Азии. Эти университеты находятся в Казахстане (Международный казахско-турецкий университет имени Х.А. Ясави) и в Кыргызстане (Кыргызско-Турецкий Университет Мана).

В дополнение к этим государственным учреждениям после того, как центральноазиатские страны провозгласили независимость, некоторые религиозные фонды и группы из Турции начали образовательную и культурную деятельность в Центральной Азии. Эти группы начали открывать университеты, турецкие средние школы и центры языкового образования. Наиболее известной из этих религиозных групп является «Джамаат» под руководством Фетхуллага Гюлена (он в настоящее время живет в США и несет ответственность за попытку военного переворота 15 июля 2015 г. в Турции). После попытки военного переворота эта группировка идентифицирована Турцией как Фетхуллахистская террористическая организация (ФЕТО). Турецкие власти потребовали, чтобы все образовательные центры в странах региона, созданные под эгидой ФЕТО, были переданы под турецкое официальное руководство, что вызвало проблемы в отношениях со странами региона. По разным причинам эти учреждения уже были закрыты в Узбекистане до 2000 г., в

⁴²⁵ Рассчитано автором по: URL: <https://istatistik.yok.gov.tr> (дата обращения: 06.04.2020).

Туркменистане — в 2011 г. Таджикистан закрыл эти учебные заведения в 2016 г. — после попытки военного переворота. В Казахстане и Кыргызстане этот вопрос до сих пор не решен. Переговоры с этими странами продолжаются. Очевидно, что образовательная политика Турции в Центральной Азии имеет нерешенные проблемы.

Турецкие телеканалы продолжают вещание в Центральной Азии. С этой целью в 2009 г. был создан телеканал «TRTAvaz». Этот телеканал в течение дня ведет вещание на центральноазиатских языках. Нужно подчеркнуть, что, с одной стороны, телеканал не очень хорошо известен в регионе, с другой — что турецкие сериалы очень популярны в Центральной Азии, так же как во всем мире. Турция является второй по величине страной — экспортером сериалов в мире после США. По состоянию на 2019 г.⁴²⁶ более 150 турецких сериалов было экспортировано в 146 стран. Этот экспорт принес около 500 млн долларов дохода, в то время как было привлечено более 700 млн зрителей. Эти сериалы, большинство из которых не имеют никакого идеологического содержания, часто берут свои сюжеты из повседневной жизни Турции и таким образом поддерживают культурную связь Турции с населением в Центральной Азии. Это также способствует изучению турецкого языка и проведению политики «мягкой силы» в регионе.

Наконец, Турция рассчитывает стать относительно важным направлением туристического бизнеса и трудовой миграции для стран Центральной Азии. Одной из важнейших причин этого является безвизовый режим между Турцией и странами региона, кроме Туркменистана. Данные Министерства иностранных дел Турции о количестве граждан Центральной Азии, посетивших Турцию в период 2015-2017 гг., можно сравнивать в таблице № 5. Программа совместного турпакета «Современный Шелковый путь» была принята «Тюркским советом» в 2014 г. для повышения туристической активности между Турцией и тюркскими республиками. Турпакет на 15 дней охватывает государства, расположенные на историческом маршруте Шелкового пути и являющиеся членами Совета. Проект был представлен в 2018 г.

⁴²⁶ ABD'den sonra en çok dizi ihraç eden ülke Türkiye // Anadolu Ajansı. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/kultur-sanat/abdden-sonra-en-fazla-dizi-ihrac-eden-ulke-turkiye/1641524> (дата обращения: 22.04.2020).

Таблица № 5. Количество граждан Центральной Азии, посетивших Турцию в период 2015-2017 гг.⁴²⁷

Страны	2015	2016	2017	2018	2019
Казахстан	423 744	240 188	402 830	426 916	455 724
Киргизстан	88 369	88 877	104 911	114 926	121 364
Туркменистан	174 330	165 762	230 881	252 911	297 706
Таджикистан	-	-	30 532	40 897	44 155
Узбекистан	143 331	134 330	195 745	241 235	252 138
Всего	829 774	629 157	964 899	1 076 885	1 171 087

3.2.3. Роль России в турецкой политике в Центральной Азии

Центральная Азия является частью постсоветского пространства, и Россия является ключевой страной в вопросах политического, экономического, военно-технического сотрудничества и обеспечения безопасности в регионе. Она также играет важную роль среди внешних сил, которые составляют баланс сил в регионе. Другими первостепенными странами баланса сил в регионе являются Китай, США и европейские страны. При этом Турция, Япония, Южная Корея, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты — это страны, косвенно способствующие балансу сил в регионе. Региональная политическая картина такова, что множество внешних сил создают баланс в разных областях в разной степени.

Как воспринимает Турция российскую политику в Центральной Азии? Отношение Турции к российской политике в Центральной Азии в контексте сотрудничества и соперничества можно разделить на два периода: 1990-е и 2000-е годы.

Первый период начинается с середины 1990-х годов, когда постсоветское пространство стало приоритетом во внешней политике России. До конца 1990-х годов Россия обеспечивала безопасность в Центральной Азии и сохраняла ведущую роль в становлении государственной системы новых независимых республик. Следует отметить, что в этот

⁴²⁷ Источник данных: Türkiye Cumhuriyeti Dış İşleri Bakanlığı Kültür ve Tanıtma Müşavirliği. URL: <http://www.tanitma.gov.tr> и <https://www.turizmuncel.com/haber/turkiyeye-2019-yilinda-kac-turist-geldi> (дата обращения: 09.06.2020).

период в контексте соперничества Анкарой воспринималась не столько политика Москвы в регионе, сколько приоритетное российское присутствие в таких базовых сферах, как экономика, идеология, культура и прочих.

Во-первых, после окончания холодной войны Турция пыталась формировать новый идеологический подход — создание тюркского единства. С идеологической точки зрения эта политика была нацелена на формирование государственности новых республик в Центральной Азии. Но политическая, экономическая и идеологическая ориентация стран Центральной Азии препятствовала осуществлению этих планов. Во-вторых, экономическая политика Турции в этот период была направлена на развитие двусторонних отношений с новыми республиками. При поддержке западных стран она пыталась создать альтернативные маршруты транспортировки энергоресурсов из Каспийского бассейна. Однако прямого соперничества в Центральной Азии между Россией и Турцией не наблюдалось.

В-третьих, Турция проводила активную культурно-образовательную политику в регионе, в частности открывала турецкие образовательные учреждения. Однако в этот краткий период не только турецкая, но и российская политика в данной сфере не была способна эффективно развиваться в центральноазиатских республиках. Поэтому присутствие России в регионе воспринималось Турцией не как угроза национальным интересам, а как конкуренция. Однако это зависело от политики самой Турции в условиях нехватки национальных ресурсов. Поэтому можно сказать, что в течение 1990-х годов не Россия, но российское наследие во всех сферах воспринималось как барьер для проведения турецкой политики. Более того, с середины 1990-х годов Турция считала Россию противовесом Западу, и она разыгрывала российскую карту в своих переговорах с Вашингтоном и Брюсселем по различным вопросам⁴²⁸.

В 2000-е годы российская политика для Турции в контексте соперничества и сотрудничества носит стабильный характер, при этом Россия воспринимается Турцией как страна с наибольшим влиянием в регионе. По меньшей мере картина регионального баланса 1990-х годов для Турции сохраняется. За этот период, в результате активизации политики «мягкой силы» Москвы и Анкары появились потенциальные области соперничества как в культурно-образовательной и экономической политике, так и в других сферах, где Россия играет традиционную роль. В сфере безопасности и военно-технического сотрудничества турецкая политика не конкурирует с российской. В настоящее время военно-техническое сотрудничество Турции с региональными странами может стать причиной конкуренции с

⁴²⁸ Çelikpala M., Rüma İ. Russian and Turkish Foreign Policy Activism in the Syrian Theater // Uluslararası İlişkiler. 2019. Vol. 16. № 62. P. 68.

Россией в регионе, но это зависит от развития турецко-российских отношений на региональном уровне.

Конкуренция за доступ к природным ресурсам, а также за влияние на формирование национальной идентичности стран региона побудила российское руководство осуществить ряд интеграционных проектов на постсоветском пространстве, в том числе в Центральной Азии. Это, несомненно, служит ограничителем политики Турции в Центральной Азии и в экономической сфере, и в сфере безопасности. Наиболее важными из таких организаций являются СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС. Нужно отметить, что более значимые из них с позиций турецкой политики — это ЕАЭС и ШОС. Сохранение гегемонии России в регионе через эти организации косвенно ограничивает региональное присутствие Турции. Более того, расширение влияния России через ЕАЭС также может влиять на экономические отношения Турции со странами региона. Таким образом, экономическая политика Турции в регионе направлена на развитие двусторонних торговых и инвестиционных отношений без каких-либо попыток экономической интеграции. Поэтому приоритетом экономической политики Турции в Центральной Азии является создание альтернативных возможностей и максимальное их использование. Если в ближайшие годы Турция проявит интерес к таким организациям, как ШОС и ЕАЭС, что зависит от развития турецко-российских отношений, это будет влиять на присутствие Турции в регионе и уровень сотрудничества обеих стран.

Традиционное военное присутствие России в Центральной Азии — еще один фактор, ограничивающий политику Турции, поэтому военно-техническое сотрудничество Турции со странами региона также имеет определенные рамки. В последние годы в области оборонной промышленности Турция начала сотрудничать со странами региона, в частности предложив им альтернативную военную технику.

Характер российских двусторонних отношений со странами Центральной Азии и характер отношений Турции с региональными странами имеют много различий. Это проявляется также через восприятие российской политики Турцией. Региональные страны проводят «многовекторную»⁴²⁹ внешнюю политику и хотят сотрудничать в определенных областях как с Турцией, так и с Россией. Не следует ожидать от руководства стран Центральной Азии, что они предпочтут долгосрочное сотрудничество с каким-либо государством, если у них есть альтернатива. Для внешней политики центральноазиатских республик характерна именно многосторонняя внешняя политика.

Наконец, Россия является для стран Центральной Азии центром трудовой миграции и обучения студентов в ВУЗах. Это способствует сохранению связи правящих элит и населения республик с Россией через русский язык. Он является де-факто международным

⁴²⁹ Казанцев А. Указ. соч. С. 75.

языком в регионе. Этот фактор способствует проведению российской политики «мягкой силы», а также влиянию Москвы на формирование национальной идентичности независимых республик. После перехода Казахстана на латинский алфавит в регионе только Кыргызстан останется с кириллицей среди тюркоязычных государств, поэтому можно ожидать увеличение активности Турции в области «мягкой силы».

Перспективы российской политики в Центральной Азии обсуждаются в контексте даже отсутствия таковой в регионе в долгосрочной перспективе. Вопрос этот, конечно, спорный. В любом случае нельзя забывать, что современная центральноазиатская политика России во многом базируется на наследии Советского Союза. Исходя из этого, можно предположить, что степень влияния России на центральноазиатские государства будет обратно пропорциональна временной дистанции до СССР.

С другой стороны, постсоветские страны не способны решить ни одну региональную проблему без участия России. Таким образом, политика Турции фактически фокусируется на заполнении пробелов в политике России в Центральной Азии. Конечно, необходимо включить в эту структуру и других внешних игроков, участвующих в конкурентной борьбе за влияние в Центральной Азии. Россия, несомненно, является наиболее важной страной — конкурентом Турции в регионе по причине того, что турецкая политика не может активно реализовываться в тех областях, где Россия эффективно проводит свою политику. Наконец, можно подчеркнуть, что в Центральной Азии Россия воспринимается Турцией в основном как конкурент, но уровень конкурентоспособности меняется. В настоящее время не наблюдается прямого конфликта интересов России и Турции, однако это не означает, что можно игнорировать возможности друг друга конкурировать косвенно, в зависимости от активизации турецкой политики в тех областях, где Россия играет ведущую роль.

3.3. Соперничество и сотрудничество в отношениях России и Турции

С распадом Советского Союза началась новая эра в турецко-российских отношениях. В период холодной войны самым важным фактором, формирующим внешнюю политику двух стран, было восприятие угрозы⁴³⁰. Действительно, членство Турции в западном блоке и сухопутная граница с Советским Союзом на Кавказе обеспечивали преемственность такого подхода. Двусторонние отношения начали развиваться в энергетической сфере в конце 1980-х годов и продолжали в 1990-е годы. Однако после завершения холодной войны появилось много новых направлений для развития взаимоотношений двух стран.

⁴³⁰ Çelikpala M. Op. cit. P. 3-4.

Турция стала одним из первых государств, признавших независимость постсоветских стран. Она была поддержана западными государствами в проведении политики «турецкой модели» на постсоветском пространстве. 1990-е годы знаменуют собой период, когда складывался характер двусторонних отношений России и Турции, а с 2000-х годов масштаб этих отношений значительно расширился. Помимо энергетической сферы, началось сотрудничество по военно-технической линии, по вопросам безопасности, в области культуры и образования.

Для оценки двусторонних отношений нужно, во-первых, отметить, что в международной системе Россия является великой державой, а Турция имеет статус средней державы. Поэтому при изучении характера турецко-российских отношений следует в первую очередь учитывать статус двух стран в международной системе. Это можно также оценить в многополярной международной системе как определяющий элемент двусторонних отношений. Во-вторых, в соответствии с этими статусами следует учитывать внешнеполитический потенциал этих стран. В-третьих, анализ отношений двух стран необходимо проводить на двух уровнях — глобальном и региональном. Баланс сотрудничества и соперничества на каждом уровне исследования напрямую влияет на развитие отношений двух стран в сфере энергетики, безопасности, военного-технического сотрудничества и других. Например, после кризиса в ноябре 2015 г. товарооборот двух стран резко снизился⁴³¹, а Турция вскоре начала уделять приоритетное внимание диверсификации экспорта энергетических ресурсов.

На глобальном уровне политика двух стран в значительной степени пересекается. Приоритетная задача внешней политики России — стать одним из центров власти в многополярной мировой системе, в то время как Турция претендует на повышение своей роли на мировой арене и в последние десятилетия проводит активную внешнюю политику. Обе страны бросают вызов либерально-капиталистической системе в той мере, в какой их статус этому благоприятствует. Такая политика Турции стала наблюдаться после 2010-х годов. С другой стороны, обе страны в международных организациях принимают более активное участие в решении глобальных и региональных задач. Важно отметить, что еще одна причина, по которой интересы двух стран пересекаются на глобальном уровне, связана со статусом государств в международной системе. Тот факт, что Турция является средней державой, а Россия — незападной великой державой, не позволяет называть их полноценными соперниками на глобальном уровне.

⁴³¹ Şahbazov R., Şahtahtı S. Uçak Krizinin Türkiye-Rusya Ekonomik İlişkilerine Etkisi // EkoAvrasya. 14.02.2016. URL: <https://ekoavrasya.net/Duyuru.aspx?did=202&lang=TR> (дата обращения: 12.09.2021).

Уровень анализа отношений в регионе следует оценивать как область, в которой возникает баланс сотрудничества и соперничества. Региональная структура российско-турецких отношений с исторической точки зрения выдержала конкуренцию со времен Российской и Османской империй, потому что региональные интересы обеих стран всегда сталкивались друг с другом.

Центральная Азия, Ближний Восток, Северная Африка, Черноморский регион, Южный Кавказ и Балканы — это регионы, где турецко-российские отношения имеют потенциал для развития в разных областях и в разной степени. Нужно отметить, что в современный период две страны де-факто не вступали в конфликт в этих регионах, но перспектива конфликта интересов всегда очевидна. Более того, в Центральной Азии между российской и турецкой политикой наблюдаются элементы как сотрудничества, так и соперничества⁴³².

3.3.1. Причины сохранения баланса между сотрудничеством и соперничеством

Центральная Азия является одним из приоритетных регионов во внешней политике и Турции, и России. Интересы стран пересекаются и конкурируют в разных сферах и на разных уровнях. Это приведет к тому, что обе страны увеличат свои материальные возможности и займутся более эффективной борьбой за региональное влияние, потому что политическая и экономическая стабильность сделает обе страны активными региональными игроками. События последних двух десятилетий подтверждают тот факт, что Россия и Турция зачастую по разные стороны: в Пятидневной войне в 2008 г., при присоединении Крыма к России в 2014 г., в урегулировании сирийского кризиса после 2015 г. и на Южном Кавказе в 2019 г. На данный момент, чтобы определить причины, по которым политика двух стран должна поддерживать баланс сотрудничества и соперничества, необходимо оценить факторы, влияющие на их политику в Центральной Азии. Это позволит выявить цели и определить границы региональной политики обеих стран.

Вопрос, который нужно задать в первую очередь, — о том, почему политика двух стран в Центральной Азии на региональном уровне основана на балансе элементов сотрудничества и соперничества. Ответ на этот вопрос зависит от некоторых факторов для Турции и России: статус Турции в международной системе, региональные интересы двух стран, их присутствие в Центральной Азии, потенциал «мягкой силы» двух стран и отношения государств Центральной Азии с Турцией и Россией.

Прежде всего, как определено в этом исследовании, Россия является великой державой, а Турция — средней державой. Эти статусы играют решающую роль в определении

⁴³² Çelikpala M. Rekabet ve İş birliği İkileminde Yönünü Arayan Türk-Rus İlişkileri // Bilig. Kış 2015. No. 72. P. 128.

региональной политики двух стран, так как все страны могут повышать свою региональную и глобальную активность пропорционально своему потенциалу. Гарантом роли Турции в регионе выступает ее статус в международной системе. То же справедливо и для России, являющейся одной из великих держав, устанавливающих интеграцию в экономической, политической и военной сферах в регионе. В то время как растущая напряженность в отношениях с Западом создала практическую необходимость сотрудничества обеих стран, схожие амбиции и их противоречащие национальные интересы по-прежнему остаются серьезными проблемами для дальнейшего сотрудничества⁴³³.

Более того, у Турции и России существуют исторические, географические, экономические и культурные причины для того, чтобы быть ведущим игроком в Центральной Азии⁴³⁴. На данный момент для Турции важен «Тюркский совет» («Организация тюркских государств»), созданный под ее руководством. Однако это в большей степени связано с тем, что с ослаблением американской гегемонии средние державы стали проводить более свободную региональную политику. Если сравнивать статусы этих государств с неореалистическими и неолиберальными тезисами, то региональный баланс двусторонних отношений в некотором смысле обязателен. Таким образом, согласно неореалистической теории, в международной обстановке, где обостряются дискуссии о многополярной системе мира, Россия в результате станет одним из этих полюсов. Она определяет границы и присутствие Турции в Центральной Азии, потому что у Турции нет достаточных экономических и военных ресурсов, чтобы продолжительное время выдерживать конкуренцию не только с Россией, но и с другими крупными державами, присутствующими в регионе, — Китаем и, в меньшей степени, США. Таким образом, в многополярном мире Центральную Азию можно охарактеризовать скорее, как регион, где идет большая борьба за власть. Здесь возникают большие конфликты интересов.

Согласно неолиберальной теории, в условиях, когда анархическая структура международной системы ведет к большей неопределенности, межгосударственные отношения на основе партнерства и конкуренции могут стать более управляемыми в позитивном смысле. Таким образом, в новом порядке великие державы могут реализовывать свои интересы во многих сферах. А Турция может проводить более независимую политику с Россией, в первую очередь по экономическим вопросам на региональном уровне.

Еще одной важной областью, которая способствует балансу элементов сотрудничества и соперничества в политике Турции и России, является участие обеих стран в

⁴³³ Balta E. Op. cit. P. 81.

⁴³⁴ Грозин А.В., Мигранян А.А. Евразийская интеграция в Центральной Азии и глобальные геополитические трансформации // Постсоветский материк. 2014. № 3 (3). С. 21.

международных отношениях в Центральной Азии. Во-первых, Россия является одним из главных политических акторов в Центральной Азии. Во-первых, регион входит в состав постсоветского пространства, в связи с чем военно-техническое партнерство государств Центральной Азии находится под российским доминированием. Это достигается за счет экономических связей, расположения военных баз и соглашения о коллективной безопасности. Это доказывает, что Россия — один из ключевых участников международных отношений в регионе.

Турция же является одним из второстепенных акторов в регионе. Эта ситуация не изменилась с 1990-х годов (разве что тогда Турция в большей степени проводила региональную политику в контексте «турецкой модели» с поддержкой западных стран)⁴³⁵. В результате ослабления современной международной системы Турция может развивать свои отношения с региональными странами на более независимой от западных стран основе. Создание «Тюркского совета» стало важным шагом в этом направлении. Второстепенное положение Турции в Центральной Азии обусловлено ее соответствующим вкладом в экономику стран региона и ограниченным военно-техническим партнерством. Эта позиция Турции в регионе требует согласования отношений с внешними силами региона. В случае конфликта интересов характер двусторонних отношений России и Турции определяет устойчивость баланса сотрудничества и соперничества. На данный момент одним из важных вопросов является интерес Турции к незападным международным организациям в соответствии с меняющимися внешнеполитическими приоритетами.

Турция в течение некоторого времени развивает отношения с Евразийским экономическим союзом и Шанхайской организацией сотрудничества. Эта ситуация, возникшая в результате неизбежного развития отношений с Россией и Китаем, может открыть для Турции новые возможности в Центральной Азии. Вместе с тем такие внешнеполитические изменения могут сделать Турцию более зависимой от региональной политики Китая и России. Несомненно, отказ от роли независимого актора закрепляет второстепенную роль Турции в международных отношениях в регионе.

Политика «мягкой силы» — наиболее важная область, в которой турецкие и российские интересы соперничают в Центральной Азии. Обе страны имеют исторические, культурные и религиозные связи с народами региона. Для России эффективность использования русского языка в регионе способствует преемственности российской образовательной и культурной политики. Значительное число студентов из Центральной Азии учатся в России. В то же время авторитарные режимы в регионе гарантируют продолжение связей с Россией в этой

⁴³⁵ Aras B. Turkish Policy toward Central Asia // SETA. 01.04.2008. URL: <https://www.setav.org/en/turkish-policy-toward-central-asia/> (дата обращения: 12.09.2021).

сфере. Кроме того, присутствие русскоязычного населения во всех государствах региона является историческим наследием этих стран; и это присутствие не было причиной какой-либо политической нестабильности в регионе. Россия выступает гарантом политических и экономических прав этого населения; проблема получения двойного гражданства остается на повестке двусторонних отношений, например, с Туркменистаном. Переход языков региональных государств на латинский алфавит можно рассматривать как негативное событие с точки зрения будущего русского языка в регионе⁴³⁶. Среди региональных государств только в Кыргызстане и Таджикистане на данный момент такой переход не осуществлен.

При оценке турецкой политики важно, что население центральноазиатских государств, за исключением Таджикистана, тюркоязычное и в большинстве своем исповедует ислам суннитского толка. Эти факторы определяют сферы деятельности турецкой «мягкой силы». Турецкая «мягкая сила», в том числе создание правительственных учебных заведений и организаций, представляет собой важную альтернативу для стран Центральной Азии в образовательной и культурной сферах. Как уже упоминалось в соответствующем разделе, в последние годы проблемы турецких образовательных учреждений в Казахстане и Кыргызстане негативно влияют на политику «мягкой силы» Турции, однако это не указывает на какие-либо изменения в потенциальном присутствии страны в этой сфере. Важно отметить, что политика мягкой силы в регионе проводится не только Россией и Турцией. Китай, европейские страны, арабские государства, формирующие разные векторы в регионе, также проводят политику в сфере образования и религии. Это создает многостороннюю картину в плане присутствия мягкой силы в регионе.

Турция и Россия в политике «мягкой силы» соперничают друг с другом в гораздо большей степени, чем в других сферах. У Турции здесь больше возможностей, чем в других областях внешней политики; это гарантируют исторические культурные и религиозные связи с центральноазиатскими народами. Однако даже если политика «мягкой силы» оценивается только между Турцией и Россией, нельзя говорить о превосходстве одного над другим. Даже если доля студентов и работающих в России выше, чем в Турции, турецкое руководство пытается в равной мере влиять на элиты стран Центральной Азии. Это порождает разные процессы влияния на местные элиты в формировании их национальной идентичности.

Внешняя политика государств Центральной Азии также поддерживает баланс сотрудничества и соперничества интересов Турции и России в регионе. Однако похоже, что

⁴³⁶ Uzbekistan Aims for Full Transition to Latin-based Alphabet by 2023 // RFT/RL. 12.02.2021. URL: <https://www.rferl.org/a/uzbekistan-aims-for-full-transition-to-latin-based-alphabet-by-2023/31099723.html> (дата обращения: 12.09.2021).

они отдают приоритет России, но для них важно, что существуют альтернативы во внешней политике, в частности в связи с тем, что это может снизить их зависимость от России. Ситуация в каждом из государств Центральной Азии разная. Казахстан и Узбекистан, как могущественные страны региона, активно проводят многостороннюю внешнюю политику. Кыргызстан и Таджикистан — самые слабые государства региона, поэтому они в большей степени зависят от России и Китая. Статус нейтралитета Туркменистана открывает для Турции больше возможностей, особенно в контексте экономической политики. Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан являются постоянными участниками интеграционных проектов под эгидой России. Позиция Узбекистана по этому вопросу периодически меняется. В последнее время интерес страны к Евразийскому экономическому союзу свидетельствует о том, что Союз предлагает Узбекистану важную альтернативу.

Причинами сбалансированности региональной политики России и Турции, основанной на сотрудничестве и соперничестве, являются: статус России и Турции в международной системе, присутствие двух стран в Центральной Азии, их потенциал «мягкой силы» и уровень развития их отношений со странами региона.

3.3.2. Перспективы динамики отношений России и Турции

Последние тенденции в мировой политике оказывают непосредственное влияние на системные изменения. Однополярный мировой порядок с ослаблением американской гегемонии приобретает многополярный характер. Можно называть такой процесс трансформацией мировой политики. Эта трансформация также влияет на отношения между государствами, которые имеют разные статусы в системе. Примером здесь могут служить российско-турецкие отношения: рассматриваемая трансформация укрепляет роль России как великой державы в международной системе, одновременно предоставляя Турции возможность проводить более независимую от западных союзников региональную политику⁴³⁷.

В такой международной среде в турецко-российских отношениях формируются элементы как сотрудничества, так и соперничества. Турция, испытывая проблемы со своими западными союзниками, ищет альтернативные центры во внешней политике, а Россия ослабляет западный блок, развивая отношения с незападными странами, которые проводят прозападную внешнюю политику⁴³⁸. Для обеих сторон это создает ряд как отрицательных, так и положительных последствий.

⁴³⁷ Rûma İ, Çelikpala M. Op. cit. P. 68.

⁴³⁸ Aras B. Op. cit.

Прежде всего, если средняя держава намерена улучшить свои отношения с незападными великими державами, это может иметь ряд негативных последствий, так как в результате относительный выигрыш заменяется абсолютной зависимостью. То есть сотрудничество средних держав с великими державами часто приводит к асимметричным отношениям⁴³⁹. Особенно ярко это можно наблюдать в экономических отношениях двух стран, однако главная цель незападных великих держав состоит в том, чтобы сделать международную систему многополярной, от них также не следует ожидать установления союзнических отношений со средними державами. В этой ситуации можно ожидать два сценария внешнеполитического поведения незападных великих держав: ограничение инициативы средних держав в региональных вопросах либо, напротив, предоставление средним державам еще больше инициативы в разрешении региональных вопросов. Эта ситуация формируется скорее в соответствии с региональными интересами великих держав.

С другой стороны, способность этих государств разрешать кризисы в двусторонних отношениях также должна быть реально оценена. Когда произошел ноябрьский кризис между Турцией и Россией в 2015 г., обе страны предприняли взаимные шаги для устранения проблемы в короткие сроки и за короткое время добились нормализации отношений; примирение продолжалось в таких стратегических проектах, как «Аккую» и «Турецкий поток»⁴⁴⁰. Если бы Турция и Россия не намеревались сбалансировать свои интересы в более широкой перспективе, как могло бы так быстро быть достигнуто решение проблемы? В целом можно ожидать, что конкурирующие государства, сохраняющие стабильность в экономической, военной и политической сферах, будут постоянно вступать друг с другом в конфликты интересов и испытывать проблемы. Однако на примере турецко-российских отношений видно, что баланс элементов сотрудничества и соперничества на региональном уровне в последнее время значительно улучшился. В любом случае вопрос о том, в какой степени в двусторонних отношениях интересы России и Турции пересекаются, требует специального исследования. Это связано с тем, что в более широкой перспективе интересы становятся гармоничными, как обсуждалось выше.

В какой степени российско-турецкие отношения в целом могут квалифицироваться как стратегическое партнерство, союзнические отношения, взаимозависимость и т.д.? Несомненно, их нельзя оценивать в контексте союзничества, поскольку пока нет постоянного развития военного и экономического сотрудничества. Материальные ресурсы и статусы в международной системе обеих стран различны, а периодические кризисы в

⁴³⁹ Duran B. The Sole Axis of Turkey'S Foreign Policy // Daily Sabah. 11.02.2020. URL: <https://www.dailysabah.com/columns/duran-burhanettin/2020/02/11/the-sole-axis-of-turkeys-foreign-policy> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴⁴⁰ Çelikpala M. Op. cit.

двусторонних отношениях ставят под угрозу преемственность этих связей. Таким образом, термин «стратегическое партнерство» может быть использован для описания российско-турецких отношений в краткосрочной перспективе. Таким образом можно рассматривать и региональные отношения.

Если бы не общие интересы двух стран на глобальном уровне, на региональном уровне могла бы сформироваться более напряженная повестка конфликта интересов. События в регионе Черного моря, в Сирии и на Южном Кавказе нельзя полностью рассматривать как политические и военные успехи только России или только Турции. Обе страны добиваются разных успехов в этих регионах. В кризисных зонах каждая из двух стран играет свою роль.

В основном интересы России и Турции остаются гармоничными, элементы сотрудничества и соперничества в региональных отношениях служат для установления их баланса. Важно отметить, что приоритеты в турецкой и российской внешней политике также поддерживают эту ситуацию. При этом во внешнеполитических приоритетах Турции де-факто происходят изменения, отказ от полностью прозападной внешнеполитической ориентации также затрудняет балансирование с Россией в региональных отношениях. С одной стороны, Турция пытается сохранять экономические связи с западными странами, а с другой — развивать отношения с незападными странами и институтами. Это фактически указывает на то, что ось турецкой внешней политики в целом меняется. Такая ситуация позитивна и для России, потому что при таких изменениях средняя держава нуждается в развитии отношений с незападными великими державами.

Такая тенденция имеет и отрицательные и положительные последствия для развития отношений России и Турции. Как обсуждалось в предыдущем разделе, значение Центральной Азии для этих двух стран носит многомерный характер. Диверсификация национальных интересов в Центральной Азии приводит к тому, что отдельные элементы внешней политики каждой из рассматриваемых стран набирают вес там, где одна превосходит другую. Исходя из этого, интересы обеих стран в регионе связаны с элементами конфликта и партнерства. Эти элементы требуют стабилизации интересов, особенно в Центральной Азии. Важно отметить, что глобальный и региональный характер двусторонних отношений определяет направление энергетического, военно-технического партнерства и социально-культурных отношений. Например, отмена безвизового режима для турецких граждан, посещающих Россию, после ноябрьского кризиса подтверждает это требование. Негативное влияние подобных кризисов на энергетическую и другие экономические сферы, как правило, улучшается по мере нормализации двусторонних отношений.

Центральная Азия является важной областью формирования будущего характера отношений России и Турции.

Выводы к главе

Россия является одним из главных акторов в Центральной Азии. Помимо статуса великой державы, эту роль поддерживает ее военное и экономическое присутствие в регионе. Центральная Азия — пространство конкуренции для внешних держав. Можно сказать, что в 1990-е годы центральноазиатская политика России вступила в процесс разработки. С 2000-х годов до настоящего времени регион является важным вектором в построении российской внешней политики. Элементами политики России в Центральной Азии являются экономика, военно-техническое партнерство, энергетические отношения и политика в области мягкой силы.

Центральноазиатский регион имеет многоакторную структуру. Турция является одним из таких действующих акторов для России. Интересы двух стран пересекаются в разных областях и в разной степени. Турция стала соперничающей страной для России в 1990-е годы, когда внешняя политика Турции формировалась на идее «единства тюркского мира». Важность этого можно понять в контексте влияния Турции на мусульманское население тюркского происхождения внутри страны, притом, что Россия уделяла и уделяет приоритетное внимание вопросу безопасности границ. Однако Турция в этот период не проводила никакой официальной политики в отношении этого населения в России. Напротив, обострившаяся борьба Турции с террористической организацией РПК ограничила ее политику в этой области. С 2000-х годов российско-турецкие отношения изменили роль Турции в российской политике в Центральной Азии, что позволяет оценивать региональную политику двух стран на основе элементов сотрудничества и соперничества.

Политику Турции в Центральной Азии разделить на два периода: в 1990-х и в 2000-х годах. В первый период Турция, не очень подготовленная, при поддержке западных стран хотела получить новую роль в Центральной Азии. Но нехватка ресурсов страны ограничила турецкую политику. С 2010-х годов политика Турции в Центральной Азии была переформулирована. Важными целями этой новой политики стали развитие экономических отношений для получения взаимной выгоды и создание «Тюркского совета». Создание Совета, в который входят страны Центральной Азии (кроме Таджикистана и Туркменистана) и Азербайджан, стало приоритетом внешней политики в новую эпоху. Политика Турции в Центральной Азии в настоящее время базируется на таких приоритетах, как экономика и мягкая сила. Турция по меньшей степени предлагает военно-техническое сотрудничество государствам Центральной Азии. Студентам из Центральной Азии предоставляется возможность учиться в Турции, турецкое образование можно также получить в турецких учебных заведениях, открытых в странах региона. Политика Турции в области безопасности

и в военной области, которые мы называем традиционными областями, ограничена. Можно сказать, что великие державы в регионе, такие как Россия и Китай, проводят более активную политику в этих областях, что ограничивает роль Турции.

Присутствие в регионе с 1990-х годов России как наиболее важного внешнего государства является многозначным фактором влияния на политику Турции в Центральной Азии и формирования баланса интересов двух стран. В то время как в 1990-х годах их региональная политика развивалась достаточно независимо друг от друга, с 2000-х годов ситуация изменилась. В настоящее время Россия в контексте развития двусторонних отношений является важной страной для Турции и одновременно конкурентом в региональной политике.

Двусторонние отношения Турции и России можно оценить на глобальном и региональном уровнях. Уровень региональных отношений — это скорее область, где возникают элементы сотрудничества и соперничества. В целом национальные интересы России и Турции, их статус в международной системе, экономическое и военное присутствие в регионе, потенциал «мягкой силы» и их собственные отношения со странами региона определяют уровень сотрудничества и соперничества в отношениях на региональном уровне. Элементы партнерства и конкуренции сбалансированы в зависимости от уровня развития двусторонних отношений на глобальном и региональном уровнях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После распада СССР и окончания холодной войны биполярный мировой порядок был разрушен. Это вызвало значительные изменения в системе международных отношений. В течение 1990-х годов была установлена американская супергегемония. Либерально-капиталистическая система сформировала внешнеполитический вектор великих держав. В этом миропорядке преобладание либерально-капиталистической системы была достигнута за счет экономической глобализации. Однополярная система при американской гегемонии принесла относительную стабильность системы международных отношений на глобальном уровне.

С 2000-х годов возник ряд глобальных кризисов, они рассматриваются в исследовании как *стресс-тесты*. Эти кризисы оказали непосредственное влияние на американскую гегемонию и мировую политику. В связи с этими кризисами система международных отношений начала трансформироваться: исчезают признаки однополярности и складывается, если уже не сложилась, многополярная/полицентричная структура мира. В контексте многополярности дискуссии о структуре международной системы возникают не только в результате ослабления американского влияния, но и растущего влияния таких стран, как Китай и Россия. Эта тенденция поддерживает создание многополярного мира в постамериканском беспорядке.

После распада Советского Союза во время американской супергегемонии появление новых независимых государств на постсоветском пространстве, в том числе в Центральной Азии, повлекло за собой геополитическую трансформацию. До того времени Центральная Азия была закрыта для государств мира. После распада СССР она стала местом пересечения интересов различных стран и политических сил. Исторически Центрально-Азиатский регион лежит в центре транзитных маршрутов торговых путей, в настоящее время он также находится в центре глобальных и региональных проектов. Здесь наблюдается соперничество США (западных стран), России и Китая. Региональные и внешние державы, такие как Турция, Иран, Япония и др., проявляют интерес к расширению своего влияния через проведение комплексной политики. В результате это создает баланс сил множества внешних игроков в регионе.

После окончания холодной войны статус России и Турции в глобальной и региональной системе можно определять как великая держава и средняя держава соответственно.

Отношения между великими и остальными державами в международной системе обычно определяются системным влиянием. Иными словами, полярность мировой системы

является одним из главных факторов, определяющих такие отношения. Для того чтобы выявить баланс сотрудничества и соперничества интересов Российской Федерации и Турецкой Республики, их двусторонние отношения нужно рассматривать в первую очередь в контексте отношений между великими и средними державами в неоднполярной мире и их собственной региональной политики в Центральной Азии. В соответствующих разделах работы подробно описана роль Турции и России в международной системе как великой и средней держав.

Для оценки турецко-российских двусторонних отношений можно использовать два уровня анализа. Первый — это глобальный уровень. Представления о миропорядке в обеих странах во многом совпадают. Российское руководство претендует на более значимую роль в мировой политике, продвигая свой статус великой державы с помощью концепции многополярности/полицентричности. А Турция стремится играть более активную роль в решении глобальных задач. Второй уровень анализа, используемый при оценке отношений между двумя странами, — региональный. В отличие от глобального уровня, на региональном уровне Турция и Россия проводят разную политику и имеют разные интересы ввиду исторического наследия двусторонних отношений. С точки зрения региональной политики эти две страны соперничают друг с другом. В борьбе за региональное влияние отношения двух стран обычно развиваются в балансе партнерства и конкуренции. В данном случае Центральная Азия является центром пересечения российских и турецких интересов.

Учитывая глобальный и региональный уровни в двусторонних отношениях, с теоретической точки зрения российско-турецкие отношения можно оценивать сквозь призму как неолиберальной, так и неореалистской теорий международных отношений о сотрудничестве и соперничестве великих и средних держав. Например, увеличение материальных возможностей двух стран повышает вероятность конфликта национальных интересов, в то время как события в международной системе объединяют две страны вокруг общей глобальной и региональной политики. В связи с этим, если мы посмотрим на элементы балансирования и *bandwagoning* в отношениях двух стран, их уровень скорее связан с изменениями приоритетов во внешней политике Турции. То есть политика Турции как страны — союзника Запада использовалась в балансировании с Россией во многих сферах. В то время как у страны обостряются противоречия с Западом, усиливается и восприятие угроз со стороны России. Сложившаяся ситуация обязывает Турцию взаимодействовать с Россией в региональной политике. Это, в свою очередь, делает важным баланс в двусторонних отношениях.

Иерархическая структура международных отношений в Центральной Азии создает конкуренцию между внешними силами в разных областях разной интенсивности. Например,

региональная безопасность обеспечивается Россией через военные базы, расположенные в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане. В то время как Китай развивает двусторонние отношения в основном за счет экономических инвестиций в разной степени во всех региональных странах. Таким образом, международные отношения в Центральной Азии определяют три важных положения:

1) проекты США, России и Китая, которые обещают регионализацию или включение в процессы глобализации региона Центральной Азии;

2) три глобальных кризиса и их влияние на Центральную Азию: 11 сентября 2001 г. — стресс-тест на глобальную безопасность; стресс-тест финансового кризиса 2008 г.; пандемия COVID-19 как третий стресс-тест на политическую и экономическую состоятельность;

3) влияние российского, китайского и американского проектов на международные отношения и на внешнюю политику региональных стран в Центральной Азии.

Центральноазиатские государства находятся в центре интеграционных проектов будущего мирового порядка. Этот регион лежит в основе евразийской интеграции. То есть, если миропорядок станет многополярным, то Центральная Азия будет в центре внимания великих держав. Одним из самых влиятельных государств в этом случае в Центральной Азии будет Россия. Ее статус великой державы также укрепляет ее влияние. В настоящее время Центральная Азия является приоритетным направлением российской внешней политики. Прежде всего, она расположена в постсоветском пространстве. Общее историческое прошлое России с республиками Центральной Азии объясняет продолжительность российского присутствия в регионе. Россия играет значительную роль в международных отношениях не только в политической и экономической областях, но и в сфере безопасности.

Турция является одной из внешних сил и играет второстепенную роль в Центральной Азии. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, у страны не хватает ресурсов, необходимых для проведения эффективной внешней политики в наиболее важных областях, таких как военно-техническое сотрудничество, экономика и политика. Во-вторых, исходя из первой причины, Турция как средняя держава сталкивается с ограничениями в своей внешней политике. К концу 2000-х годов она запустила новую региональную политику, предлагая странам региона реализацию взаимовыгодных проектов. Однако на этот раз внешняя политика далека от идеологии, как это было в 1990-е годы; усилия направлены в большей степени на оказание влияния на государства и местные элиты Центральной Азии, на формирование их национальной идентичности через реализацию политики «мягкой силы» и расширение своего влияния на местные элиты.

С точки зрения России региональную политику Турции в Центральной Азии лучше рассматривать в двух периодах: (1) 1990-е годы, (2) 2000-е и 2010-е годы. В 1990-е годы

турецкая националистическая внешнеполитическая риторика по наращиванию влияния на постсоветском пространстве, и в том числе в Центральной Азии, беспокоила Россию ввиду того, что часть ее населения, а также населения Центральной Азии, составляют мусульманские тюркоязычные народы. До середины 1990-х годов в Турции были распространены взгляды, что при проведении активной политики в регионе Центральной Азии можно не принимать в расчет Россию и использовать геополитические возможности, связанные с ее ослаблением. Это способствовало формированию элементов соперничества и конкуренции. Так, Турция и Россия конкурировали за строительство трубопроводов для транспортировки природных ресурсов из Каспийского бассейна. В настоящее время Турция проводит более реалистичную политику в регионе, особенно в экономической и культурно-образовательной областях. Если Турция будет расширять свое влияние в регионе в таких направлениях, ее усиление может рассматриваться Россией как угроза российским интересам, особенно в рамках российской евразийской интеграции и политики в культурно-образовательной сфере. Кроме того, политика интеграции Турции со странами региона привлекла внимание России — это создание «Тюркского совета» в конце 2010-х годов. Турция напрямую угрожает интересам России в регионе, учитывая традиционную роль России. С этой точки зрения она не играет на равных с Россией, а делает ставку на создание альтернативы для внешней политики стран региона. Наконец, для российской региональной политики Турция является важной страной, но не на глобальном, а на региональном уровне. Центральноазиатский регион, будучи приоритетным во внешней политике обеих стран, представляет собой важное направление развития региональных отношений Турции и России, требующих баланса партнерства и соперничества.

С точки зрения Турции первый период российской политики в Центральной Азии начинается с середины 1990-х годов, когда постсоветское пространство стало приоритетом во внешней политике России. До конца 1990-х годов Россия обеспечила региональную безопасность и сохранила свою ведущую роль для новых независимых государств в восстановлении их государственности. При этом российское присутствие в регионе и желание Турции как можно сильнее в него проникнуть вели к конкуренции двух стран и в экономической, и в культурной сферах. В 2000-е годы российская политика по отношению к Турции в контексте соперничества и сотрудничества носила стабильный характер, хотя Россия воспринималась Турцией как самая влиятельная сила в регионе Центральной Азии. У России и Турции есть области, за которые они могут соперничать во влиянии с помощью «мягкой силы» — это культурно-образовательная и экономическая политика. А в других сферах, в которых Россия играет ведущую роль (сфера безопасности и военно-технического сотрудничества), Турция не конкурирует с ней. В области военно-политического

сотрудничества военное присутствие России в Центральной Азии является еще одним фактором, ограничивающим политику Турции. В последние годы в области оборонной промышленности Турция начала предлагать странам региона альтернативные виды военной техники. Однако следует отметить, что характер двусторонних отношений России со странами Центральной Азии и характер отношений Турции с ними имеют множество различий. Это проявляется в восприятии российской политики в Турции, турецкая политика не может активно реализоваться в тех областях, где Россия эффективно проводит свою политику. Наконец, в Центральной Азии Россия воспринимается Турцией в основном как конкурент. Однако уровень конкурентоспособности меняется в зависимости от активности региональной политики обеих стран. В настоящее время не наблюдается прямого конфликта интересов России и Турции, однако это не означает, что невозможна косвенная конкуренция двух сторон в зависимости от активизации турецкой политики в тех областях, где Россия играет ведущую роль.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Официальные документы**на русском языке:**

1. Декларация о создании ШОС от 15.06.2001 — Текст: электронный // ИНФОРОС: [сайт]. — URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=37> (дата обращения: 12.02.2020).
2. Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о военном сотрудничестве от 28 марта 1994. — Текст: электронный // Параграф: [сайт]. — URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1010416 (дата обращения: 12.06.2020).
3. Договор между Республикой Белоруссия, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях, (Москва, 29 марта 1996 г.). — Текст: электронный // Параграф: [сайт]. — URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1010630 (дата обращения: 11.02.2020).
4. Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики. — Текст: электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/901926138> (дата обращения: 12.05.2021).
5. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества, 9 октября 2000 года. — Текст: электронный // Президент России: [сайт]. — 2000. — 9 октября. — URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3402> (дата обращения: 18.06.2020).
6. Договор о Евразийском экономическом союзе. — Текст: электронный // Евразийский экономический союз: официальный сайт. — URL: https://docs.eaeunion.org/sites/storage0/Lists/Documents/a089f4c6-02da-4461-b033-3f5d122e0020/e57db9f2-9589-4b26-be1e-b1a43862c6ed_635375701449140007.pdf (дата обращения: 22.05.2020).
7. Договор о коллективной безопасности (15 мая 1992 года, г. Ташкент). — Текст: электронный // Исполнительный комитет СНГ: официальный сайт. — URL: <https://cis.minsk.by/page/9866> (дата обращения: 26.03.2020).
8. Договор о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом, Антитеррористический центр государств — участников СНГ. — Текст: электронный // Антитеррористический центр СНГ: [сайт]. — 1999. — URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/152/275> (дата обращения: 12.10.2020).
9. Договор о стратегическом партнерстве между Республикой Казахстан и Турецкой Республикой от 22 октября 2009 года. — Текст: электронный // Информационно-

- правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан: [сайт]. — URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000471> (дата обращения: 12.12.2020).
10. Заявление министров иностранных дел государств Центральной Азии и Российской Федерации о стратегических направлениях сотрудничества, 15 октября 2020 года. — Текст: электронный // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. — 2020. — 15 октября. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4390973 (дата обращения: 20.11.2020).
 11. Конституция Кыргызской Республики — Текст: электронный // Кабинет министров Кыргызской Республики: [сайт]. — URL: <https://www.gov.kg/ru/p/constitution> (дата обращения: 10.03.2020).
 12. Конституция Республики Казахстан. — Текст: электронный // Constitution.kz: [сайт]. — URL: <http://www.constitution.kz/razdel1/> (дата обращения: 10.03.2020).
 13. Конституция Республики Таджикистан. — Текст: электронный // Министерство иностранных дел Республики Таджикистан: [сайт]. — URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (дата обращения: 10.03.2020).
 14. Конституция Республики Узбекистан. — Текст: электронный // Конституция Республики Узбекистан: [сайт]. — URL: <https://constitution.uz/ru/clause> (дата обращения: 10.03.2020).
 15. Конституция Туркменистана. — Текст: электронный // ALPAGAMA: [сайт]. — URL: <https://alpagama.org/pravovaya-baza-turista/konstitutsiya-turkmenistana> (дата обращения: 10.03.2020).
 16. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 28 июня 2000 года. — Текст: электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901764263> (06.11.2021).
 17. Концепция внешней политики Российской Федерации. — Текст: электронный // Президент России: [сайт]. — 2008. — 15 июля. — URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 05.11.2021).
 18. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным от 12 февраля 2013 г. № 640. — Текст: электронный // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. — URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 04.11.2021).
 19. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). — Текст: электронный // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. — 2016. — 1

- дек. — URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 20.05.2020).
20. Концепция федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016-2020 годы. Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 20 декабря 2014 г. No 2647-р. URL: <http://rs.gov.ru/uploads/document/file/13/fcp2016.pdf>. (дата обращения: 26.06.2020).
21. Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Республики Казахстан к Договору о нераспространении ядерного оружия (5 декабря 1994 года). — Текст: электронный // Стандарт: [сайт]. — URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1016870 (дата обращения: 12.06.2020).
22. Об утверждении Стратегического курса Российской Федерации с государствами — участниками Содружества, Независимых Государств, от 14 сентября 1995 г. — Текст: электронный // Официальный интернет портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102037342> (дата обращения: 18.05.2020).
23. Постоянный нейтралитет Туркменистана, Резолюция генеральной ассамблеи Организации объединенных нации от 12 декабря 1995 года. — Текст: электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/901739070> (дата обращения: 01.06.2020).
24. Россия и Центральная Азия. — Текст: электронный // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. — URL: https://www.mid.ru/rossia-i-problemy-central-noj-azii?p_p_id=56_INSTANCE_8HUIfqWAVDZI&_56_INSTANCE_8HUIfqWAVDZI_languageId=ru_RU (дата обращения: 22.06.2020).
25. Совместная декларация об углублении дружбы и многопланового партнерства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой. 5 декабря 2004 года. — Текст: электронный // Президент России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3933> (дата обращения: 05.05.2020).
26. Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнёрства. 13 февраля 2009 года. — Текст: электронный // Президент России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/172> (дата обращения: 22.04.2020).
27. Соглашение между Республикой Казахстан и Международным агентством по атомной энергии о применении гарантий в связи с Договором о нераспространении ядерного оружия (г. Алматы, 26 июля 1994 года). — Текст: электронный // Параграф: [сайт]. —

- URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1014337#pos=3;-106 (дата обращения: 11.04.2020).
28. Соглашение между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы от 26 апреля 1996 года. Законодательство стран СНГ: [сайт]. — URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3879 (дата обращения: 05.05.2020).
29. Соглашение о правовом статусе Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года. — Текст: электронный // Организация договора коллективной безопасности: официальный сайт. — URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/soglashenie_o_pravovom_statuse_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (дата обращения: 10.10.2020).
30. Соглашение о таможенном союзе (Москва, 20 января 1995). — Текст: электронный // ГАРАНТ: [сайт]. — URL: <http://base.garant.ru/10101417/> (дата обращения: 12.05.2020).
31. Справочный материал по ШОС, МИД России. — Текст: электронный // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. — URL: https://www.mid.ru/ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/4025930 (дата обращения: 20.06.2020).
32. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. — Текст: электронный // Президент России. — [сайт]. — URL: <http://kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 04.11.2021).
33. Указ Президента Российской Федерации об утверждении концепции национальной безопасности Российской Федерации от 17.12.1997 г. № 1300 — Текст: электронный // Президент России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782> (дата обращения: 04.11.2021).
34. Указ Президента Российской Федерации об утверждении стратегического курса Российской Федерации с государствами — участниками Содружества независимых государств от 14.09.1995 N 940 (ред. от 31.08.2005). — Текст: электронный // Законы, кодексы и нормативные акты Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-14091995-n-940/> (дата обращения: 08.06.2021).
35. Указ президента Российской Федерации о стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683. — Текст: электронный // Президент России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 04.11.2021).

36. Указ президента Российской Федерации о стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 — Текст: электронный // Президент России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 04.11.2021).
37. Указ Президента Российской Федерации от 14.09.1995 г. № 940. — Текст: электронный // Президент России: [сайт]. — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/8307> (дата обращения: 12.10.2020).
38. Устав Содружества Независимых Государств (г. Минск, 22 января 1993 года). — Текст: электронный // Исполнительный комитет СНГ: [сайт]. — URL: <https://cis.minsk.by/page/180/ustav-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv-g-minsk-22-anvara-1993-goda> (дата обращения: 13.10.2020).

на турецком языке:

39. Ankara Anlaşması (Анкарский договор) — 12.09.1963. — Текст: электронный // Türkiye Büyük Millet Meclisi (Великое Национальное собрание Турецкой Республики): [сайт]. — URL: https://www.tbmm.gov.tr/kutuphane/AB/ankara_antalasmasi.pdf?TSPD_101_R0=08ffcef486ab2000a410efecb3cf731f4f6f9c194275116324b839c33191801c31b50df51acb2610080e6dfb8b14300085e1890c8602ab63d540e175176eff92594d85107bbb5e9f69dc1ea0d005a28b19d5d19e244e681cfeeb5b3d92b26511 (дата обращения: 12.01.2021).
40. Temel Belgeler (Основные документы). — Текст: электронный // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı (Министерство иностранных дел Турецкой Республики): [сайт]. — URL: <https://www.mfa.gov.tr/temelbelgeler.tr.mfa> (дата обращения: 12.11.2021).
41. Türkiye Cumhuriyeti Hükümeti ile Özbekistan Cumhuriyeti Hükümeti Arasında Uluslararası Terörizmle Mücadelede İş Birliği Anlaşması (Соглашение между правительством Турецкой Республики и Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом) 19.12.2003. — Текст: электронный // Türkiye Büyük Millet Meclisi (Великое Национальное собрание Турецкой Республики): [сайт]. — URL: https://www.tbmm.gov.tr/kanunlar/k5207.html?TSPD_101_R0=08ffcef486ab2000a131fabd36186be4f805ac0b20aa40e4b5ca2bc5f24ee9e1f9bc65082f00dfa80898531c32143000eb081826cbc276f0a8414f7de28d6ecac4b025bda051d277fcd9efa1106d170d2ef8d338afdbbb97da529e714ba48f8b (дата обращения: 01.06.2020).
42. T.C. Dış İşleri Bakanlığı 2019-2023 Stratejik Planı (Стратегический план Министерства иностранных дел Турецкой Республики на 2019-2023 годы). — Текст: электронный // T.C. Dış İşleri Bakanlığı (Министерство иностранных дел Турецкой Республики): [сайт].

— URL: <https://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/2019-2023-stratejik-plani.pdf> (дата обращения: 11.11.2021).

43. 2020 Yılına Girerken Türkiye'nin Girişimci ve İnsani Dil Politikası (Инициативная и гуманитарная внешняя политика Турции к 2020 году). — Текст: электронный // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı (Министерство иностранных дел Турецкой Республики). — URL: https://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2020-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf (дата обращения: 11.11.2021).

Монографии и книги

на русском языке:

44. Андерсон, П. Перипетии гегемонии / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. В. Софронова. — Москва: Изд-во Института Гайдара, 2018. — 296 с. — Текст: непосредственный.
45. Барсенков, А. С. Вдовин, А. И. История России. 1917—2009 / А. С. Барсенков, А. И. Вдовин. — 34-е изд., расш. и перераб. — Москва: Аспект Пресс, 2010. — 846 с. ISBN 978-5-7567-0575-1. — Текст: непосредственный.
46. Богатуров, А. Д. Международные отношения и внешняя политика России: научное издание / А. Д. Богатуров. — Москва: Аспект Пресс, 2017. — 480 с. — ISBN 978-5-7567-0930-8. — Текст: непосредственный.
47. Бордачев, Т. В. Проблемы углубления экономического сотрудничества в рамках ШОС. С. 54-56. — Ежегодник ИМИ — 2015 / Гл. ред. А. А. Орлов, ред. выпуска А.Д. Дикарев, А.В. Лукин. — Москва: МГИМО-Университет, 2015. Вып. 2 (12). — 112 с. — Текст: непосредственный.
48. Дипак, Л. Похвала империи: Глобализация и порядок / Л. Дипак. — М.: Новое издательство, 2010. — 364 с. — Текст: непосредственный.
49. Казанцев, А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия / А.А. Казанцев. — Москва: МГИМО-Университет, 2008. — 382 с. — ISBN 978-5-9228-0447-9. — Текст: непосредственный.
50. Картунов, С. В. Современная внешняя политика России: стратегия избирательной вовлеченности. / С. В. Картунов. — Москва: ГУ ВШЭ, 2009. — 603 с. — ISBN 5-7598-0637-0. — Текст: непосредственный.
51. Лебедева, М. М. Мировая политика: учебник для бакалавров / М. М. Лебедева. — Москва: Кнорус, 2013. — 256 с. — ISBN 978-5-406-02165-1. — Текст: непосредственный.

52. Малашенко, А. В. Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? / А. В. Малашенко — Моск. Центр Карнеги. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 118 с. — ISBN 978-5-8243-1712-1. — Текст: непосредственный.
53. Малышева, Д. Б. Центральноазиатский узел мировой политики / Д. Б. Малышева. — Москва: ИМЭМО РАН, 2010. — 100 с. — ISBN 978-5-9535-0261-0. — Текст: непосредственный.
54. Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М. М. Лебедевой. — Москва: Аспект Пресс, 2019. — 400 с. — ISBN 978-5-7567-1023-6. — Текст: непосредственный.
55. Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: учеб. пособие для студентов вузов / А. Д. Богатуров, А. С. Дундич, В. Г. Коргун и др.; отв. ред. А.Д. Богатуров. — Москва: Аспект Пресс, 2011. — 560 с. — ISBN 978-5-7567-0753-3. — Текст: непосредственный.
56. Международная научная студенческая конференция «Турция. Тюркские государства. Тюркоязычные народы России»: сборник статей / под ред. В. А. Аваткова, Т. В. Кашириной — М., 2018. — 195 с. — ISBN 978-5-9500904-1-7. — Текст: непосредственный.
57. Надеин-Раевский, В. А. Турция: от идеологических доктрин к экспансии? // Год планеты: ежегодник / ИМЭМО РАН. Вып. 2020 г.: Экономика, политика, безопасность / под ред. В. Г. Барановского, Э. Г. Соловьева. Москва: Идея-Пресс, 2021. С. 266-278. — ISBN 978-5-903927-34-0. — Текст: непосредственный.
58. Никитина, Ю. А. Международные отношения и мировая политика: Введение в специальность: учеб. пособие для студентов вузов / Ю. А. Никитина. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Аспект Пресс, 2014. — 156 с. — ISBN 978-5-7567-0757-1. — Текст: непосредственный.
59. Парамонов, В. В., Строков, А. В., Столповский, О.А. Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность // под общей редакцией В.В. Параманова. — Бишкек, 2008. — 201 с. — ISBN 978-9967-24911-0. — Текст: непосредственный.
60. Пфаненштиль, И. А. Современные процессы глобализации и геополитические последствия: социально-философское осмысление: монография / И. А. Пфаненштиль; Сиб. федер. ун-т, Гуманитар. ин-т. — Красноярск: СФУ, 2013. — 351 с. — Библиогр.: с. 332-351. — ISBN 978-5-7638-2718-7. — Текст: непосредственный.
61. Россия и Центральная Азия: новые перспективы: материалы междунар. науч. конф., посвященной 25-летию установления дипломатич. отношений между Рос. Федерацией и государствами Центральной Азии (Москва, 14 июня 2017 г.) / отв. ред. А. Л.

- Чечевишников; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Ин-т междунар. исследований. — Москва: МГИМО-Университет, 2018. — 251 с. ISBN 978-59228-18124. — Текст: непосредственный.
62. Русский мир в Центральной Азии: Сб. ст. и материалов: Вып. 1. — Б.: О.Ф. Александра Князева, Центральноазиатский институт русской диаспоры, 2007. — 82 с. — ISBN 978-9967-24-339-2. — Текст: непосредственный.
63. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Центральная Азия: новые вызовы / отв. ред. Б. А. Акаева, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина. Изд. 2-е. — Москва: ЛЕНАНД, 2015. — 424 с. — ISBN 978-5-9710-0533-9. — Текст: непосредственный.
64. Современные глобальные проблемы мировой политики: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М. М. Лебедевой. — Москва: Аспект Пресс, 2009. — 256 с. — ISBN 978-5-7567-0539-3. — Текст: непосредственный.
65. Современная мировая политика. Прикладной анализ / А. А. Байков и др.; отв. ред. А. Д. Богатуров. — Москва: Аспект-Пресс, 2009. — 588 с. — ISBN 978-5-7567-0559-1. — Текст: непосредственный.
66. Современная мировая политика: Прикладной анализ / отв. ред. А. Д. Богатуров. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Аспект Пресс, 2010. — 592 с. — ISBN 978-5-7567-0580-5. — Текст: непосредственный.
67. Современная Турция: тренды развития и значение для России / под ред. Л. С. Вартазаровой, И. Я. Кобринской, С. В. Уткина. Москва: ИМЭМО РАН, 2019. — 54 с. — ISBN 978-5-9535-0550-5. — Текст: непосредственный.
68. Цыганков, А. П. Внешняя политика России от Горбачева до Путина. Формирование национального интереса: ионография / А. П. Цыганков. — Москва: Научная книга, 2008. — 272 с. — ISBN 9780-5-91393-028-6. — Текст: непосредственный.
69. Цыганков, П. А. Политическая динамика современного мира: теория и практика / П.А. Цыганков. — Москва: Издательство Московского университета, 2014. — 576 с. — ISBN 978-5-19-010879-8. — Текст: непосредственный.
70. Цыганков, А. П., Цыганков, П. А. Социология международных отношений: Анализ российских и западных теорий: учеб. пособие для студентов вузов / А. П. Цыганков, П. А. Цыганков. — Москва: Аспект Пресс, 2006. — 238 с. — ISBN 5-7567-0408-6. — Текст: непосредственный.
71. Цыганков, П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П.А. Цыганков. — Москва: Гардарики, 2003. — 590 с. — ISBN 5-8297-0106-5. — Текст: непосредственный.

72. Чернявский, С. И. Россия и Центральная Азия — проблемы двустороннего сотрудничества: Россия и Центральная Азия: новые перспективы: материалы междунар. науч. конф., посвященной 25-летию установления дипломатич. отношений между Рос. Федерацией и государствами Центральной Азии (Москва, 14 июня 2017 г.) / [отв. ред. А. Л. Чечевишников]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Ин-т междунар. исследований. — Москва: МГИМО-Университет, 2018. — 251 с. — ISBN 978-5-9228-1812-4. — Текст: непосредственный.
73. Чуфрин, Г.И. Россия в Центральной Азии: монография / Г.И. Чуфрин. — Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК. Алматы: 2010. — 220 с. — ISBN 9965-458-92-8. — Текст: непосредственный.
74. Шаклеина, Т. А. Россия и США в мировой политике: научное издание / Т. А. Шаклеина. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Аспект Пресс, 2017. — 336 с. — ISBN 978-5-7567-0942-1. — Текст: непосредственный.
75. Шаклеина, Т. А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США. 1991-2002 / Т. А. Шаклеина. — Москва: Институт США и Канады РАН, 2002. — 445 с. — ISBN 5-901-981-05-7. — Текст: непосредственный.

на английском языке:

76. Acharya, A. The End of American World Order / A. Acharya. — Cambridge: Polity Press, 2018. — 157 p. — ISBN 978-0-7456-7247-2. — Текст: непосредственный.
77. Anti-Americanisms in World Politics / ed. by P. J. Katzenstein, R. O. Keohane. — Ithaca; London: Cornell University Press, 2007. — 351 p. — ISBN 0-8014-4517-5. — Текст: непосредственный.
78. Buzan, B. People, States and Fear: the National Security Problem in International Relations / B. Buzan. — Brighton: Wheatsheaf, 1983. — 262 p. — Текст: непосредственный.
79. Chomsky, N. Hegemony or Survival: America's Quest for Global Dominance / N. Chomsky. — New York: Metropolitan Books, 2003. — 200 p. — ISBN 0-8050-7400-7. — Текст: непосредственный.
80. Clark, I. Hegemony in International Society / I. Clark. — New York: Oxford University Press, 2011. — 277 p. — ISBN 978-0-19-955626-7. — Текст: непосредственный.
81. Cooley, A. Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia / A. Cooley. — Oxford: Oxford University Press, 2012. — 252 p. — ISBN 9-7801-9992-982-5. — Текст: непосредственный.

82. Drayer N. G., Neal G. *Small States in the International System: At Peace and at War* / N. G. Drayer, G. Neal. — New York: Lexington Books, 2016. — 214 p. — ISBN 978-1498509695. — Текст: непосредственный.
83. *Eurasia on the Edge: Managing Complexity* / ed. by P. Dutkiewicz, R. Sakwa, F. Lukyanov, R. Burchill, T. Bordachev. — New York; London: Lexington Books, 2018. — 311 p. — Текст: непосредственный.
84. Fromm, N. *Constructivist Niche Diplomacy: Qatar's Middle East Diplomacy as an Illustration of Small State Norm Crafting* / N. Fromm. — Hamburg: Springer, 2019. — 235 p. — ISBN 978-3-658-22518-6. — Текст: непосредственный.
85. Gilpin, R. *War and Change in World Politics* / R. Gilpin. — Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1981. — 272 p. — ISBN 978-0-521-27376-3. — Текст: непосредственный.
86. *Great Powers and Strategic Stability in the 21st Century* / ed. by G. P. Herd. — London; New York: Routledge, 2010. — 234 p. — ISBN 0-203-86582-0. — Текст: непосредственный.
87. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* / ed. by P. Dutkiewicz, T. Casier, J. A. Scholte. — London: Routledge, 2020. — 276 p. — ISBN 9780367457242. — Текст: непосредственный.
88. Holbraad, C. *Middle Powers in International Politics* / C. Holbraad. — London: Macmillan Press, 1984. — 234 p. — ISBN 0-333-35443-5. — Текст: непосредственный.
89. Ikenberry, G. J. *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars* / G. J. Ikenberry. — Princeton: Princeton University Press, 2001. — ISBN 0-691-05090-2. — Текст: непосредственный.
90. Ikenberry, G. J. *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformations of the American World Order* / G. J. Ikenberry. — Princeton: Princeton University Press, 2011. — 372 p. — Текст: непосредственный.
91. Jesse, N. G., Dreyer, J. R. *Small States in the International System: At Peace and at War* / N. G. Jesse, J. R. Drayer. — New York; London: Lexington Books, 2016. — 197 p. — ISBN 978149850970. — Текст: непосредственный.
92. Keohane, R. O. *After Hegemony: Cooperation and Discord in World Political Economy* / R. O. Keohane. — Princeton: Princeton University Press, 1984. — 320 p. — ISBN 1-400809-754. — Текст: непосредственный.
93. Keohane, R. O., Nye, J. S. *Power and Interdependence* / R. O. Keohane, J. S. Nye. — New York: Longman, 2012. — 330 p. — ISBN 0-205082-912. — Текст: непосредственный.
94. Kiely, R. *Empire in the Age of Globalisation: US Hegemony and Neoliberal Disorder* / R. Kiely. — London: Pluto Press, 2005. — 211 p. — ISBN 0-7453-2448-7. — Текст: непосредственный.

95. Kiely, R. *The Clash of Globalisation* / R. Kiely. — Leiden; Boston: Brill, 2005. — 322 p. — ISBN 90 04 14318 1. — Текст: непосредственный.
96. Kiely, R. *The Rise and Fall of Emerging Powers: Globalisation, US Power and the Global North-South Divide* / R. Kiely. — London: Palgrave Macmillan, 2016. — 111 p. — ISBN 978-3-319-34012-8. — Текст: непосредственный.
97. Lake, D. A. *Hierarchy in International Relations* / D. A. Lake. — London: Cornell University Press, 2009. — 232 p. — ISBN 0801477158. — Текст: непосредственный.
98. *Major Powers and the Quest for Status in International Politics: Global and Regional Perspectives* / ed. by T. Volgy, R. Corbetta, K. Grant, R. Baird. — New York: Springer, 2011. — 242 p. — Текст: непосредственный.
99. Mearsheimer, J. J. *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities* / J. J. Mearsheimer. — New Haven; London: Yale University Press, 2018. — 313 p. — ISBN 0300234198. — Текст: непосредственный.
100. Mearsheimer, J. J. *The Tragedy of Great Power Politics* / J. J. Mearsheimer. — New York: W. W. Norton & Company, 2001. — 555 p. — ISBN 0-393-02025-8. — Текст: непосредственный.
101. *Middle Powers in Global Governance: The Rise of Turkey* / ed. by E. P. Dal. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. — 275 p. — ISBN 978-3-319-72364-8. — Текст: непосредственный.
102. Miller, B. *States, Nations, and the Great Powers: The Sources of Regional War and Peace* / B. Miller. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. — 500 p. — ISBN 0-511-34131-8. — Текст: непосредственный.
103. Morgenthau, H. *Politics Among Nations: The Struggle for Peace and Power* (6th ed.). — New York: Knopf, 1985. — 688 p. — Текст: непосредственный.
104. *New Great Game: China and South Asia and Central Asia in the Era of Reform* / ed. by T. Fingar. — Stanford: Stanford University Press, 2016. — ISBN 978-0-8047-9604-0. — Текст: непосредственный.
105. *Niche Diplomacy: Middle Powers after Cold War* / ed. by Andrey F. Cooper. — London: Macmillan Press LTD, 1997. — 221 p. — ISBN 978-0-312-17622-8. — Текст: непосредственный.
106. Nye, J. S. *Is the American Century Over?* / J. Nye. — Cambridge: Polity Press, 2015. — 201 p. — ISBN 9780745690070. — Текст: непосредственный.
107. Paul, T. V. *Restraining Great Powers: Soft Balancing from Empires to the Global Era* / T. V. Paul. — New Haven; New York: Yale University Press, 2018. — 239 p. — ISBN 978-0-300-22848-9. — Текст: непосредственный.

108. Power, Order, and Change in World Politics / ed. by J. G. Ikenberry. — Cambridge: Cambridge University Press, 2014. — 296 p. — ISBN 978-1-107-42106-6. — Текст: непосредственный.
109. Power Politics by Martin Wight / ed. by H. Bull, C. Holbraad. — New York: Holmes and Meier, 1978. — viii + 317 p. — ISBN 0-8419-0344-1. — Текст: непосредственный.
110. Reich, S., Lebow, R. L. Good Bye Hegemony! Power and Influence in the Global System / S. Reich, R. L. Lebow. — Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2014. — ISBN 978-0-691-16043-6. — Текст: непосредственный.
111. Renshon, J. B. Fighting for Status: Hierarchy and Conflict in World Politics / J.B. Renshon. — Princeton: Princeton University Press, 2017. — 304 p. — ISBN 9780691174495 — Текст: непосредственный.
112. Rothstein, R. L. Alliances and Small Powers / R. L. Rothstein. — New York; London: Columbia University Press, 1968. — 331 p. — Текст: непосредственный.
113. Routledge Handbook of Russian Foreign Policy / ed. by A. Tsygankov. — London; New York: Routledge, 2018. — 429 p. — ISBN 9780367580773. — Текст: непосредственный.
114. Routledge Handbook of Russian Security / ed. by R. E. Kanet. — London; New York: Routledge, 2019. — 425 p. — ISBN 9781351181235. — Текст: непосредственный.
115. Russian Foreign Policy in Transition: Concepts and Realities / ed. by A. Melville, T. Shackleina. — Budapest; New York: Central European University Press, 2005. — 496 с. — ISBN 963-7326-17-0. — Текст: непосредственный.
116. Russia: Re-Emerging Great Power / ed. by R. E. Kanet. — New York: Palgrave Macmillan, 2007. — 229 p. — ISBN 978-0-230-54304-1. — Текст: непосредственный.
117. Russia — The Challenges of Transformation / ed. by P. Dutkiewicz, D. Trenin. — New York; London: New York University Press, 2011. — 485 p. — ISBN 978-0-8147-8500-3. — Текст: непосредственный.
118. Smith, N. R. A New Cold War? Assessing the Current US-Russia Relationship / N. R. Smith. — Cham: Palgrave Macmillan, 2020. — 86 p. — ISBN 3030206742. — Текст: непосредственный.
119. The Handbook of Globalisation, Second Edition / ed. by J. Michie. — Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2011. — 569 p. — ISBN 978-1-84980-376-2. — Текст: непосредственный.
120. The New Central Asia: The Regional Impact of International Actors / ed. by E. Kawalski. — New Jersey: World Scientific Publishing, 2010. — 346 p. — ISBN 10 981-4287-56-3. — Текст: непосредственный.

121. Tsygankov, A. Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity, Fourth Edition / A. Tsygankov. — London; New York: Rowman and Littlefield, 2016. — 335 p. — ISBN 1442220015 — Текст: непосредственный.
122. Turkey's Pivot to Eurasia Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order / ed. by E. Erşen, S. Köstem. — London; New York: Routledge, 2019. — 212 p. — ISBN 978-0-367-08566-7. — Текст: непосредственный.
123. Vital, D. The Inequality of States: A Study of the Small Power in International Relations / D. Vital. — New York: Oxford University Press, 1967. — 198 p. — ISBN 0198271670. — Текст: непосредственный.
124. Walt, S. The Origins of Alliances / S. Walt. — Ithaca; London: Cornell University Press, 1987. 321 p. — ISBN-13: 978-0-8014-9418-s. — Текст: непосредственный.
125. Waltz, K. N. Man, The State and War: A Theoretical Analysis / K. N. Waltz. — New York: Columbia University Press, 2001. — 263 p. — Текст: непосредственный.
126. Waltz, K. N. Theory of International Politics / K. N. Waltz. — Reading: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. — 251 p. — ISBN 0-201-08349-3. — Текст: непосредственный.

на турецком языке:

127. Aydın, M. Küresel Politikada Orta Asya (Avrasya Üçlemesi 1) (Центральная Азия в мировой политике (Евразийская трилогия 1)). — Ankara: Nobel. — 345 p. — ISBN 975-591-769-1. — Текст: непосредственный.
128. Davutoğlu, A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu (Стратегическая глубина: международное положение Турции) / A. Davutoğlu. — İstanbul: Küre. — 2001. — 600 p. — ISBN 975-6614-00-5. — Текст: непосредственный.
129. Kara, A. Turgut Özal ve Türk Dünyası: Türkiye-Türk Cumhuriyetleri İlişkileri 1983-1993 (Тургут Озал и тюркский мир: отношения между тюркскими республиками 1983-1993) / A. Kara. — İstanbul: IQ Kültür Sanat. — 2012. — 270 p. — ISBN 978-975-255-355-2. — Текст: непосредственный.
130. Karpat, K. H. Türkiye ve Orta Asya (Турция и Центральная Азия) / K. H. Karpat. — İstanbul: Timaş Yayınları. — 2014. — 304 p. — ISBN 978-605-08-18-16-1. — Текст: непосредственный.
131. Kuşku ile Komşuluk (Соседство с подозрением) / ed. by E. Balta, G. Özcan, B. Beşgül. — İstanbul: İletişim Yayınları, 2017. 358 p. — ISBN 9789750-52-17-51. — Текст: непосредственный.
132. Türk Dış Politikası: Kurtuluş Savaşı'ndan Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar: 1919-1980 (Внешняя политика Турции: факты, документы, комментарии от освободительной войны

- до настоящего времени: 1919-1980) / ed. by B. Oran. — İstanbul: İletişim. — 2002. — 900 p. — ISBN 978-975-470-944-5. — Текст: непосредственный.
133. Türk Dış Politikası: Kurtuluş Savaşı'ndan Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar: 1980-2001 (Внешняя политика Турции: факты, документы, комментарии от освободительной войны до настоящего времени: 1980-2001) / ed. by B. Oran. — İstanbul: İletişim. — 2001. — 637 p. — ISBN 978-975-05-0002-2. — Текст: непосредственный.
134. Türk Dış Politikası: Kurtuluş Savaşı'ndan Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar: 2001-2012 (Внешняя политика Турции: факты, документы, комментарии от освободительной войны до настоящего времени: 2001-2012) / ed. by B. Oran. — İstanbul: İletişim. — 2013. — 885 p. — ISBN 978-975-05-1142-4. — Текст: непосредственный.
135. Yauman H. Türkiye'ye Yön Veren Konuşmalar Turgut Özal'ın Mirası (Переговоры с Турцией - Наследие Тургута Озала) / H. Yauman. — İstanbul: Doğan Kitap. — 2018. — 336 p. — ISBN 9786050952551. — Текст: непосредственный.

**Аналитические доклады / тетради / записки, сборники научных конференций
на русском языке:**

136. Габуев, А. Т. Глобальное соперничество великих держав: влияние на корейский полуостров / А.Т. Габуев. — Текст: электронный // Московский центр Карнеги: [сайт]. — 2018. — URL: <https://carnegie.ru/2018/06/19/ru-pub-76620> (дата обращения: 12.06.2020).
137. Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран: Новые идеи для внешней политики России [Текст]: докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / С. А. Караганов, Д. В. Сулов и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 92 с. — ISBN 978-5-7598-2069-7 (e-book). — Текст: непосредственный.
138. Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители / В. В. Наумкин (рук.) и др. — гл. ред. И.С. Иванов. — Российский совет по междунар. делам (РСМД). — Москва: Спецкнига, 2013. — 64 с. — ISBN 978-5-91891-223-2. — Текст: непосредственный.
139. Казанцев, А. А. Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. № 28/2016 / А. А. Казанцев, И.Д. Звягельская, Е.М. Кузьмина, С.Г. Лузянин. — гл. ред. И. С. Иванов. — Российский совет по международным делам (РСМД). — Москва: НП РСМД, 2016. — 52 с. — ISBN 978-5-9905847-8-5. — Текст: непосредственный.
140. Кофман, М., Сушенцов, А.А. Почему война между великими державами? / М. Кофман, А.А. Сушенцов. — Текст: электронный // Международного дискуссионный клуб

- Валдай: [сайт]. — 2016. — URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/12119/> (дата обращения: 12.05.2020).
141. Маркедонов, С. М. Российско-Турецкие отношения и проблемы безопасности кавказского региона / С.М. Маркедонов. — Текст: электронный // Валдайские записки — 2016. — апрель. — № 45. — С. 1-15. — URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22148/> (дата обращения: 10.05.2020).
 142. Российско-турецкие экономические отношения на новом этапе / В.А. Аватков, В.Л. Лихачев, Р.Ш. Мамедов, Н.Р. Масумова, И.И. Стародубцев. — гл. ред. И. С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). — Доклад № 28. — Москва: НП РСМД, 2016. — 39 с. — Авт. и ред. указаны на обороте тит. л. — ISBN 978-5-9909275-6-8. — Текст: непосредственный.
 143. Россия и мир: 2013. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта: А. А. Дынкин, В. Г. Барановский. — Москва: ИМЭМО РАН, 2012. — 140 с. — ISBN 978-5-9535-0353-2. — Текст: непосредственный.
 144. Россия и мир: 2014. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта: А. А. Дынкин, В. Г. Барановский. — Москва: ИМЭМО РАН, 2013. — 158 с. — ISBN 978-5-9535-0384-6. — Текст: непосредственный.
 145. Россия и мир: 2019. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта: А. А. Дынкин, В. Г. Барановский. — Москва: ИМЭМО РАН, 2018. — 170 с. — ISBN 978-5-9535-0545-1. — Текст: непосредственный.
 146. Россия и мир: 2020. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта: А. А. Дынкин, В. Г. Барановский. — Москва: ИМЭМО РАН, 2019. — 172 с. — ISBN 978-5-9535-0566-6. — Текст: непосредственный.
 147. Россия и США в Центральной Азии: ограничения и возможности сотрудничества / А. В. Картунов, М. Ларюэль. Российский совет по международным делам (РСМД). — Москва: НП РСМД, 2019. — Доклад № 49. — 40 с. — ISBN 978-5-6042566-8-8. — Текст: непосредственный.
 148. Сафранчук, И. А. Российская политика в Центральной Азии. Стратегический контекст / И. А. Сафранчук. — Текст: электронный // Записка Аналитического центра Обсерво: [сайт]. — 2014. — № 8. — URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/d8b/d8be9a2679338e37315ca64bfdd064ad.pdf> (дата обращения: 12.02.2019).
 149. Синицина, И. Экономическое взаимодействие России и стран Центральной Азии: тенденции и перспективы / И. Синицина. — Текст: электронный. // Университет Центральной Азии, Институт государственного управления и политики: [сайт]. — 2012.

— Доклад № 5. — URL: <https://ucentralasia.org/Content/Downloads/UCA-IPPA-WP5-RussiaInfluence-Rus.pdf> (дата обращения: 12.03.2020).

150. Шлыков, П. В. Российско-турецкая «холодная война»: цена кризиса в отношениях Москвы и Анкары / П.В. Шлыков. — Текст: электронный // Московский центр Карнеги: [сайт]. — 2015. — 23 дек. — URL: https://carnegieendowment.org/files/Shlykov_event2015.pdf (дата обращения: 12.04.2020).

на английском языке:

151. Kofman, M. Great Power Competition in 21st Century / M. Kofman. — Текст: электронный // Valdai Papers: [сайт]. — 2018. — URL: <https://valdaiclub.com/files/18724/> (дата обращения: 12.03.2020).
152. Koldunova, E., Kundu, N. Russia's Role in the SCO and Central Asia: Challenges and Opportunities / E. Koldunova, N. Kundu. — Текст: электронный // Valdai Discussion Club: [сайт]. — Grantees Report. — 2014. — URL: <https://valdaiclub.com/files/11480/> (дата обращения: 12.03.2020).
153. Kortunov, A. The World Order Crises and the Future of Globalisation / A. Kortunov. — Текст: электронный // RIAC Reports: [сайт]. — 2020. — 1 окт. — URL: <https://russiancouncil.ru/en/activity/publications/the-world-order-crisis-and-the-future-of-globalization/> (дата обращения: 12.10.2020).

на турецком языке:

154. Aktürk, Ş. Türk-Rus İlişkilerinin Realist Bir Değerlendirmesi 2002-2012: Zirveden Dibe mi? (Реалистическая оценка турецко-российских отношений 2002-2012: от вершины до дна?) / Ş. Aktürk. — Текст: непосредственный // Hazar Raporu. — 2013. — P. 55-70.
155. Çelikpala, M. Bugüne Tarih Olarak Bakmak: Türkiye-Rusya İlişkilerinin Serencamı ve Geleceği (Рассмотрение на сегодняшний день как на историю: мир и будущее отношений между Турцией и Россией) / M. Çelikpala. — Текст: электронный // EDAM: [сайт]. — 2019. — № 5. — URL: https://edam.org.tr/wp-content/uploads/2019/05/MITAT_BUGUNE-TARİH-OLARAK-BAKMAK.pdf (дата обращения: 12.05.2020).
156. Kasapoğlu, C. Türk-Rus Savunma İş Birliği: Siyasi-Askeri Kapsam, Beklentiler ve Limitler (Турецко-российское оборонное сотрудничество: военно-политические лимиты, перспективы и ограничения) / C. Kasapoğlu. — Текст: электронный // EDAM: [сайт]. — 2019. — 13 мая. — URL: <https://edam.org.tr/turk-rus-savunma-isbirligi-siyasi-askeri-kapsam-beklentiler-ve-limitler/> (дата обращения: 05.11.2021).

Научные статьи

на русском языке:

157. Байков А. А., Болгова И. В. Центральная Азия и перспективы СНГ — Текст: непосредственный / А. А. Байков, И. В. Болгова // Центральная Азия: актуальные акценты международного сотрудничества. — Сер. «Книги и брошюры ИМИ». — Под редакцией А.И. Подберезкина, А.А.Орлова, В.М.Сергеева. — Москва: МГИМО Университет. — 2010. — С. 131-140.
158. Байков А. А., Истомин И. А. Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе / А. А. Байков, И. А. Истомин — Текст: непосредственный // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63. — № 1. — С. 34-48.
159. Барановский, В. Г. Трансформация мировой системы в 2000-х годах / В. Г. Барановский. — Текст: непосредственный // Международные процессы. — 2010. — Т. 8. — № 22. — С. 4-13.
160. Боришполец, К. П. Новое лицо мировой политики: переформатирование постбиполярного пространства / К. П. Боришполец. — Текст: непосредственный // Международная аналитика. — 2016. — № 1. — С. 7-12.
161. Боришполец, К. П. Русский язык в центрально-азиатском регионе / К. П. Боришполец. — Текст: непосредственный // Вестник МГИМО-Университета. — 2014. — Т. 2. — № 35. — С. 63-70.
162. Боришполец, К. П., Чернявский, С. И. Содружество Независимых Государств и задачи евразийской интеграции / К. П. Боришполец, С. И. Чернявский. — Текст: непосредственный // Международная аналитика. — 2015. — № 3. — С. 14-33.
163. Вершинина, В. В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный концептуальных подходов. анализ / В. В. Вершинина. — Текст: непосредственный // Сравнительная политика. — 2020. — № 11 (3). — С. 25-40.
164. Грозин, А. В. Постсоветская Центральная Азия: новые геополитические тенденции и российские интересы / А. В. Грозин. — Текст: непосредственный // Россия и мусульманский мир. — 2008. — № 5. — С. 82-100.
165. Давутоглу, А. Внешняя политика Турции и Россия: региональный подход к глобальному миру / А. Давутоглу. — Текст: непосредственный // Россия в глобальной политике — 2010. — Т. 8. — № 1. — С. 60-70.
166. Денисов И. Е., Сафранчук И. А. Четыре проблемы ШОС в свете вопроса о расширении организации / И. Е. Денисов, И. А. Сафранчук. — Текст: непосредственный // Вестник МГИМО Университета. — 2016. — № 3(48). — С. 112-122.

167. Дружиловский, С. Б. О перспективах восстановления российско-турецких отношений / С.Б. Дружиловский. — Текст: непосредственный // Человеческий капитал. — 2016. — № 2 (86) — С. 88-89.
168. Дружиловский, С. Б. Турция: привычка управлять / С. Б. Дружиловский — Текст: электронный // Россия в глобальной политике: [сайт]. — 2005. — № 6. — С. 48-61. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/turcziya-privychka-upravlyat/> (дата обращения: 03.11.2021).
169. Кавешников, Н. Ю. Малые или вредные? / Н. Ю. Кавешников. — Текст: непосредственный // Международные процессы. — 2008. — Т. 6. — № 3 (18). — С. 84-92.
170. Казанцев, А. А., Гусев, Л. О. Продвижение «Мягкой силы» России в Центральной Азии как инструмент развития евразийской экономической интеграции / А. А. Казанцев, Л. О. Гусев. — Текст: непосредственный // Управленческое консультирование. — 2015. — № 11 (83). — С. 80-91.
171. Королёв, А. С. Стратегии средних стран в отношении великих держав: опыт Малайзии / А. С. Королёв. — Текст: непосредственный // Международные процессы. — 2018. — Т. 16. — № 1. — С. 90—104.
172. Кузьмина, Е. М. Новый виток Большой игры? / Е. М. Кузьмина. — Текст: непосредственный // Россия и мусульманский мир. — 2011. — № 7. — С. 86-97.
173. Кузьмина, Е. М. Новые тенденции в экономическом сотрудничестве в ШОС / Е. М. Кузьмина. — Текст: непосредственный // РСМ. — 2017. — № 4 (97). — С. 163-177.
174. Кузьмина, Е.М. Особенности внутривосточной и международной ситуации в Центральной Азии и их влияние на интеграционные процессы / Е. М. Кузьмина. — Текст: непосредственный // ПОЛИТЭКС. — 2009. — № 3. — С. 92-106.
175. Лавров, С. В. Историческая перспектива внешней политики России / С.В. Лавров. — Текст: электронный // Россия в глобальной политике: [сайт]. — 2016. — 3 марта. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/istoricheskaya-perspektiva-vneshnej-politiki-rossii/> (дата обращения: 12.03.2020).
176. Лукьянов, Ф. А., Сафранчук, И. А. Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав / И. А. Сафранчук, Ф. А. Лукьянов. — Текст: непосредственный // Полис. Политические исследования. — 2021. — № 3. — С. 57-76.
177. Миграян, А. А., Грозин, А. В. Евразийская интеграция в Центральной Азии и глобальные геополитические трансформации / А. А. Миграян, А. В. Грозин. — Текст: непосредственный // Постсоветский материк. — 2014. — № 3 (3). — С. 5-29.
178. Мозлоев, А. Т. Россия-Турция: к вопросу об обострении отношений / А. Т. Мозлоев. — Текст: непосредственный // Человеческий капитал. — 2016. — № 2 (86). — С. 49-52.

179. Надеин-Раевский, В. А. Внешняя политика Турции: ветры перемен / В.А. Надеин-Раевский. — Текст: непосредственный // Мировая экономика и международные отношения. — 2013. — № 2. — С. 84—92.
180. Надеин-Раевский, В. А. Идеинная борьба и «новая Турция» / В. А. Надеин-Раевский — Текст: непосредственный // Вестник МГИМО-Университета. — 2016. — Т. 2. — № 47. — С. 22-31.
181. Надеин-Раевский, В. А. Идеологическая борьба в Турции и российско-турецкое отношения / В. А. Надеин-Раевский — Текст: непосредственный // Человеческий капитал. — 2016. — № 2 (86). — С. 47-49.
182. Надточей Ю. И., Сафранчук И. А. Евразия: сложности управления / Ю. И. Надточей, И. А. Сафранчук — Текст: непосредственный // Вестник МГИМО Университета. — 2019. — Т. 12. — № 6. — С. 188-197.
183. Надточей Ю. И., Сафранчук И. А. Европейский Союз в Центральной Азии: границы нормативной силы (Рецензия на книгу О.А. Спайсер «Влияние Европейского союза в Центральной Азии. Геополитические вызовы и ответы») / Ю. И. Надточей, И. А. Сафранчук — Текст: непосредственный // Вестник международных организаций. — 2018. — Т. 13. — № 4. — С. 280-286.
184. Никитин, А. И. Современный миропорядок, его кризис и перспективы / А. И. Никитин — Текст: непосредственный // Полис. Политические исследования. — 2018. — № 6. — С. 32-47.
185. Сафранчук, И. А. Аудит российской внешней политики / И. А. Сафранчук — Текст: непосредственный // Россия в глобальной политике. — 2006. — Т. 4. — № 6. — С. 131-140.
186. Сафранчук, И.А. Варианты глобализации и регионализации для Центральной Азии: Россия и Центральная Азия: новые перспективы / И. А. Сафранчук — Текст: непосредственный // Материалы междунар. науч. конф., посвященной 25-летию установления дипломатич. отношений между Рос. Федерацией и государствами Центральной Азии (Москва, 14 июня 2017 г.) [отв. ред. А.Л. Чечевишников] — Москва: МГИМО-Университет, 2018. — С. 64-81.
187. Сафранчук, И. А. Концепция «Новый шелковый путь» и политика США «в Большой Центральной Азии» / И. А. Сафранчук — Текст: непосредственный // Международная жизнь. — 2013. — № 7. — С. 43-53.
188. Сафранчук, И. А. Эволюция позиции США в отношении роли Китая в Центральной Азии. / И. А. Сафранчук — Текст: непосредственный. // Международная жизнь. — 2015. — № 8. — С. 97-107.

189. Сорокин, К. Э. Россия и многополярность: время обнимать, и время уклоняться от объятий / К. Э. Сорокин. — Текст: непосредственный // Полис. Политические исследования. — 1994. — № 1. — С. 7-32.
190. Ульченко, Н. Торгово-экономические связи России и Турции в постсоветский период / Н. Ульченко. — Текст: непосредственный // Мармара. Журнал турецких исследований. — 2016. — № 3 (2). — С. 121-138.
191. Цыганков, П. А. Россия в формирующемся миропорядке: ресурсы и внешнеполитический статус / П. А. Цыганков. — Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2009. — № 3. — С. 6-11.
192. Чернявский, С. И. Евразийский экономический союз — реалии текущей ситуации / С. И. Чернявский. — Текст: непосредственный // Международная аналитика. — 2017. — № 1. — С. 7-13.
193. Чернявский, С. И. Российские приоритеты в Центральной Азии / С. И. Чернявский. — Текст: непосредственный // Россия и мусульманский мир. — 2010. — № 8. — С. 59-68.
194. Шаклеина, Т. А. Великие державы и региональные подсистемы / Т. А. Шаклеина. — Текст: непосредственный // Международные процессы — 2011. — Т. 9. — № 2. — С. 29-39.
195. Шипилов, А.В. Правовой статус русского языка в новых независимых государствах центральноазиатского региона / А.В. Шипилов. — Текст: непосредственный // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. — 2012. — Т. 2. — № 196. — С. 70-74.

на английском языке:

196. Aktürk, Ş. Turkish—Russian Relations after the Cold War (1992-2002) / Ş. Aktürk. — Текст: непосредственный // Turkish Studies. — 2006. — Vol. 7. — № 3. — P. 337-364.
197. Axelrod, R., Keohane, R. O. Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions / R. Axelrod, R. O. Keohane. — Текст: непосредственный // World Politics. — 1985. — Vol. 38. — № 1. — P. 226-254.
198. Aydın, M. Foucault's Pendulum: Turkey in Central Asia and the Caucasus / Mustafa Aydın. — Текст: непосредственный // Turkish Studies. — 2004. — Vol. 5. — № 2. — P. 1-22.
199. Aydın, M. New Geopolitics of Central Asia and the Caucasus: Causes of Instability and Predicament. / M. Aydın. — Текст: непосредственный // Center for Strategic Research. — 2000. — P. 1-40 p.

200. Aydın, M. Geopolitics of Central Asia and Caucasus: Continuity and Change since the End of the Cold War / M. Aydın. — Текст: непосредственный // The Turkish Yearbook. — 2001. — Vol. 32. — P. 167-217.
201. Baba G., Önsoy M. Between Capability and Foreign Policy: Comparing Turkey's Small Power and Middle Power Status / G. Baba, M. Önsoy. — Текст: непосредственный // Uluslararası İlişkiler. — 2016. — Vol. 13. — № 51. — P. 3-20.
202. Balta, E. From Geopolitical Competition to Strategic Partnership: Turkey and Russia After the Cold War / E. Balta. — Текст: непосредственный // Uluslararası İlişkiler. — 2019. — Vol. 16. — № 63. — P. 69-86.
203. Bobrow, D., Kudrle, R. How Middle Powers Can Manage Resource Weakness: Japan and Energy / D. Bobrow, R. Kudrle. — Текст: непосредственный // World Politics. — 1987. — Vol. 39. — № 4. — P. 536-565.
204. Brooks S., Wohlforth W. The Rise and Fall of Great Powers in the Twenty-first Century / S. Brooks, W. Wohlforth — Текст: непосредственный // International Security. — Winter 2015/16. — Vol. 40. — № 3. — P. 7-53.
205. Carr, A. Is Australia a Middle Power? A Systemic Impact Approach / A. Carr. — Текст: непосредственный // Australian Journal of International Affairs. — 2014. — Vol. 68. — № 1. — P. 70-84.
206. Chapnick, A. The Middle Power / A. Chapnick. — Текст: непосредственный // Canadian Foreign Policy Journal. — 1999. — Vol. 7. — № 2. — P. 73-82.
207. Chernyavsky, S. Central Asia in the Era of Change / S. Chernyavsky. — Текст: электронный // Russia in Global Affairs: [сайт]. — 2006 January-March. — № 1. — URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/central-asia-in-an-era-of-change/> (дата обращения: 13.11.2021).
208. Cooley A., Nexon D. H. How Hegemony Ends the Unraveling of American Power / A. Cooley, D. H. Nexon. — Текст: непосредственный // Foreign Affairs: [сайт]. — 2020. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-06-09/how-hegemony-ends> (дата обращения: 15.09.2021).
209. Cooley, A. Thinking Rationally About Hierarchy and Global Governance / A. Cooley. — Текст: непосредственный // Review of International Political Economy. — 2003. — Vol. 10. — № 4. — P. 672-684.
210. Cooper, A. F., Dal, E. P. Positioning the Third Wave of Middle Power Diplomacy: Institutional Elevation, Practice Limitations / A. F. Cooper, E. P. Dal. — Текст: непосредственный // International Journal. — 2016. — Vol. 71. — № 4. — P. 516—528.

211. Cooper, A. F., Flesmes, D. Foreign Policy Strategies of Emerging Powers in a Multipolar World: an Introductory Review / A. F. Cooper, D. Flesmes. — Текст: непосредственный // Third World Quarterly. — 2013. — Vol. 34. — № 6. — P. 943-962.
212. Cooper, A. F. Testing Middle Power's Collective Action in a World of Diffuse Power / A. F. Cooper. — Текст: непосредственный // International Journal. — 2016. — Vol. 71. — № 4. — P. 529-544.
213. Cox, R.W. Middlepowermanship, Japan, and Future World Order / R. W. Cox. — Текст: непосредственный // International Journal. — 1989. — Vol. 44. — №4. — P. 823-862.
214. Dal E. P., Erşen E. Reassessing the "Turkish Model" in the Post-Cold War Era: A Role Theory Perspective — Текст: непосредственный // Turkish Studies. — 2014. — Vol. 5. — № 2. P. 258-282.
215. Deudney D., Ikenberry J.G. The Nature and Sources of Liberal International Order / D. Deudney, J. G. Ikenberry. — Текст: непосредственный // Review of International Studies. — 1999. — Vol. 25. — № 2. — P. 179-196.
216. Fukuyama, F. The End of History? / F. Fukuyama. — Текст: непосредственный // The National Interest. — 1989. — № 16. — P. 3—18.
217. Gilley, B. Middle Powers during Great Power Transitions: China's Rise and the Future of Canada-US Relations / B. Gilley. — Текст: непосредственный // International Journal. — 2011. — Vol. 66. — № 2. — P. 245—264.
218. Gök, G. O., Parlar, E. D. Locating Turkey as a 'Rising Power' in the Changing International Order: An Introduction / Emel P. Dal and G. O. Gök. — Текст: непосредственный // Perceptions. — Winter 2014. — Vol. 19. — № 4. — P. 1-18.
219. Hambro, C. J. The Role of the Smaller Powers in International Affairs To-Day / C. J. Hambro. — Текст: непосредственный // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1931-1939). — 1936. — Vol. 15. — № 2. — P. 167-182.
220. Holbraad, C. The Role of Middle Powers / C. Holbraad. — Текст: непосредственный // Cooperation and Conflict. — 1971. — VI. — P. 77-90.
221. Howarth, D. Power, Discourse, and Policy: Articulating a Hegemony Approach to Critical Policy Studies / D. Howarth. — Текст: непосредственный // Critical Policy Studies. — 2010. — Vol. 3. — № 4. — P. 309-335.
222. Huntington, S. P. Democracy's Third Wave / S. P. Huntington. — Текст: непосредственный // Journal of Democracy. — Spring 1991. — Vol. 2. — № 2. — P. 12-34.
223. Ikenberry, J. G. The End of Liberal International Order? / John G. Ikenberry. — Текст: непосредственный // International Affairs. — 2018. — Vol. 94. — № 1. — P. 7-23.

224. Ikenberry, J. G. Why the Liberal World Order Will Survive / J. G. Ikenberry. — Текст: непосредственный // *Ethics & International Affairs*. — 2018. — Vol. 32. — № 1. — P. 17-29.
225. Iskandarov Q., Nesmashnyi A., Safranchuk I., Sucu A. E. Transformation of Middle Powers with the Decline of World Hegemony: The Case of Turkey / A. E. Sucu, I. Safranchuk, A. Nesmashnyi, Q. Iskandarov — Текст : непосредственный // *Strategic Analysis*. — 2021. — Vol. 45. — № 4. — P. 307-320.
226. Jervis, R. Cooperation under Security Dilemma / R. Jervis. — Текст: непосредственный // *World Politics*. — 1978. — Vol. 30. — № 2. — P. 151-185.
227. Jervis, R. Realism, Neoliberalism, and Cooperation: Understanding the Debate / R. Jervis. — Текст: непосредственный // *International Security*. — 1999. — Vol. 24. — № 1. — P. 42-63.
228. Jordaan, E. The Emerging Middle Power Concept: Time to Say Goodbye? / E. Jordaan. — Текст: непосредственный // *South African Journal of International Affairs*. — 2017. — Vol. 24. — № 3. — P. 1-18.
229. Jordaan, E. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing between Emerging and Traditional Middle Powers / E. Jordaan. — Текст: непосредственный // *Politikon: South African Journal of Political Studies*. — 2003. — Vol. 30. — № 1. — P. 165-181.
230. Kavalski, E. Coming to Terms with the Complexity of External Agency in Central Asia / E. Kavalski. — Текст: непосредственный // *Journal of Eurasian Studies*. — 2011. — P. 21-29.
231. Keohane, R. O. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics / R.O. Keohane International Organization. — 1969. — Vol. 23. — P. 291-310.
232. Keohane, R. O., Martin L. L. The Promise of Intuitionalist Theory / R. O. Keohane, L. L. Martin. — Текст: непосредственный // *International Security*. — Summer 1995. — Vol. 20. — № 1. — P. 39-51.
233. Köstem, S. When Can Idea Entrepreneurs Influence Foreign Policy? Explaining the Rise of the “Turkic World” in Turkish Foreign Policy / Seçkin Köstem. — Текст: непосредственный // *Foreign Policy Analysis*. — 2016. — P. 1-19.
234. Kutlay, M., Öniş, Z. Rising Powers in a Changing Global Order: the Political Economy of Turkey in the Age of BRICS / Ziya Öniş and Mustafa Kutlay. — Текст: непосредственный // *Third World Quarterly*. — 2013. — Vol. 34. — № 8. — P. 1409-1426.
235. Kutlay, M., Öniş, Z. The Dynamics of Emerging Middle Power Influence in Regional and Global Governance: The Paradoxical Case of Turkey / Ziya Öniş and Mustafa Kutlay. — Текст: непосредственный // *Australian Journal of International Affairs*. — June 2016. — P. 164-183.

236. Lake, D. A. American Hegemony and the Future of East—West Relations / D. A. Lake. — Текст: непосредственный // *International Studies Perspectives*. — 2006. — Vol. 7. — P. 23-30.
237. Lake, D. A. Escape from the State of Nature: Authority and Hierarchy in World Politics / D. A. Lake. — Текст: непосредственный // *International Security*. — 2007. — Vol. 32. — № 1. — P. 47-79.
238. Lake, D. A. Leadership, Hegemony, and the International Economy: Naked Emperor or Tattered Monarch with Potential? / David A. Lake. — Текст: непосредственный // *International Studies Quarterly*. — December 1993. — Vol. 37. — № 4. — P. 459-489.
239. Lake, D. A. Legitimizing Power: The Domestic Politics of U.S. International Hierarchy / D. A. Lake. — Текст: непосредственный // *International Security*. — Fall 2013. — Vol. 38. — № 2. — P. 74-111.
240. Lake, D. A. Regional Hierarchy: Authority and Local International Order / D. A. Lake. — Текст: непосредственный // *Review of International Studies*. — 2019. — Vol. 35. — P. 35-58.
241. Mearsheimer, J. J. Benign Hegemony / J.J. Mearsheimer. — Текст: непосредственный // *International Studies Review*. — March 2016. — Vol. 18. — № 1. — P. 147-149.
242. Mearsheimer, J. J. Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order / J. J. Mearsheimer. — Текст: непосредственный // *International Security*. — Spring 2019. — Vol. 43. — № 4. — P. 7-50.
243. Mearsheimer, J. J. The False Promise of International Institutions / J. J. Mearsheimer. — Текст: непосредственный // *International Security*. — Winter 1994-1995. — Vol. 19. — № 3. — P. 5-49.
244. Nexon, D. H., Wright, T. What's at Stake in the American Empire Debate / D. H. Nexon, T. Wright. — Текст: непосредственный // *American Political Science Review*. — 2007. — Vol. 101. — № 2. — P. 253-271.
245. Nye, J. S. Globalisation and Discontent / J. S. Nye. — Текст: непосредственный // *The World Today*. — 2001. — Vol. 57. — № 8/9. — P. 39-40.
246. Nye, J. S. Soft Power / J. S. Nye. — Текст: непосредственный // *Foreign Policy*. — 1990. — Vol. 80. — P. 153-171.
247. Nye, J. S. The Rise and Fall of American Hegemony from Wilson to Trump / J. S. Nye. — Текст: непосредственный // *International Affairs*. — 2019. — Vol. 95. — № 1. — P. 63—80.
248. Nye, J. S. The Velvet Hegemon / Joseph S. Nye. — Текст: непосредственный // *Foreign Policy*. — May-June 2013. — № 136. — P. 74-75.

249. Nye, J. S. What New World Order? / J. S. Nye. — Текст: непосредственный // *Foreign Affairs*. — Spring 1992. — Vol. 71. — № 2. — P. 83-96.
250. Oğuzlu, H. T. Soft Power in Turkish Foreign Policy / H. T. Oğuzlu — Текст: непосредственный // *Australian Journal of International Affairs*. — 2007. — P. 81-97.
251. Oğuzlu, H. T. Turkish Foreign Policy in a Changing World Order / H. T. Oğuzlu — Текст: непосредственный // *All Azimuth: A Journal of Foreign Policy and Peace*. — 2019. — Vol. 9. — № 1. P. 127-139.
252. Patience, A. Imagining Middle Powers / A. Patience. — Текст: непосредственный // *Australian Journal of International Affairs*. — 2016. — Vol. 68. — № 2. — P. 210-224.
253. Paul, T. V., Larson, D. W., Wohlforth, W. C. Status and World Order // *Status in World Politics* / ed. by T. V. Paul, D. W. Larson, W. C. Wohlforth. — Cambridge: Cambridge University Press, 2014. — P. 3-31.
254. Romanova, T. Russia's Neo-Revisionist Challenge to the Liberal International Order / T. Romanova. — Текст: непосредственный // *The International Spectator*. — 2018. Vol. 53. — № 1. — P. 76-91.
255. Rose, G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy / G. Rose. — Текст: непосредственный // *World Politics*. — 1998. — Vol. 51. — № 1. — P. 144-172.
256. Rüma, İ., Çelikpala, M. Russian and Turkish Foreign Policy Activism in the Syrian Theater / İ. Rüma, M. Çelikpala. — Текст: непосредственный // *Uluslararası İlişkiler*. — 2019. — Vol. 16. № 62. — P. 65-84.
257. Safranchuk, I. Afghanistan's Political Future and Its Role in Eurasian Cooperation / I. Safranchuk. — Текст: непосредственный // *India Quarterly*. — 2019. — Vol. 75. — № 1. — P. 15-28.
258. Safranchuk I. Central Asian Regimes: Stability and Reform / I. Safranchuk. — Текст: непосредственный // *Eurasia on the Edge: Managing Complexity*. — Ed. By Richard Sakwa, Piotr Dutkiewicz, Fyodor Lukyanov. — Lexington Books, 2018. — P. 181-196.
259. Safranchuk I. Globalisation and the Decline of Universalism: New Realities for Hegemony / I. Safranchuk — Текст: непосредственный // *Hegemony and World Order. Reimagining Power in Global Politics*. — Ed. by Piotr Dutkiewicz, Tom Casier, Jan Aart Scholte. — Routledge, 2020. — P. 65-77.
260. Sander, O. Turkey and the Turkic World / O. Sander. — Текст: непосредственный // *Central Asian Survey*. — 1994. — Vol. 13. — № 1. — P. 37-44.
261. Sethi, J. D. India as a Middle Power / D. J. Sethi. — Текст: непосредственный // *India Quarterly*. — 1969. — Vol. 25. — № 2. — P. 107-121.

262. Shlykov, P. Russian-Turkish Relations in the Wider Black Sea Region: Cooperation and Competition / P. Shlykov. — Текст: непосредственный // Perceptions. — Summer 2018. — V. 23. — № 2. — P. 93-116.
263. Stepanova, E. Russia and Conflicts in the Middle East: Regionalisation and Implications for the West / E. Stepanova. — Текст: непосредственный // The International Spectator. — 2018. — Vol. 53. — № 4. — P. 35-57.
264. Şahin, M., Sarı, B. Turkey in Syrian Crises: The Limits of a Middle Power Foreign Policy / M. Şahin, B. Sarı. — Текст: непосредственный // Ortadoğu Etüdları. — 2016. — Vol. 8. — № 1. — P. 8-25.
265. Tsygankov, A. G – Great Powerness / A. Tsygankov. — Текст: электронный // Russia in Global Affairs: [сайт]. — 2020. — № 1. — С. 85-91. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/g-great-powerness/> (дата обращения: 02.11.2021).
266. Tsygankov, A. P. Russia's Power and Alliances in the 21st Century / A. Tsygankov. — Текст: непосредственный // Politics. — 2010. — № 30. — P. 43-51.
267. Tsygankov, A. P. The Revisionist Moment: Russia, Trump, and Global Transition / A. Tsygankov — Текст: непосредственный // Problems of Post-Communism. — 2020. — P. 457-467.
268. Tsygankov, A. Vladimir Putin's Vision of Russia as a Normal Great Power / A. Tsygankov. — Текст: непосредственный // Post-Soviet Affairs. — 2005. — Vol. 21. — № 2. — P. 132-158.
269. Walt, S. M. Taming American. Power / S. M. Walt. — Текст: непосредственный // Foreign Affairs. — 2005. — Vol. 84. — № 5. — P. 105-120.
270. Waltz, K. N. Globalization and Governance / K. N. Waltz. — Текст: непосредственный // Political Science and Politics. — Vol. 32. — № 4. — 1999. — P. 693-700.
271. Waltz, K. N. Structural Realism after the Cold War / K. N. Waltz. — Текст: непосредственный // International Security. — 2000. — Vol. 25. — № 1. — P. 5-41.
272. Webb, M. C., Krasner, S. D. Hegemonic Stability Theory: An Empirical Assessment / M. C. Webb, S. D. Krasner. — Текст: непосредственный // Review of International Studies. — 1989. — Vol. 15. — № 2. — P. 183-198.
273. Wolfers, A. The Role of the Small States in the Enforcement of International Peace / A. Wolfers. — Текст: непосредственный // Proceedings of the Academy of Political Science. — 1945. Vol. 21. — № 3. — P. 24-31.

на турецком языке:

274. Bal İ. Uluslararası Politikada Türk Modelinin Yükselişi ve Düşüşü (Рост и падение турецкой модели в международной политике) / İ. Bal. — Текст: непосредственный // Bilig. — 2000. — V. 14. — P. 1-15.
275. Çelikpala, M. 1990’lardan Günümüze Türk-Rus İlişkileri (Турецко-российские отношения с 1990-х годов по настоящее время) / M. Çelikpala. — Текст: непосредственный // Avrasya Dosyası. — 2007. — Vol. 13. — № 1. — P. 267-298.
276. Çelikpala, M. Rekabet ve İş birliği İkileminde Yönünü Arayan Türk-Rus İlişkileri (Турецко-российские отношения ищут направление в дилемме конкуренции и сотрудничества) / M. Çelikpala. — Текст: непосредственный // Bilig. — Kış 2015. — № 72. — P. 117-144.
277. Çulha, E. Türk-Rus İlişkilerinin Kronolojisi (1991-2017) (Хронология турецко-российских отношений (1991-2017)) / E. Çulha. — Текст: непосредственный // Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi. — Sonbahar 2016. — Vol. 3. — № 2. — P. 287-298.
278. Erşen, E. Türk Dış Politikasında Avrasya Yönelimi ve Şangay İşbirliği Örgütü (Евразийская ориентация и Шанхайская организация сотрудничества во внешней политике Турции) / E. Erşen. — Текст: непосредственный // Ortadoğu Analiz. — Nisan 2013. — Vol. 5. — № 52. — P. 15-23.
279. Güney, T. Türkiye ve BRICS Ülkelerinde Ekonomik Özgürlüğün Ekonomik Büyüme Üzerine Etkisi (Влияние экономической свободы в Турции и странах БРИКС на экономический рост) / T. Güney // International Review of Economics and Management. — 2017. Vol. 5. — № 2. — P. 30-47.
280. İmanbeyli, V. ‘Uçak Krizi’ ve Türkiye-Rusya İlişkileri («Кризис» и отношения между Турцией и Россией) / V. İmanbeyli. — Текст: электронный // SETA Perspektif. — 2015. — № 119. — URL: http://file.setav.org/Files/Pdf/20151231165033_ucak-krizi-ve-turkiye-rusya-iliskileri-pdf.pdf (дата обращения: 01.11.2021).
281. İnaç, H. Türkiye-AB İlişkilerinde Entegrasyonu Zora Sokan Saiklar (Мотивы, которые затрудняют интеграцию в отношениях между Турцией и ЕС) / H. İnaç. — Текст: непосредственный // Süleyman Demirel Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. — 2016. — Vol. 3. — № 25. — P. 229-246.
282. Kantarcı, Ş. Soğuk Savaş Sonrası Uluslararası Sistem: Yeni Sürecin Adı ‘Koalisyonlar Dönemi?’ mi? (Международная система после окончания холодной войны: новый процесс называется «эпоха коалиций»?). — Текст: непосредственный / Ş. Kantarcı // Güvenlik Stratejileri. — Vol. 8. — № 16. — 2012. — P. 47-85.

283. Özdemir, H. Turgut Özal ve Avrasya (Тургут Озал и евразия) / H. Özdemir. — Текст: непосредственный // Avrasya Dünyası. — 2018. — № 2. — P. 4-15.
284. Salık N., Tür Ö. Uluslararası İlişkilerde 'Küçük Devletler': Gelişimi, Tanımı, Dış Politika ve İttifak Davranışları ("Малые государства" в международных отношениях: их развитие, определение, внешняя политика и поведение альянса) / N. Salık, Ö. Tür. — Текст: непосредственный // Uluslararası İlişkiler — 2017. — Vol. 14. — № 53. P. 3-22.
285. Sarıahmetoğlu, N. Karabağ Sorunu'nun Çözüm Sürecinde Türkiye ve Rusya (Турция и Россия в процессе урегулирования Карабахского конфликта) / N. Sarıahmetoğlu. — Текст: непосредственный // Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi. — 2016 Sonbahar. — Vol. III. — № 2. — P. 93-119.
286. Tellal, E. Türk Dış Politikası'nda Avrasya Seçeneği (Евразийский вариант во внешней политике Турции) / E. Tellal. — Текст: непосредственный // Uluslararası İlişkiler. — 2005 Spring. — Vol. 2. — № 5. — P. 49-70.

Электронные ресурсы, публикации СМИ:

на русском языке:

287. Абдуллаев, Р. Эрдоган объявил о новых резервах газа в Черном море / Р. Абдуллаев. — Текст: электронный // Агенство Анатолии: [сайт]. — 2020. — 17 окт. — URL: <https://www.aa.com.tr/ru/турция/эрдоган-объявил-о-новых-резервах-газа-в-черном-море/2009861> (дата обращения: 12.11.2020).
288. Алексеева, Н. Строительство «тюркского мира»: как Анкара усиливает своё влияние на постсоветских территориях / Н. Алексеева. — Текст: электронный // RT на русском: [сайт]. — 2017. — 27 июля. — URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/413037-turciya-uzbekistan-tyurkskiy-mir> (дата обращения: 17.02.2020).
289. Бусыгина, И., Филиппов, М. Нелюбимая держава / И. Бусыгина, М. Филиппов. — Текст: электронный // Ведомости. — 2010. — 18 авг. — URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2010/08/18/cena_derzhavnosti (дата обращения: 15.11.2021).
290. Быть ли России «энергетической сверхдержавой»? — Текст: электронный // Известия: [сайт]. — 2006. — 17 янв. — URL: <https://iz.ru/447741/byt-li-rossii-energeticheskoi-sverkhderzhavoi> (дата обращения: 20.02.2020).
291. Воронов, К. Стратегия международной адаптации малых стран: сателлизм vs финляндизаций / К. Воронов. — Текст: электронный // Международная жизнь: [сайт]. — URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2185> (дата обращения: 14.09.2021).

292. В Туркмении, где официально нет COVID-19, поручили начать вакцинацию — Текст: электронный // РИА Новости: [сайт]. — URL: <https://ria.ru/20210129/koronavirus-1595064308.html> (дата обращения: 06.08.2021).
293. Дегтерев, Д. А. Многополярность или «новая биполярность»? / Д. А. Дегтерев. — Текст: электронный // Российский совет по международным делам (РСМД): [сайт]. — 2020. — 16 янв. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/> (дата обращения: 12.02.2020).
294. Грязев, А. Армейская дружба: как Турция ищет союзников в Средней Азии / А. Грязев. — Текст: электронный // Газета.ру: [сайт]. — 2020. — 28 окт. — URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/10/28_a_13337641.shtml (дата обращения: 28.10.2020).
295. Горская, Е. Иностранным студентам будет проще найти работу в России / Е. Горская. — Текст: электронный // Русский мир: [сайт]. — 2020. — 22 янв. — URL: <https://russkiymir.ru/publications/267807/> (дата обращения: 22.06.2020).
296. Гуриев, С. Деглобализация России / С. Гуриев. — Текст: электронный // Московский центр Карнеги: [сайт]. — 2016. — 26 янв. — URL: <https://carnegie.ru/commentary/62541> (дата обращения: 22.02.2020).
297. Гусарова, А. «Мягкая сила» России в Казахстане и Центральной Азии: как выполняет свои цели Россотрудничество? Региональная аналитическая сеть Центральной Азии: продвижение мысли, знаний и амбиций / А. Гусова. — Текст: электронный // САА Network: [сайт]. — 2017. — 9 июня. — URL: <https://www.caa-network.org/archives/9305> (дата обращения: 02.06.2020).
298. Доктрина Примакова и возвращение России на мировую арену. — Текст: электронный // INOSMI.INFO: [сайт]. — 2019. — 6 ноя. — URL: <http://inosmi.info/doktrina-primakova-i-vozvraschenie-rossii-na-mirovuyu-arenu.html> (дата обращения: 11.09.2021).
299. Заквасин, А. «Российскому НАТО» 25 лет: что сегодня представляют собой силы ОДКБ / А. Заквасин. — Текст: электронный // RT на русском: [сайт]. — 2017. — 15 мая. — URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/389693-25-let-dogovor-o-kollektivnoi-bezopasnosti> (дата обращения: 19.06.2020).
300. ЗРК С-300 находятся на вооружении ряда стран НАТО — Текст: электронный // Агентство аналитики: [сайт]. — 2009 — 11 апр. — URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/зрк-с-300-находятся-на-вооружении-ряда-стран-нато/1449009> (дата обращения: 30.04.2020).
301. Иманбекова, Н., Хасанова, С. Экономика и Covid-19 в Центральной Азии / Н. Иманбекова, С. Хасанова. — Текст: электронный // САА Network: [сайт]. — 2020. — 2 авг. — URL: <https://www.caa->

- network.org/archives/19734?fbclid=IwAR15222tM2kLeodh55EG1kBQ3V93i2OwcKPfzaEKuvmfVCHZyyjt_TpZCSg (дата обращения: 04.08.2020).
302. История российско-турецких отношений — Текст: электронный // Генеральное консульство Российской Федерации в Стамбуле: [сайт]. — URL: https://istanbul.mid.ru/ru/rossiya_i_turtsiya/istoriya_rossiysko_turetskikh_otnosheniy/ (дата обращения: 12.03.2020).
303. Как коронавирус повлиял на проекты «Пояса и пути» в Центральной Азии: взгляд из Китая. — Текст: электронный // CAA Network: [сайт]. — 2021. — 23 фев. — URL: <https://www.caa-network.org/archives/21493/kak-koronavirus-povliyal-na-proekty-poyas-i-puty-v-czentralnoj-azii-vzglyad-iz-kitaya> (дата обращения: 03.03.2020).
304. Караганов, С. А. Мировой шторм и русский кураж / С. А. Караганов. — Текст: электронный // Россия в глобальной политике: [сайт]. — 2020. — 28 окт. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mirovoj-shtorm-i-russkij-kurazh/> (дата обращения: 22.02.2020).
305. Караганов, С. А. Новой миссией России может стать защита всего мира / С. А. Караганов. — Текст: электронный // Взгляд: [сайт]. — 2019. — 3 окт. — URL: <https://m.vz.ru/politics/2019/10/3/1001036.html> (дата обращения: 20.02.2020).
306. Караганов, С. А. Российская внешняя политика: новый этап? / С.А. Караганов. — Текст: электронный. // Российская газета: [сайт]. — 2016. — 25 мая. — URL: <http://rg.ru/2016/05/25/specialisty-predstavili-svoe-videnie-prioritetov-vneshnej-politiki-rf.html> (дата обращения: 12.02.2020).
307. Караганов, С. А. Холодная война: прогноз на завтра / С.А. Караганов. — Текст: электронный // Российская газета: [сайт]. — 2017. — 22 окт. — URL: <https://rg.ru/2017/10/20/karaganov-my-perezhivaem-hudshuiu-holodnuiu-voynuu-chem-predydushchaia.html> (дата обращения: 10.03.2020).
308. Караганов, С. А. Чтобы выживать, Россия должна побеждать / С.А. Караганов. — Текст: электронный // Россия в глобальной политике: [сайт]. — 2017. — 20 ноя. — URL: <https://globalaffairs.ru/pubcol/My--natsiya-pobeditelei-v-to-vremya-kak-vas-vsekh-pobedili-V-Evrope-est-tolko-dve-takie-nacii--my-i> (дата обращения: 22.02.2020).
309. Кортунув, А. В. Почему мир не становится многополярным? / А.В. Кортунув. — Текст: электронный // Россия в глобальной политике: [сайт]. — 2018. — 26 июня. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym/> (дата обращения: 12.02.2020).
310. Косназаров, Д. Россия и Центральная Азия: медиа, образование, культурный код. Региональная аналитическая сеть Центральной Азии: продвижение мысли, знаний и

- амбиций / Д. Косназаров. — Текст: электронный // САА Network: [сайт]. — 2017. — 15 ноя. — URL: <https://www.caa-network.org/archives/10774> (дата обращения: 11.03.2020).
311. Куприянов, А. Прагматичный реалист: почему доктрина Примакова актуальна и сейчас / А. Куприянов. — Текст: электронный // Известия: [сайт]. — 2019. — 29 ноя. — URL: <https://iz.ru/937080/aleksei-kupriianov/pragmaticchnyi-realist-pochemu-doktrina-primakova-aktualna-i-seichas> (дата обращения: 11.09.2021).
312. Лавров, С. В. Мир на перепутье и система международных отношений будущего / С.В. Лавров. — Текст: электронный // Россия в глобальной политике: [сайт]. — 2019. — 20 сент. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mir-na-perepute-i-sistema-mezhdunarodnyh-otnoshenij-budushhego/> (дата обращения: 22.09.2020).
313. Лаумуллин, М. Т. Турция и Центральная Азия / М.Т. Лаумуллин. — Текст: электронный // Московски центр Карнеги: [сайт]. — 2012. — 22 окт. — URL: <https://carnegieendowment.org/2012/10/22/ru-pub-49758> (дата обращения: 13.11.2021).
314. Лукьянов, Ф. А. Внешняя политика России в 2018 году: проблем больше, чем успехов / Ф.А. Лукьянов. — Текст: электронный // Профиль: [сайт]. — 2018. — 26 дек. — URL: <https://profile.ru/politics/vneshnyaya-politika-rossii-v-2018-godu-problem-bolshe-chem-uspexov-61587/> (дата обращения: 11.03.2020).
315. Лукьянов, Ф. А. Как установка на реванш мешает российской внешней политике / Ф.А. Лукьянов. — Текст: электронный // Ведомости: [сайт]. — 2017. — 30 янв. — URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/01/30/675313-v-teni-sovetskogo> (дата обращения: 12.10.2020).
316. Лукьянов, Ф. А. Многополярная война. Россия в глобальной политике / Ф.А. Лукьянов. — Текст: электронный // Газета.ru: [сайт]. — 2007. — 16 авг. — URL: <https://www.gazeta.ru/column/lukyanov/2046452.shtml> (дата обращения: 22.02.2020).
317. Лукьянов, Ф. А. Многополярный вектор / Ф.А. Лукьянов. — Текст: электронный // Российская газета: [сайт]. — 2009. — 11 июня. — URL: <https://www.gazeta.ru/column/lukyanov/3209398.shtml> (дата обращения: 22.02.2020).
318. Лукьянов, Ф. А. Нынешний «идеальный шторм» — замена большой войне / Ф. А. Лукьянов — Текст: электронный // Российская газета: [сайт]. — 2020. — 17 мар. — URL: <https://rg.ru/2020/03/17/lukianov-sereznyj-analiz-krizisa-i-ego-dolgosrochnyh-posledstvij-vpered.html> (дата обращения: 05.05.2020).
319. Межгосударственные отношения России и Турции // РИА Новости: [сайт]. — 2020. — 8 янв. — URL: <https://ria.ru/20200108/1562874724.html> (дата обращения: 08.02.2020).
320. Наумкин, В. В. Турецкая дилемма России / В.В. Наумкин. — Текст: электронный // Российский совет по международным делам (РСМД): [сайт]. — 2014. — 4 июня. — URL:

- <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/turetskaya-dilemma-rossii/> (дата обращения: 03.11.2021).
321. Национальный состав населения. — Текст: электронный // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики: [сайт]. — URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/312/> (дата обращения: 21.06.2020).
322. Никифоров, О. «Трецкий поток» как инструмент борьбы за европейский газовый рынок / О. Никифоров. — Текст: электронный // Независимая газета: [сайт]. — 2020. — 10 февраля. — URL: https://www.ng.ru/ng_energiya/2020-02-10/9_7790_gas.html (дата обращения: 11.03.2020).
323. Об объединенной системе противовоздушной обороны стран СНГ — Текст: электронный // Исполнительный комитет СНГ: [сайт]. — 2019. — 25 сен. — URL: <http://cis.minsk.by/news/12024/ob-obedinennoj-sisteme-protivovozdusnoj-oborony-stran-sng> (дата обращения: 10.06.2020).
324. Оган, С. Платформа сотрудничества и стабильности на Кавказе и усилия Турции по обеспечению региональной безопасности / С. Оган. — Текст: электронный // Regnum: [сайт]. — 2009. — 11 дек. — URL: <https://regnum.ru/news/1234391.html> (дата обращения: 05.05.2020).
325. Омуралиев, А. Какую международную помощь получили страны Центральной Азии с 1991 года? / А. Омуралиев. — Текст: электронный // САБАР: [сайт]. — 2020. — 30 апр. — URL: <https://cabar.asia/ru/kakuyu-mezhdunarodnuyu-pomoshh-poluchili-strany-tsentralnoj-azii-s-1991-goda> (дата обращения: 21.11.2020).
326. Основные газопроводы Туркменистана — Текст: электронный // МИД Туркменистана: [сайт]. — URL: Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tm/ru/energy/news/84>. (Дата обращения: 25.06.2020).
327. От Договора к Организации. — Текст: электронный // ОДКБ: [сайт]. — URL: <https://odkb-csto.org/25years/> (дата обращения: 16.06.2020).
328. Панкратенко, И. «Турецкий марш» в Центральную Азию: попытка номер два / И. Панкратенко. — Текст: электронный // Независимая газета: [сайт]. — 2018. — 30 сент. — URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2018-09-30/11_7321_turk.html (дата обращения: 12.04.2020).
329. Панфилова, В. Русских в Туркменистане узаконят / В. Панфилова. — Текст: электронный // Независимая газета: [сайт]. — 2020. — 20 авг. — URL: https://www.ng.ru/cis/2020-08-20/5_7943_turkmenistan.html (дата обращения: 25.08.2020).
330. Парамонов, В. В., Строков, А. В. Россия и Центральная Азия: состояние и перспективы экономических отношений / В.В. Парамонов. — Текст: электронный //

- Центральная Евразия.: [сайт]. — 2006. — URL: https://ceasia.net/wp-content/uploads/pdf/russian_knr_sept2006.pdf (дата обращения: 12.03.2020).
331. Президент Турции: мы поддерживаем китайский проект «Один пояс, один путь» — Текст: электронный. — Regnum : [сайт]. — 2019. — 3 июля. — URL: <https://regnum.ru/news/2659256.html> (дата обращения: 01.07.2020).
332. Путин, В. В. Россия и меняющийся мир / В.В. Путин. — Текст: электронный. — Московские новости: [сайт]. — 2012. — 27 фев. — URL: <https://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 12.04.2020).
333. Путин, В. В. Россия на рубеже тысячелетий / В.В. Путин. — Текст: электронный // Независимая газета: [сайт]. — 1999. — 30 дек. — URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html (дата обращения: 12.10.2020).
334. Путин подписал документ о списании Кыргызстану госдолга. — Текст: электронный // Радио Азаттык: [сайт]. — 2018. 6 фев. — URL: <https://rus.azattyk.org/a/29021617.html> (дата обращения: 09.08.2021).
335. Российская военная инфраструктура в Центральной Азии. — Текст: электронный // Коммерсантъ: [сайт]. — 2017. — 17 июня. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3328655> (дата обращения: 19.06.2020).
336. Россия и Китай в Центральной Азии: геополитика и вакцинная дипломатия. — Текст: электронный // САА Network: [сайт]. — 2021. — 23 фев. — URL: <https://www.caa-network.org/archives/21472/rossiya-i-kitaj-v-czentralnoj-azii-geopolitika-i-vakczinnaya-diplomatiya-dajdzhest> (дата обращения: 08.06.2020).
337. Россия списала Узбекистану \$865 млн долга. — Текст: электронный // Sputnik Узбекистан: [сайт]. — 2016. — 6 апр. — URL: <https://uz.sputniknews.ru/20160406/2403583.html> (дата обращения: 09.08.2021).
338. Русских в Туркмении легализуют — Текст: электронный // Независимая газета: [сайт]. — 2019. — 7 июля. — URL: https://www.ng.ru/cis/2019-07-07/5_7616_turkmenistan.html (дата обращения: 21.06.2020).
339. Сафранчук, И. А. Удар по глобализации / И. А. Сафранчук. — Текст: электронный // Известия: [сайт]. — 2020. — 14 окт. — URL: <https://iz.ru/1073314/ivan-safranchuk/udar-po-globalizacii> (14.10.2020).
340. Ситуация в отношениях между Россией и Турцией — Текст: электронный // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://www.mid.ru/situacia-v-otnoseniah-mezdu-rossiej-i-turciej1> (дата обращения: 22.04.2020).

341. Сколько русских осталось в республиках Центральной Азии — Текст: электронный // AsiaPlus: [сайт]. — 2019. — 14 июля. — URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/20190714/skolko-russkih-ostalos-v-respublikah-tsentralnoi-azii> (дата обращения: 21.06.2020).
342. Сухроб, Р. Центральная Азия — несложившаяся интеграция / Р. Сухроб. — Текст: электронный // Central Asian Analytical Network (CAAN): [сайт]. — 2020. — 4 июня. — URL: <https://www.caa-network.org/archives/19909> (дата обращения: 12.11.2021).
343. Сучков, М. Хрупкие или пластичные. Почему Россия и Турция так легко ссорятся и мирятся / М. Сучков. — Текст: электронный // Московский центр Карнеги: [сайт]. — 2020. — 16 марта. — URL: <https://carnegie.ru/commentary/81291> (дата обращения: 30.04.2020).
344. Ткачёв, О. Русские и русский язык в Казахстане. Итоги экспедиции РГО / О. Ткачёв. — Текст: электронный // Русский Мир: [сайт]. — 2019. — 4 дек. — URL: <https://russkiymir.ru/publications/266083/> (дата обращения: 21.06.2020).
345. Толипов, Ф. Геополитическая арифметика «5+1» в Центральной Азии / Ф. Толипов. — Текст: электронный // CABARASIA: [сайт]. — 2020. — 6 ноя. — URL: <https://cabar.asia/ru/geopoliticheskaya-arifmetika-5-1-v-tsentralnoj-azii> (дата обращения: 10.10.2020).
346. Толипов, Ф. Знают ли в России Центральную Азию / Ф. Толипов. — Текст: электронный // Независимая газета: [сайт]. — 2020. — 28 июня. — URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2020-06-28/11_7896_asia.html (дата обращения: 30.06.2020).
347. Тренин, Д. В. 20 лет Владимира Путина: трансформация внешней политики / Д. В. Тренин. — Текст: электронный // Ведомости: [сайт]. — 2019. — 14 авг. — URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/08/14/808755-20-let-putina> (дата обращения: 16.08.2020).
348. Триллин, Д. Как сильно сокращение денежных переводов из России ударило по странам Центральной Азии? / Д. Триллин. — Текст: электронный // EurasiaNet: [сайт]. — 2015. — 30 мая. — URL: <https://russian.eurasianet.org/node/61951> (дата обращения: 16.06.2020).
349. Турция готова управлять аэропортом Кабула, заявил Эрдоган — Текст: электронный // РИА Новости: [сайт]. — 2020. — 20 июля. — URL: <https://ria.ru/20210720/kabul-1741972685.html> (дата обращения: 09.08.2021).
350. Турция обнаружила дополнительные запасы газа в Черном море — Текст: электронный // РИА Новости: [сайт]. — 2020. — 17 окт. — URL:

- <https://www.rbc.ru/economics/17/10/2020/5f8b09719a7947438da70ef4> (дата обращения: 12.11.2020).
351. Тюркский совет переименовали в Организацию тюркских государств. — Текст: электронный // ТАСС: [сайт]. — 2021. — 12 ноя. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12912505> (дата обращения: 13.11.2021).
352. Узбекистан вступает в Тюркский совет — Текст: электронный // Агентство Анатолии: [сайт]. — 2019. — 12 сен. — URL: <https://www.aa.com.tr/ru/турция/узбекистан-вступает-в-тюркский-совет-/1580118> (дата обращения: 10.04.2020).
353. Узбекистан получил статус наблюдателя в ЕАЭС — Текст: электронный // ГАЗЕТА.УЗ.: [сайт]. — 2020. — 11 дек. — URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/12/11/eaeu/> (дата обращения: 01.02.2020).
354. Черненко, Е. Москва становится Центральной в Азии / Е. Черненко. — Текст: электронный // Коммерсантъ: [сайт]. — 2020. — 16 окт. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4531609> (дата обращения: 18.10.2020).
355. Шестаков, Е. Деньги решают не все / Е. Шестаков. — Текст: электронный // Российская газета: [сайт]. — 2020. — 19 фев. — URL: <https://rg.ru/2020/02/19/chem-i-kak-rossiia-pomogaet-centralnoj-azii.html> (дата обращения: 12.06.2020).
356. Шустов, А. Турция активизирует тюркский фактор в Центральной Азии / А. Шустов. — Текст: электронный // РитмЕвразии: [сайт]. — 2019. — 27 ноя. — URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2019-11-27--turcija-aktiviziruet-tjurkskij-faktor-v-centralnoj-azii-46183> (дата обращения: 20.02.2020).
357. Экспорт из России в Турцию: нефть и нефтепродукты — Текст: электронный // RU-STAT: [сайт]. — URL: <https://ru-stat.com/date-Y2013-2018/RU/export/TR/0527> (дата обращения: 02.05.2020).

на английском языке:

358. Aras, B. Turkey and Russia: Asymmetrical Partnership? / B. Aras. — Текст: электронный // LobeLog: [сайт]. — 2020. — 10 сен. — URL: <https://lobelog.com/turkey-and-russia-an-asymmetrical-partnership/> (дата обращения: 12.11.2021).
359. Aras, B. Turkish Policy toward Central Asia / B. Aras. — Текст : электронный // SETA: [сайт]. — 2008. — 1 апр. — URL: <https://www.setav.org/en/turkish-policy-toward-central-asia/> (дата обращения: 12.09.2021).
360. Baç M. M., Middle Power / M. M. Baç — Текст: электронный // Britannica: [сайт]. — URL: <https://www.britannica.com/topic/middle-power> (дата обращения: 10.02.2020).

361. Busygina, I. Russia in the Eurasian Economic Union: Lack of Trust in Russia Limits the Possible / I. Busygina. — Текст: электронный // PONARS Eurasia: [сайт]. — URL: <https://www.ponarseurasia.org/russia-in-the-eurasian-economic-union-lack-of-trust-in-russia-limits-the-possible/> (дата обращения: 08.06.2021).
362. Contribution of the TAF to Peace Support Operations — Текст: электронный // Republic of Turkey Ministry of National Defence: [сайт]. URL: <https://www.tsk.tr/Sayfalar?viewName=ContributionToTafToPeace> (дата обращения: 05.11.2021).
363. Duran, B. The Sole Axis of Turkey's Foreign Policy — Текст: электронный // Daily Sabah: [сайт]. — 2020. — 11 фев. — URL: <https://www.dailysabah.com/columns/duran-burhanettin/2020/02/11/the-sole-axis-of-turkeys-foreign-policy> (дата обращения: 15.11.2021).
364. GDP Current (US dollar), Russian Federation — Текст: электронный // The World Bank: [сайт]. — URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2018&locations=RU&start=1988&view=chart> (дата обращения: 16.06.2020).
365. GNI per capita, Atlas method (current US\$) — Текст: электронный // The World Bank: [сайт]. — URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD?locations=RU> (дата обращения: 12.10.2020).
366. Jones, B. Can Middle Powers Lead the World Out of the Pandemic? Because the United States and China Have Shown They Can't / B. Jones. — Текст: электронный // Foreign Affairs: [сайт]. — 18 июня. — 2020. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/france/2020-06-18/can-middle-powers-lead-world-out-pandemic> (дата обращения: 15.09.2021).
367. Köstem, S. The Power of the Quiet? Turkey's Central Asian Strategy / S. Köstem. — Текст: электронный // ISPI: [сайт]. — 2019. — URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/power-quiet-turkeys-central-asia-strategy-24069> (дата обращения: 12.06.2020).
368. Kruglov, A. Ankara to Central Asia: 'We're all Turks' / A. Kruglov. — Текст: электронный // AsiaTimes: [сайт]. — 2020. — 21 ноя. — URL: <https://asiatimes.com/2019/11/central-asia-ankara-seeks-turkic-primacy/> (дата обращения: 22.02.2020).
369. Real GDP Forecast — Текст: электронный // OECD: [сайт]. — URL: <https://data.oecd.org/gdp/real-gdp-forecast.htm> (дата обращения: 06.04.2020).
370. Satke, R., Michel C., Korkmaz S. Turkey in Central Asia: Turkic Togetherness? / R. Satke, C. Michael, S. Korkmaz. — Текст: электронный // The Diplomat: [сайт]. — 2014. — 28 ноя.

- URL: <https://thediplomat.com/2014/11/turkey-in-central-asia-turkic-togetherness/> (дата обращения: 29.02.2020).
371. The World Factbook — Текст: электронный // Central Intelligence Service: [сайт]. — URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/tx.html> (дата обращения: 21.06.2020).
372. Trends in International Arms Transfers. — Текст: электронный // SIPRI: [сайт]. — 2016. — URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/Trends-in-international-arms-transfers-2016.pdf> (дата обращения: 20.11.2020).
373. Trenin, D. Eurasian Union: Useful, But Modest / D. Trenin. — Текст: электронный // Carnegie: [сайт]. — 2013. — 5 июля. — URL: <https://carnegie.ru/commentary/52578> (дата обращения: 12.05.2020).
374. Trenin, D. Integrating Russia's Post-Imperium / D. Trenin — Текст: электронный // Project Syndicate: [сайт]. — 2011. — 2 ноя. — URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/integrating-russia-s-post-imperium?barrier=accesspaylog> (дата обращения: 16.06.2020).
375. Trenin, D. Russia: From Empire to Great Power / D. Trenin. — Текст: электронный // Carnegie: [сайт]. — 2011. — 29 июля. — URL: <https://carnegie.ru/2011/06/29/russia-from-empire-to-great-power-pub-44896> (дата обращения: 12.05.2020).
376. Trenin, D. Russia's Great Power Problem / D. Trenin. — Текст: электронный // National Interests: [сайт]. — 2014. — 28 окт. — URL: <https://nationalinterest.org/feature/russias-great-power-problem-11553> 2014 (дата обращения: 13.03.2020).
377. Trenin, D. Strategic Stability in the Changing World / D. Trenin. — Текст: электронный // Carnegie: [сайт]. — 2019. — 21 марта. — URL: <https://carnegie.ru/2019/03/21/strategic-stability-in-changing-world-pub-78650> (дата обращения: 12.05.2020).
378. Uzbekistan Aims for full Transition to Latin-based Alphabet by 2023. — Текст: электронный // RFT/RL: [сайт]. — 2021. — 12 фев. — URL: <https://www.rferl.org/a/uzbekistan-aims-for-full-transition-to-latin-based-alphabet-by-2023/31099723.html> (дата обращения: 12.09.2021).
379. Wheeler, T. Turkey's Role and Interest in Central Asia / T. Wheeler. — Текст: электронный // Saferworld: [сайт]. — 2013. — URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/172943/turkeys-role-and-interests-in-central-asia.pdf> (дата обращения: 12.02.2019).

на турецком языке:

380. Afrika Birliği (Африканский союз). — Текст: электронный // Т.С. Dış İşleri Bakanlığı: [сайт]. URL: <https://www.mfa.gov.tr/afrika-birligi.tr.mfa> (дата обращения: 01.11.2021).
381. Arap Devletleri Ligi (Лига арабских государств). — Текст : электронный // Т.С. Dış İşleri Bakanlığı : [сайт]. URL: <https://www.mfa.gov.tr/arap-ligi.tr.mfa> (дата обращения: 01.11.2021).
382. ABD'den sonra en çok dizi ihraç eden ülke Türkiye (Турция экспортирует больше всего сериалов после США). — Текст: электронный // Anadolu Ajansı: [сайт]. — 2019. — 11 ноя. — URL: <https://www.aa.com.tr/tr/kultur-sanat/abdden-sonra-en-fazla-dizi-ihrac-eden-ulke-turkiye/1641524> (дата обращения: 22.04.2020).
383. Çelikpala, M. Yeni Yüzyılda Stratejik Ortaklık: Türkiye ve Rusya (Стратегическое партнерство в новом тысячелетии). — Текст: электронный // Anadolu Ajansı: [сайт]. — 2017. — 4 окт. — URL: <https://www.aa.com.tr/tr/analiz-haber/yeni-yuzyilda-stratejik-ortaklik-turkiye-ve-rusya/926673> (дата обращения: 12.11.2021).
384. Dış Ticaret İstatistikleri, Ükelere Göre Dış Ticaret (Статистика внешней торговли, Внешняя торговля по странам) // TUIK: [сайт]. — Текст : электронный — URL: <https://biruni.tuik.gov.tr/disticaretapp/disticaret.zul?param1=4¶m2=0&sitcrev=0&isicrev=0&sayac=5808> (дата обращения: 30.04.2020).
385. Ejder Yalçın Zırhlıları Özbekistan Ordusunda (Дракон Ялчин находится в Армии Узбекистана). — Текст: электронный // CNN Türk: [сайт]. — 2019. — 3 июля. — URL: <https://www.cnntrk.com/ekonomi/ejder-yalcin-zirhlilari-ozbekistan-ordusunda> (дата обращения: 18.11.2020).
386. Enerji Piyasası Düzenleme Kurumu: Petrol Piyasası 2018 Sektör Raporu (Агентство по регулированию энергетического рынка: отчет о секторе рынка нефти за 2018 год) — Текст: электронный // EPDK: [сайт]. — URL: <https://www.epdk.org.tr/Detay/Icerik/3-0-168/resmi-istatistikleri> (дата обращения: 15.04.2020).
387. Kazakistan'dan Türkiye Askeri Alanda Ortağımız Açıklaması (Военное партнерство Казахстана с Турцией). — Текст: электронный // Kırım Haber Ajansı: [сайт]. — 2019. — 20 ноя. — URL: <https://qha.com.tr/haberler/kazakistan-dan-turkiye-askeri-alanda-ortagimiz-aciklamasi/117859/> (дата обращения: 02.07.2020).
388. Kerimov: Atatürk Yolundan Dönmem (Керимов: Я не вернусь с дороги Ататюрка). — Текст: электронный // Milliyet Gazetesi: [сайт]. — 2000. — 18 окт. — URL: <https://www.milliyet.com.tr/the-others/kerimov-ataturk-yolundan-donmem-5334691> (дата обращения: 18.02.2020).

389. Orta Asya Ülkeleri ile İlişkiler (Отношения с централъазиатскими государствами). — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of Turkey: [сайт]. — URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-orta-asya-ulkeleri-iliskileri.tr.mfa> (дата обращения: 23.02.2020).
390. Özbekistan'a Askeri Yardım (Военная помощь Узбекистану). — Текст: электронный // NTV Arşiv: [сайт]. — URL: <http://arsiv.ntv.com.tr/news/141424.asp> (дата обращения: 20.04.2020).
391. Şahtahtı, S., Şahbazov, R. Uçak Krizinin Türkiye-Rusya Ekonomik İlişkilerine Etkisi (Влияние авиационного кризиса на турецко-российские экономические отношения) / S. Şahtahtı, R. Şahbazov. — Текст: электронный // EkoAvrasya. — 2016. — 14 фев. [сайт]. — URL: <https://ekoavrasya.net/Duyuru.aspx?did=202&lang=TR> (дата обращения: 12.09.2021).
392. T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı (Министерство культуры и туризма Турецкой Республики) — Текст: электронный // Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı [сайт]. — URL: <https://www.ytb.gov.tr/kurumsal/baskanligimiz-2> (дата обращения: 06.04.2020).
393. TSK'dan Kazakistan'a Askeri Yardım (Военная помощь Казахстану). — Текст: электронный // Haber7: [сайт]. — 2005. — 28 ноя. — URL: <https://www.haber7.com/dunya/haber/123947-tskdan-kazakistana-askeri-yardim> (дата обращения: 12.09.2020).
394. Türkiye-Rusya İlişkileri (Отношения России и Турции). — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of Turkey: [сайт]. — URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-rusya-siyasi-iliskileri.tr.mfa> (дата обращения: 22.04.2020).
395. Türkiye'den Kırgızistan'a Askeri Yardım (Военная помощь из Турции Кыргызстану). — Текст: электронный // Dünya Bülteni: [сайт]. — 2013. — 28 фев. — URL: <https://www.dunyabulteni.net/orta-asya/turkiyeden-kirgizistana-askeri-yardim-h249364.html> (дата обращения: 12.08.2020).
396. Türkiye Kırgızistan'ın Borcunu Sildi (Турция списывает долг Кыргызстана). — Текст: электронный // TRT Haber: [сайт]. — 2012. — 24 апр. — URL: <https://www.trthaber.com/haber/dunya/turkiye-kirgizistanin-borcunu-sildi-38045.html> (дата обращения: 16.04.2020).
397. Türk Cumhuriyetlerine 5 Yılda 24.5 Milyar Dolarlık İhracat (Экспорт в Тюркские Республики за 5 лет составил 24,5 миллиарда долларов). — Текст: электронный // Anadolu Ajansı: [сайт]. — 2019. — 15 окт. — URL: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/turk-cumhuriyetlerine-5-yilda-24-5-milyar-dolarlik-ihracat/1614208> (дата обращения: 06.04.2020).

398. Türkiye Kırgızistan Ordusu için Askeri bir Üs Kurma Niyetini Doğruladı (Турция подтвердила намерение создать военную базу для армии Киргизии) // Dünya Bülteni: [сайт]. — 2019. — 25 июн. — URL: <https://www.dunyabulteni.net/orta-asya/turkiye-kirgizistan-ordusu-icin-askeri-bir-enstitu-kurma-niyetini-dogruladi-h444231.html> (дата обращения: 18.11.2020).
399. Yükselen Güç Türkiye! (Восходящая сила - Турция!) — Текст: электронный // Habertürk: [сайт]. — 2012. — 20 дек. — URL: <https://www.haberturk.com/ekonomi/para/haber/804997-yukselen-guc-turkiye> (дата обращения: 11.11.2021).